

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 26

2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
Глушак В.М. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЗМА В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТЕКТИВОВ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ)	6
Юридическая техника	
Бегишев И.Р. ЮРИДИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РОБОТ»	13
Головинов А.В. ПОНЯТИЕ «ПРОВИНЦИЯ» В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ: АНАЛИЗ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА И Г.Н. ПОТАНИНА	17
Довгань К.Е. КАТЕГОРИЯ «РАМОЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РФ	22
Дудко Н.А. СУД ПРИСЯЖНЫХ ИЛИ СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ	26
Тыдыкова Н.В. О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТАХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	33
Шутова А.А. ЮРИДИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЗД-БИОПРИНТИНГ»	40
Юридическая герменевтика	
Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ	48
Губернаторова Э.В., Тимофеев Е.В., Пинчук А.П. ДВОЙНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРОБЛЕМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ	53
Казанцева О.Л. О ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И ПОНЯТИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ	60
Сорокин В.В. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА	65
Лингвоэкспертология	
Колтунова Е.А., Давыдов С.В. К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ДИСКРЕДИТАЦИЯ В СУДЕБНЫХ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ	69

Лингвоконфликтология	
Зюбина И.А. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНА ДОМИНИРОВАНИЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	76
Суггестивная функция языка и речевое манипулирование	
Деминова М.А., Чугулова А.А. «ЗА ГРАНЬЮ»: ТРЭШ-ЖУРНАЛИСТИКА НА ГРАНИ КОММУНИКАТИВНЫХ НОРМ	81
Язык и право	
Масяйкина Е.В., Владимирова С.Б. ИДЕОЛОГИЯ ОБЛАСТНИЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК ПОВЕСТИ ГЕОРГИЯ ГРЕБЕНЩИКОВА «ХАНСТВО БАТЫРБЕКА»	90
Рецензии. Хроника. Информация	
Галяшина Е.И., Богатырев К.М., Никишин В.Д. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР)	96

CONTENTS

Legal Communication	
Glushak V.M. CONCEPTUALIZATION OF DIDACTICISM IN THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF AN INVESTIGATOR (BASED ON DETECTIVE STORIES BY RUSSIAN AND ENGLISH AUTHORS)	6
Legal Techniques	
Begishev I.R. LEGAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «ROBOT»	13
Golovinov A.V. THE CONCEPT OF "PROVINCE" IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL DOCTRINE OF THE SIBERIAN REGIONALISTS: ANALYSIS OF THE CATEGORICAL APPARATUS OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF N.M. YADRINTSEV AND G.N. POTANIN	17
Dovgan K.E. CATEGORY OF "FRAMEWORK LEGISLATION" IN THE NATIONAL LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION	22
Dudko N.A. JURY TRIAL OR COURT WITH JURY PARTICIPATION: TERMINOLOGY ISSUES	26

Tydykova N.V. ON THE CONCEPT AND CONTENT OF SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INVIOABILITY AS OBJECTS OF SEXUAL OFFENCES	33
Shutova A.A. LEGAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «3D-BIOPRINTING»	40
Legal hermeneutics	
Vasiliev A.A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. VIRTUAL WORLD AND SOCIAL REALITY: CORRELATION ASPECTS	48
Gubernatorova E.V., Timofeev E.I., Pinchuk A.P. DUAL RESPONSIBILITY AS A CROSS-SECTORAL PROBLEM: SOME PRACTICAL APPLICATION ISSUES	53
Kazantseva O.L. ON THE VALUE OF LIFE AND THE CONCEPT OF THE RIGHT TO LIFE	60
Sorokin V.V. INTERPRETATION OF THE LAW IN THE LIGHT OF POSTMODERNISM	65
Linguoexpertology	
Koltunova E.A., Davydov S.V. ON PARAMETRIZATION OF THE CONCEPT OF DEFAMATION IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXAMINATIONS	69
Linguoconflictology	
Zyubina I.A. CONFLICTOGENIC POTENTIAL OF THE DOMINANCE PHENOMENON IN THE JURISLINGUISTIC ASPECT	76
Suggestive function of language and speech manipulation	
Deminova M.A., Chugulova A.A. "BEYOND": TRASH JOURNALISM ON THE VERGE OF COMMUNICATIVE NORMS	81
Language and law	
Masyaikina E.V., Vladimirova S.B. IDEOLOGY OF OBLASTNICHESTVO AS THE REFLECTION OF RUSSIAN CULTURE: CASE STUDY OF LEXICO-LINGUISTIC PRACTICES IN GEORGE GREBENSHCHIKOV'S STORY «THE KHANATE OF BATYRBEK»	90
Reviews. Chronicle. Information	
Galyashina E.I., Bogatyrev K.M., Nikishin V.D. CONCEPTUALIZATION OF RESISTANCE TO INFORMATION THREATS IN THE INTERNET ENVIRONMENT VIA SPECIAL LEGAL AND FORENSIC LINGUISTIC KNOWLEDGE	96

Концептуализация дидактизма в коммуникативном поведении следователя (на материале детективов русских и английских авторов)

В.М. Глушак

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
пр. Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия. E-mail: glushakvm@mail.ru*

В статье рассматривается один из релевантных концептов в речевом поведении следователя – ДИДАКТИЗМ. Этот концепт состоит из ряда слотов, которые направлены на реализацию воспитательной функции в профессиональной деятельности следователя. Проведенный анализ допросов в художественных произведениях русских и английских авторов позволил выявить четыре концепта, которые характеризуют основные иллокуции речевого поведения следователей, связанные с получением показаний от подсудимого. Объектом исследования стали слоты концепта ДИДАКТИЗМ, их иллокутивная направленность и степень представленности в речи следователей. Был проведен статистический анализ полученных результатов с целью определения возможной зависимости между личностью отдельного детектива и его речевым поведением в плане частотности употребления тех или иных слотов при реализации концепта ДИДАКТИЗМ. В статье проводится также сравнительный анализ особенностей реализации воспитательных интенций в русской и английской лингвокультурных общностях, а также доминант речевого поведения русских и английских следователей, направленных на оказание ими педагогического воздействия на подсудимое лицо.

Ключевые слова: юридический дискурс, дидактизм, концепт, коммуникативное поведение, художественный детектив.

Conceptualization of Didacticism in the Communicative Behavior of an Investigator (Based on Detective Stories by Russian and English Authors)

V.M. Glushak

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: glushakvm@mail.ru*

The article deals with one of the relevant concepts in the speech behavior of an investigator – DIDACTISM. This concept consists of a number of slots that are aimed at the implementation of the educational function in the professional engagement of the investigator. The analysis of interrogations in the works of fiction by Russian and English authors made it possible to identify four concepts that characterize the main illocutions of the verbal behavior of investigators associated with obtaining testimony from the person under investigation. The object of the study was the slots of the DIDACTISM concept, their illocutionary orientation and the degree of representation in the speech of the investigators. A statistical analysis of the obtained results was carried out in order to determine the possible relationship between the personality of an individual detective and his speech behavior in terms of the frequency of using certain slots in the implementation of the concept DIDACTISM. The article also provides a comparative analysis of the features of the implementation of educational intentions in the Russian and English linguistic and cultural communities, as well as the dominant speech behavior of Russian and English investigators, aimed at their pedagogical impact on the person under investigation.

Key words: legal discourse, didacticism, concept, communicative behavior, fictional detective story.

1. Введение

Исследователи, занимающиеся проблемами речевого поведения служителей правопорядка, обращаются преимущественно к судебному красноречию [Пригарина 2008, Tigar 1999], специфике коммуникативного поведения представителей правовых органов [Дубровская 2010, Красовская 2008, Blank 1993, O'Barr 1982, Cheng 2011, Merry 1990, Wagner, Cheng 2011], а также анализу аргументирования в правовом дискурсе [Мельник 2000, Новицкий 2002].

В работах по юридической педагогике указывается на более высокую эффективность расследований при сочетании следственных действий с воспитательным воздействием на допрашиваемых. Благодаря педагогическому воздействию работников правосудия на подозреваемых у последних может появиться чувство вины за совершенные деяния. Воспитательное коммуникативное поведение следователей связано с наставлениями и поучениями и ориентировано на то, чтобы подследственные лица смогли прийти к моральному осуждению своих незаконных поступков и осознанию их опасности для окружающих [см. напр.: Кикоть и др. 2004: §16.3.].

В случае когда коммуникативные действия говорящего направлены на оказание воспитательного воздействия на собеседника или коррекцию его поведения, в рамках юридического дискурса можно говорить о целенаправленных попытках представителя правоохранительных органов оказать воздействие на когнитивные структуры допрашиваемого. В терминах когнитивной лингвистики речь идет о концептуальных структурах знаний, представленных в сознании каждого человека. Коммуникативные усилия следователя по оказанию воспитательного воздействия на допрашиваемого и коррекции его когнитивных структур мы будем обозначать как дидактизм.

Отсутствие каких-либо значимых исследований такого важного аспекта работы следователя как дидактизм объясняется, прежде всего, тем, что осложнен доступ к следственным материалам, не говоря уже о стенограммах проведения допросов. Эту лауну в определенной степени могут восполнить художественные произведения, выполненные в жанре детективного романа. Так как художественная литература является отражением реальной действительности лингвокультурного сообщества через преломление личности автора произведения, то на материале детективных романов можно исследовать использование следователями и детективами дидактизма в своей следственной деятельности.

Коммуникативное поведение рассматривается в русле функциональной прагмалингвистики, одним из основополагающих постулатов которой является реализация намерения собеседников – иллюкуция. В свою очередь, намерения следователя могут быть представлены в виде концептов. Наши размышления базируются на понимании концептуальных образований А.А. Романовым и Е.В. Малышевой, которые предлагают рассматривать социальную интеракцию в рамках следующей структуры: кто – кому – когда – что – почему – зачем – как [Романов, Малышева 2016: 75]. Выделенные исследователями фреймовые компоненты мы интерпретируем следующим образом: «кто» – говорящий в совокупности его социально-статусных характеристик, «кому» – слушающий в совокупности его социально-статусных характеристик, «когда» – характер коммуникативной ситуации, «что» – содержательная сторона высказывания, «зачем» – цель (интенция) коммуникативного действия говорящего, «почему» – социальная или институциональная роль говорящего, «как» – способ (языковые средства, стратегии и тактики) реализации интенции говорящего.

В качестве ментального образования конструирования дидактизма в коммуникативном поведении следователя мы выбираем концепт, который описывает типичные ситуации и стереотипные сценарии в сочетании с социальными и культурными факторами определенного общества [Иванова, Артемова 2005: 48]. Основанием для построения концепта служат иллюкуции, определяющие протекание коммуникативного поведения говорящего и выбор им соответствующих средств оформления своих конечных высказываний.

В дальнейшем рассмотрим концептуализацию концепта ДИДАКТИЗМ в коммуникативном поведении следователей в русских и английских детективных романах.

2. Материал и методика исследования

В настоящем исследовании было проанализировано коммуникативное поведение восьми русских следователей и восьми английских детективов из художественных произведений известных авторов: В.Ф. Чванова, А.Г. Адамова, С.В. Родионова, О. Лавровой и А. Лаврова, А.А. и Г.А. Вайнеров, Р.Б. Ренделл, А. Кристи, К. Декстера, К. Грэм, Э. Джордж.

Единицей анализа выступали контексты допросов. В общей сложности было выбрано 4199 коммуникативных ситуаций в русских детективах и 4517 ситуаций – в художественных детективах английских авторов. В каждом высказывании выявлялись интенции следователей и детективов и анализировались языковые средства их реализации. Все интенции были распределены по их принадлежности к одному из четырех значимых компонентов профессиональной коммуникации следователя – ПОБУДИТЕЛЬНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ, КОНТАКТНОСТЬ и ДИДАКТИЗМ.

В соответствии с целями настоящей статьи отдельно был изучен концепт ДИДАКТИЗМ в речевом поведении следователей русской и английской лингвокультур. В служебном коммуникативном поведении русского следователя к средствам реализации концепта ДИДАКТИЗМ относится 22% всех выявленных речевых образцов. В профессиональном общении английского следователя индикаторы концепта ДИДАКТИЗМ составляют 9% от всех его маркеров.

3. Результаты и дискуссия

Назидательная коммуникация, реализуемая следователем, непосредственно выражает его дидактическую интенцию в отношении к собеседнику. Рассмотрим подробнее слоты концепта ДИДАКТИЗМА.

3.1. Этический аспект действий подследственного – преобладающий языковой маркер русского коммуникативного поведения следователя в рамках концепта ДИДАКТИЗМ. Он встречается в 384 контекстах и составляет 25% общего

числа русских индикаторов рассматриваемого концепта. В английском коммуникативном поведении следователя данный маркер занимает лишь четвертое место в слоте и насчитывает 77 контекстов, что соответствует 12%.

Этическая модальность является доминантой нравоучительной беседы и объективируется в речи служителя закона посредством разнообразной этической терминологии, например: совершить проступок, раскаиваться, заглядывать вину, добро, ложь, злой, украсть, закон, innocent, the guilty, a hypocrite, a criminal offence, duty, liar, justice, conscience и т. п. Употребление детективами лексики данного семантического поля оказывает прямое воспитательное воздействие на личность допрашиваемого:

(1) "Well, what would you have done in my place <...>?"

"Behaved like a responsible citizen, but that's an alien concept to you, I know." (Rendell)

(2) – Вы думаете: я делал, что хотел, я сильный человек. А я считаю – слабак. Лежит мешок муки – руки дрожат, дай украду. Масло привезли – опять стащить хочется.

– Как это вы говорите <...> будто я простой воришка!

– Если украли очень много муки и очень много масла, разве стали лучше? (Лаврова/Лавров)

Назидательность в речи следователя в примерах (1) и (2) достигается путем использования лексики, содержащей этическую сему или соответствующую коннотацию. В примере (1) следователь подчеркивает безответственное социальное поведение человека, пример (2) затрагивает исконно этическую тематику незаконного присвоения чужого имущества.

3.2. Генерализация является значимым компонентом служебной коммуникации следователей обеих лингвокультур – им равно принадлежит второе место в слоте по частоте использования. Русский следователь прибегает к генерализованным высказываниям в 303 эпизодах (20% от числа маркеров концепта ДИДАКТИЗМ русских следователей), английским коллегой они употребляются в 142 эпизодах (21% всех слотов английского концепта ДИДАКТИЗМ).

Генерализованные высказывания, имеющие в своем составе подлежащее, либо дополнение в единственном или множественном числе, отражают некий обобщенный опыт, транслируемый правоохранителем в беседе с допрашиваемым. Поскольку ситуация представляется собеседнику в общем, генерализованном виде, она приобретает черты правила, что придает высказыванию следователя назидательность, дидактичность:

(3) "<...> You'll excuse me, Miss Meredith, but try and speak the truth. I know you're nervous, and when one's nervous one's apt to – well, to say the thing the way you want it to be. But that doesn't really pay in the end." (Christie)

(4) – Выходит, ты простых портных вообще в счет не принимаешь? – осуждающе проговорил Солдатов. – Кем же ты собираешься стать? Изобретателем, генералом, директором? Только знай – без уважения к другим людям ими не становятся <...>. Да и не поставят. (Чванов)

В примере (3) содержится генерализованное высказывание с подлежащим в единственном числе, с помощью которого следователь назидательно раскрывает типичное ошибочное поведение взволнованного коммуниканта в ситуации допроса. Посредством генерализованного высказывания в примере (4), представляющего собой два связанных по смыслу обобщенно-личных предложения с дополнением *ими* во множественном числе, следователь эксплицитно обозначает для юного собеседника нормы и правила отношения к окружающим людям.

3.3. Обобщение – наиболее распространенный языковой маркер концепта ДИДАКТИЗМ. Его показатель – 177 словоупотреблений, что составляет 27% в английском варианте слота. В профессиональном общении русского следователя данный маркер располагается на третьей позиции и насчитывает 296 словоупотреблений (20%).

По своим дидактическим функциям обобщения, реализующиеся, как правило, лексическими производными от «все» и «всегда», близки к генерализованным высказываниям. Использование обобщений в коммуникативной ситуации беседы с допрашиваемым создает аналогичный эффект общего правила, принципа, закономерности, которые следует учитывать и которые являются существенным аргументом сотрудника правоохранительных органов в наставлении своего оппонента:

(5) "Ah!" said Battle. "Sir Oswald's a great man – and a great man always knows better than to explain unless an explanation is demanded. To rush into explanations and excuses is always a sign of weakness." (Christie)

(6) – Не в моих условиях эти черточки рисовать, – не согласилась она.

– Условия?! Человек должен плевать на условия. Теперь все на условия валят. И ты: мать, мастер, дураки кругом, никто тебя не понимает <...>. А что ты значишь сама как личность?! (Родионов)

В контексте примера (5) инспектор полиции методично растолковывает собеседнице психологию сильной, независимой личности. Наречие обобщающего характера *always* и его повтор усиливают поучительность высказывания, делая его запоминающимся, афористичным. Пример (6) представляет многообразную обобщающую лексику, служащую целям выразительности нравоучительной риторики следователя.

3.4. Поучение в русском детективном дискурсе занимает четвертое/пятое место анализируемого слота, которое оно делит со слотом разъяснения (142 контекста – 9% всех языковых маркеров концепта). В английских детективах исследуемый маркер размещается на пятой позиции и насчитывает 56 контекстов (8% от общего числа индикаторов концепта).

Речевые акты поучения являют собой непосредственное дидактическое высказывание следователя и выражают, как правило эксплицитно, коммуникативную интенцию адресанта:

(7) "A-levels this year?"

The boy nodded. "German, French, and Latin."

"You confident?"

"Not really."

"Shouldn't worry too much about that," said Morse in an objectionably avuncular tone. "Over-rated quality confidence is. <...> Hard work – that's the secret. Put your foot through the telly, or something." (Dexter)

(8) – Но, Елена Романовна, когда-нибудь все кончается и начинается что-то другое. Вы молоды и нечто поняли о себе – вам не поздно начинать! <...> Да, начинать нелегко. Но после всего, что произошло, ведь и продолжать нелегко, – возразил он. – Вы вот боитесь парикмахерской. А вам не случалось жалеть о той девушке, что превратилась в Шахию? Ручаюсь, парикмахерша была веселей. (Лаврова/Лавров)

Речевой акт наставления в примере (7) адресован учащемуся и касается подготовки к выпускным экзаменам. Следователь указывает мальчику на необходимость упорного труда вместо просмотра телевизионных передач. В примере (8) следователь произносит проповедь о важности нового этапа для собеседницы, о ее возможности начать все с чистого листа.

3.5. Разъяснение обнаруживает особую актуальность в коммуникативном поведении английского детектива, составляя 18% всех маркеров концепта ДИДАКТИЗМ и располагаясь в нем на третьем месте по частотности (118 индикаторов в тексте). В речи русского специалиста разъяснения употребляются в 142 эпизодах, что равняется 9% всех языковых маркеров концепта и соответствует четвертому/пятому номеру в их иерархии в рамках терминала (наряду со слотом поучения).

Разъяснения направлены непосредственно на вразумление подследственного путем его обучения и просвещения, как в следующих примерах:

(9) "Jim was on the platform and spoke of how meeting the Master changed his life. That was why I joined. I was so moved by his testimony."

"You can see that old trick, Miss Cuttle, in any market place. A shyster selling rubbish and another in the crowd shouting as how the rubbish changed his life." (Graham)

(10) – И все же представьте себе – ваш сын совершил кражу. Как бы вы с ним поступили?

– Я бы постарался иначе его воспитать. – Боровик почему-то поежился.

– Вот это и есть та самая мелочь, которой не хватает преступникам. Многим из них в детстве недодано воспитания, и нравственный фундамент оказался непрочным. Ну и, конечно, обстоятельства. (Чванов)

Прибегая к разъяснению в примере (9), следователь раскрывает простодушной собеседнице типичные приемы работы мошенников. Пример (10) иллюстрирует воспитательную беседу следователя с потерпевшим, в которой служитель закона касается глубинных причин преступности.

3.6. Пафос продолжает ряд языковых маркеров реализации концепта ДИДАКТИЗМ в коммуникативном поведении русского следователя, насчитывая 113 словоупотреблений и занимая 8% всех выделенных контекстов. В коммуникативном поведении английского коллеги доля пафосных высказываний достигает 4% и включает в себя 29 примеров, что соотносится лишь с восьмым местом в списке языковых маркеров концепта.

Возвышенная лексика представляет собой облагороженный, более одухотворенный пласт словарного запаса следователя, который он использует в беседе с фигурантами по расследуемому делу. Применяя пафосную лексику, служитель закона привносит в коммуникацию ценности более высокого порядка, что поднимает правовую беседу на качественно новый уровень, увеличивает дидактический потенциал общения с подследственным:

(11) "And, even if you were, I wouldn't need a posse of police to go around protecting me. You know why, lad? <...> No, you don't know why, do you? So let me tell you. It's because the archangels look after me, lad – always have done. And most especially when I'm pursuing my present calling as the protector of Law and eternal Justice!" (Dexter)

(12) – Будем считать, что профилактикой я с тобой занимался. <...> Профилактика в нашем деле – это выпрямление человеческих душ. Это очеловечивание отношений. Ты парень умный и поймешь, что если души будут прямые и отношения человеческие, то откуда же возьмутся черствые люди? (Чванов)

Возвышенная лексика нередко сближается с лексикой этической семантики, что прослеживается в примерах (11) и (12). В обоих высказываниях подчеркивается высокая миссия следователя – как неколебимого защитника закона и справедливости в примере (11), а также чуткого психолога и тонкого грамотного педагога в примере (12). И английский, и русский фрагменты детективного дискурса, представленные выше, содержат назидательную составляющую, значительно упрочивающую престиж работы следователя и его авторитет в восприятии собеседника. Данный педагогический эффект достигается не в последнюю очередь благодаря приподнятой, торжественной лексике в коммуникации следователя.

3.7. Прибегая к эвиденциальности и прецедентности, следователь привлекает в качестве аргумента чье-либо компетентное суждение, содержание известного литературного источника или общеизвестный факт в целях оказания дидактического воздействия на участников правовой коммуникации. В качестве данного языкового маркера мы рассматриваем как прямые, так и не прямые ссылки в высказывании правоохранителя, среди которых следует отдельно упомянуть цитацию, а также риторический прием намека с его вариациями: аллюзией, реминисценцией, умолчанием.

В служебной коммуникации русского следователя ссылки и упоминания занимают седьмую позицию в иерархии языковых маркеров концепта ДИДАКТИЗМ. Они встречаются в 77 контекстах, что составляет 4% от числа всех индикаторов. В репликах английского детектива ссылки и упоминания зафиксированы в 36 контекстах (5%) и стоят на шестом месте рассматриваемого концепта.

Таким образом, обращение к назидательному потенциалу, содержащемуся в авторитетном мнении, значимом прецеденте или литературном эпизоде, помогает следователю реализовать свои воспитательные функции. Проиллюстрируем это утверждение примерами:

(13) "Mrs Devenish, I've said it before, DS Malahyde has said it, everyone would say it, you must no longer tolerate this treatment. You surely have tolerated it once too often. Next time you must come to us." (Rendell)

(14) – Скажите, вы задумывались когда-нибудь, отчего болит сердце у людей и отчего оно разрывается? – спросил Солдатов и сам же ответил: – Иногда из-за этих же трех метров ратина разрывается. Вы читали «Шинель» Гоголя?

– Я уже забыл, чему меня в школе учили. Хотя, постойте, чиновника какого-то раздели, а он и помер...

– Вот именно, раздели, а он и помер. И это не только в книгах бывает. (Чванов)

В примере (13) следователь, ссылаясь на мнение многих людей, пытается убедить потерпевшую более не мириться с жестоким обращением, которое имеет место в ее семье в течение многих лет. В контексте примера (14) содержится ссылка на классическое литературное произведение из школьной программы, что помогает следователю в разговоре с допрашиваемым провести яркую дидактическую параллель с реальной жизненной ситуацией, виновником которой явился данный коммуникант.

К эвиденциалам можно также отнести изречения и мудрые высказывания, которые охватывают пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сентенции, максимы, парадоксы, клише. Они являют собой назидание в чистом виде, и их включение в профессиональную риторiku следователя имеет выраженную воспитательную направленность, например:

(15) "I'm a fool," Devenish said <...>. "I couldn't help it. <...>"

"While there's life there's hope," Wexford said, in a cliché he didn't normally use." (Rendell)

(16) – На токаря у меня таланта нет. – Он дерзко уставился на Солдатова. – Постараюсь в колонии на нарах отлежаться.

– Заскучаете. Самая тяжелая работа – не работать. (Чванов)

С помощью клише в виде поговорки в примере (15) следователь учит собеседника справляться с непростой ситуацией, сохранять надежду на ее благополучное разрешение. Облекая мысль в форму парадокса в примере (16), служитель закона назидательно высказывается о важности труда для человека.

3.8. Уверениям принадлежит 56 контекстов, что составляет 4% от общего объема языковых маркеров концепта ДИДАКТИЗМ в русских детективных дискурсах. При этом в английском варианте концепта ДИДАКТИЗМА данный маркер размещается несколько выше – под седьмым номером, насчитывая 30 примеров (5%).

Поскольку уверять собеседника означает заставлять поверить чему-либо или во что-либо, речевой акт уверения является эффективным ресурсом назидательной коммуникации следователя, позволяющим конструктивно воздействовать на ту или иную установку адресата, что представлено в примерах:

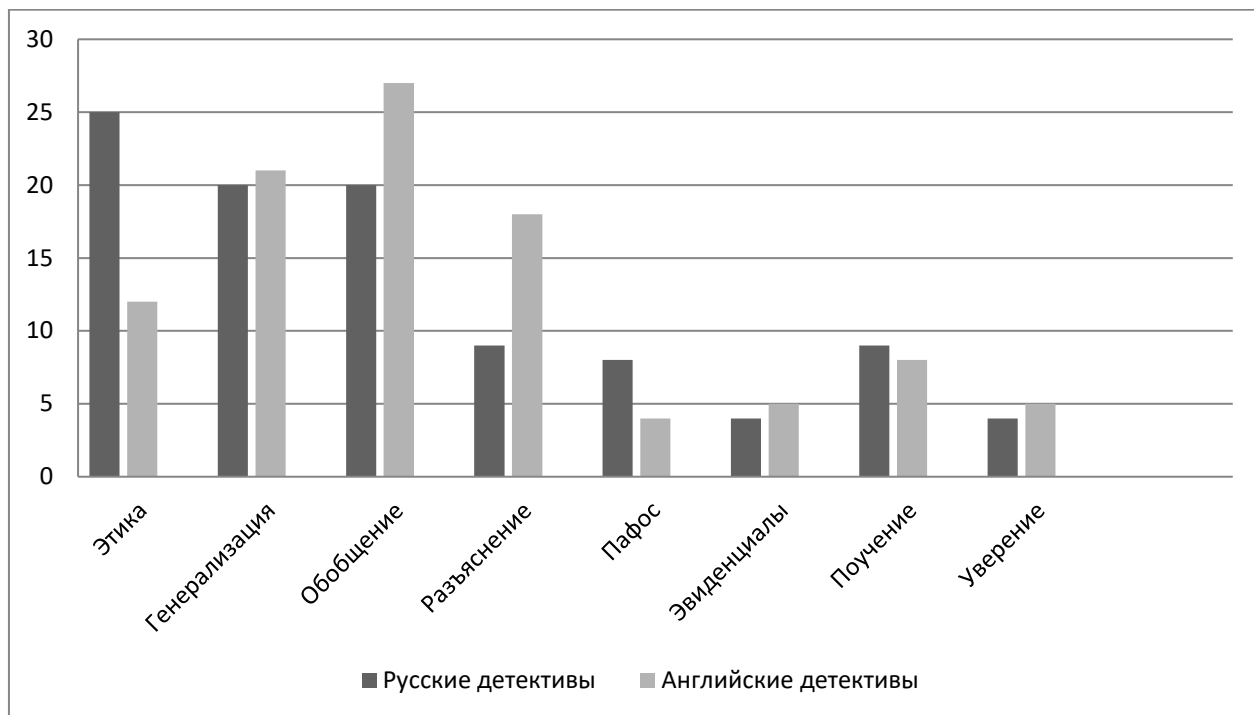
(17) "I can assure you our inquiries are very relevant. We don't waste our own and the public's time unnecessarily." (Graham)

(18) – Полагаете, их не задержат без ваших показаний? Уж как-нибудь Петровка без Кирпичова не пропадет, будьте спокойны! (Лаврова/Лавров)

Прибегая к речевому акту уверения во фрагментах (17), (18) дознаватель последовательно и целенаправленно трансформирует коммуникативную установку допрашиваемого на сокрытие информации. Реплики английского и русского детективов звучат поучительно, заставляя коммуникантов переосмыслить свои воззрения и оптимизировать взаимодействие с представителем закона.

Для наглядного представления количественного соотношения употреблений слотов концепта ДИДАКТИЗМ в коммуникативном поведении следователей и дознавателей – героев исследованных русских и английских художественных детективов служит следующая диаграмма.

Диаграмма. Слоты концепта ДИДАКТИЗМ в русских и английских детективах (в %)

Чтобы определить, существует ли значимая связь между факторными и результативными признаками, т. е. между личностью отдельного детектива и его речевым поведением в плане частотности употребления тех или иных слотов при реализации концепта ДИДАКТИЗМ, мы прибегли к статистическим методам обработки данных посредством вычисления критерия χ^2 с помощью онлайн-калькулятора (<https://math.semestr.ru/corel/contingency.php>). Таким образом был выявлен коэффициент корреляции между факторными и результативными признаками, т. е. между личностью отдельного детектива и его речевым поведением в плане частотности употребления тех или иных слотов при реализации концепта ДИДАКТИЗМ.

Результат статистического анализа речевого поведения русских детективов свидетельствует о слабой связи между факторными и результативными признаками. Таким образом, делаем вывод, что связь между личностью русских детективов и употреблением ими определенных слотов концепта ДИДАКТИЗМ является несущественной и ее можно игнорировать.

Как и в случае с русскими детективами, мы провели статистический анализ связи между факторными и результативными признаками, т. е. между личностью отдельного английского детектива и его коммуникативным поведением, содержащим воспитательные аспекты в отношении подозреваемых во время допросов. Полученные результаты свидетельствуют о слабой связи между личностью английских детективов и употреблением ими определенных слотов концепта ДИДАКТИЗМ, и ею можно пренебречь.

Интерпретируя результаты статистического анализа отобранных нами языковых средств как в речи русских следователей, так и в речи английских детективов, приходим к заключению, что все описанные выше воспитательные интенции присутствуют в коммуникативном поведении каждого работника правосудия в обеих исследуемых лингвокультурах и не зависят от их личностных особенностей.

4. Выводы

Анализ коммуникативного поведения русских следователей и английских детективов на материале художественных произведений различных авторов показал, что дидактизм представляет собой одно из концептуальных оснований проведения допросов как в русском, так и в английском правовом дискурсе. Обширный корпус исследованного материала позволяет сделать вывод о большей представленности концепта ДИДАКТИЗМ в коммуникативном поведении русских следователей и детективов (22% в отличие от 9% примеров педагогического характера в высказываниях английских детективов). Такое превалирование дидактизма в русском художественном детективном дискурсе можно объяснить тем, что в России (и ранее в СССР) на данную составляющую профессиональной деятельности следователя делался и делается больший акцент как в процессе изучения юриспруденции в вузе, так и в регламентирующих документах органов правопорядка, чем это представлено в Великобритании.

Оказание следователем педагогического воздействия на подсудимого носит двоякий характер. С одной стороны, посредством своего коммуникативного поведения воспитательного характера следователь реализует одну из основных функций правосудия – перевоспитание гражданина, совершившего противоправное деяние, разъяснение пагубности его поведения и возвращение его к законопослушному образу жизни. С другой стороны, воспитательные интенции направлены на то, чтобы вызвать у подозреваемого угрызения совести и сподвигнуть его к признанию своей вины.

Среди слотов концепта ДИДАКТИЗМ как в русских, так и в английских художественных детективах преобладают этика, генерализация, разъяснение и поучение. Доминирующим слотом в русских детективах выступает ЭТИКА, что

позволяет в качестве одной из основных доминант коммуникативного поведения русских следователей и детективов определить внушение подследственному следованию принятым в обществе нормам поведения и морали. В то же время

педагогическое воздействие английских детективов во время допросов совершается в большинстве случаев посредством обобщений, т. е. с помощью непосредственно наблюдаемых или переживаемых общественных явлений и процессов с целью убедить подследственного в признании совершения им подсудного деяния и/или осознать его пагубность для общества.

Литература

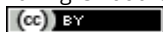
- Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М., 2010.
- Иванова С.В., Артемова О.Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «лимерик» / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – 3(006). – С. 46-52.
- Кикоть В.Я., Столяренко А.М., Беличева С.А., Буданов А.В., Давыдов В.П. Юридическая педагогика. М., 2004.
- Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. М., 2008.
- Мельник В.В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000.
- Пригарина Н.К. Аргументация судебного дискурса: риторический аспект. Волгоград, 2008.
- Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь, 2002.
- Романов А.А., Малышева Е.В. Особенности актуализации фреймовой структуры несловесного дискурса / Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – 3. – С. 74-79.
- Blank P.D. Interpersonal expectations: Theory, Research, and Applications. Cambridge, 1993.
- Cheng H.-Y. Sprachliche Verfahren des Wissensmanagements im Kriminalroman. Ein Beitrag zur dynamischen Texttheorie (Unpublished doctoral dissertation). Universität Gießen. Gießen, 2011.
- Merry S. Study of American lower court litigants. New York, 1990.
- O'Barr W.M. Linguistic evidence: Language, power and strategy in the courtroom. New York, 1982.
- Tigar M.E. Persuasion: The litigator's art. Chicago, 1999.
- Wagner A., Cheng L. Exploring courtroom discourse: The language of power and control. Burlington, 2011.

References

- Blank, P.D. (1993). Interpersonal expectations: Theory, Research, and Applications. Cambridge (in English).
- Cheng, H.-Y. (2011). Linguistic methods of knowledge management in crime novels. A contribution to dynamic text theory (Unpublished doctoral dissertation). Universität Gießen. Gießen (in German).
- Dubrovskaya, T.V. (2010). Judicial Discourse: Speech Behavior of a Judge (on the Material of Russian and English Languages). Moscow (in Russian).
- Ivanova, S.V., Artemova, O.E. (2005). Scenario Frame as a Cognitive Basis for Texts in Limerick Case Genre. Issues of Cognitive Linguistics, 3 (006), 46-52 (in Russian).
- Kikot, V.Ya., Stolyarenko, A.M., Belicheva, S.A., Budanov, A.V., Davydov, V.P. (2004). Legal Pedagogy. Moscow (in Russian).
- Krasovskaya, O.V. (2008). On speech communication in judicial practice. Moscow (in Russian).
- Melnik, V.V. (2000). The art of proof in adversarial criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Merry, S. (1990). Study of American lower court litigants. New York (in English).
- O'Barr, W.M. (1982). Linguistic evidence: Language, power and strategy in the courtroom. New York (in English).
- Prigarina, N.K. (2008). Judicial discourse argumentation: rhetorical aspect. Volgograd (in Russian).
- Novitsky, V.A. (2002). Theory of Russian procedural proof and law enforcement. Stavropol (in Russian).
- Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2016). Peculiarities of updating the frame structure of non-verbal discourse. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 3, 74-79 (in Russian).
- Tigar, M.E. (1999). Persuasion: The litigator's art. Chicago (in English).
- Wagner, A., Cheng, L. (2011). Exploring courtroom discourse: The language of power and control. Burlington (in English).

Citation:

- Глушак В.М. Концептуализация дидактизма в коммуникативном поведении следователя (на материале детективов русских и английских авторов) // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 6-12.
- Glushak V.M. (2022). Conceptualization of didacticism in the communicative behavior of an investigator (based on detective stories by Russian and English authors). Legal Linguistics, 26, 6-12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридикo-терминологический анализ понятия «робот»

И.Р. Бегишев

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
ул. Московская, 42, 420111, Казань, Россия. E-mail: begishev@mail.ru*

Статья посвящена юридикo-терминологическому анализу понятия «робот», указанного в инициативном проекте Федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)», направленном на регулирование отношений, возникающих в сфере использования (применения), приобретения, сбыта, разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации, учета, хранения, перевозки, транспортирования, изъятия, уничтожения роботов, их составных частей (модулей), ввоза роботов, их составных частей (модулей) в Российскую Федерацию и вывоза их из Российской Федерации. Актуальность темы определяется также частотностью употребления данного понятия в разговорной речи, что связано с феноменом стремительного развития «сквозных» цифровых технологий. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что рассмотренная дефиниция понятия «робот» представляется важной и имеющей огромный потенциал использования не только при формировании основ правового регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники, но и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: юридикo-терминологический анализ, понятие, термин, робот, робототехника, искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровая экономика.

Legal and Terminological Analysis of the Concept of «Robot»

I.R. Begishev

*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
42 Moskovskaya St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: begishev@mail.ru*

The article considers the legal and terminological analysis of the concept of "robot" specified in the initiative draft of the Federal Law "On the turnover of robots, their components (modules)", aimed at regulating relations arising in the field of use (application), acquisition, sales, development, production, testing, installation, installation, maintenance, repair, disposal, accounting, storage, transportation, transportation, removal, destruction of robots, their components (modules), import of robots, their components (modules) to the Russian Federation and their export from the Russian Federation. The relevance of the topic is also determined by the frequency of use of this concept in colloquial speech, which is associated with the phenomenon of rapid development of "end-to-end" digital technologies. The analysis made it possible to conclude that the considered definition of the concept of "robot" is important and has a huge potential for the use beyond laying foundations of legal regulation.

Key words: legal and terminological analysis, concept, term, robot, robotics, artificial intelligence, digital technologies, digital economy.

Технологии, лежащие в основе Индустрии 4.0, влекут коренные изменения во всех отраслях человеческой деятельности. В настоящее время робототехника наряду с другими сквозными технологиями относится к ключевым драйверам цифровой экономики. Роботы успешно применяются в промышленности и строительстве, в здравоохранении и образовании, в быту, в сельском и жилищно-коммунальном хозяйствах, в военной и космической областях, а также в других сферах.

Инновационные технологии создания и производства роботов демонстрируют экспоненциальное развитие: создаваемые машины приобретают новые характеристики, существенно расширяющие их функционал, ввиду чего разрабатываемые и перспективные роботы могут выпадать из правового поля, не являясь тождественными какому-либо предмету, признаваемому в качестве объекта соответствующих правоотношений. Уже сейчас создание, разработка и использование различных робототехнических устройств является объективной реальностью. При этом

роботы перманентно видоизменяются, расширяя пределы своих функциональных возможностей, чем сообразно изменяют характер, формы, методы, средства и способы взаимодействия человека с ними.

Устойчивое и безопасное развитие робототехники является важной государственной задачей, успешная реализация которой позволит России открыть новые экономические рынки, изменить в свою пользу сложившиеся мировые торгово-финансовые отношения. Указанные процессы диктуют необходимость создания контрольно-надзорных механизмов за действиями роботов и охраны общественных отношений, возникающих на этапах их создания и функционирования. Дистанцирование от вопросов правового, в том числе государственно-запретительного воздействия на общественные отношения, порожденные роботами, представляются деструктивным вектором, влекущим деактуализацию правовых предписаний, снижение их эффективности. Изменения в структуре и характере общественных отношений, вызванные внедрением в них робототехнических технологий, должны находить адекватное и соответствующее социальной действительности отражение в нормативных правовых актах.

В случае запаздывания процессов трансформации правовых предписаний возможно возникновение криминальных областей разработки, производства и применения роботов. Подобное положение представляет собой объективную угрозу.

Совершенно справедливы слова Президента Российской Федерации В. В. Путина о том, что необходимо «обеспечить использование прорывных цифровых технологий для осуществления национальных целей, преобразования России и укрепления ее позиций в мире».

Утверждение 19 августа 2020 года распоряжением Правительства Российской Федерации Концепции развития регулирования отношений в сфере технологии искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (далее – Концепция) ознаменовало новый этап в регулировании сквозных цифровых технологий [Распоряжение 2020]. Принятие Концепции наряду с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года стало признанием российским обществом и правительством серьезных вызовов и угроз, которые возникли и продолжают расти с развитием технологий искусственного интеллекта и робототехники, что ставит важную задачу перед правовой системой.

В целом, перед правовой наукой возникает задача особой значимости – обеспечить стабильное, устойчивое и безопасное развитие отечественной робототехники. Немаловажную роль в указанных процессах занимает также проработка механизмов юридической ответственности за причинение вреда с использованием робототехники.

В разделе 6 «Разработка и уточнение терминов и определений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники» Концепции указано: «Отсутствие однозначного понимания содержания терминов «искусственный интеллект», «робот», «умный робот», «робототехника», «интеллектуальный агент» приводит к терминологическим проблемам при формировании регулирования». В разделе «Цели концепции» этого же документа говорится, что «В настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальное законодательное регулирование, учитывающее специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники», а «анализ мирового опыта показывает, что в целом ряде стран уже существует первичное правовое регулирование применения искусственного интеллекта и робототехники» [Распоряжение 2020]. Можно заключить, что нужны собственные основательные интеллектуальные разработки, дающие глубокое и содержательное понимание феномена робототехники, что представляется необходимым не только для целей регулирования общественных отношений, возникающих в этой сфере, но и для обеспечения эффективной уголовно-правовой охраны указанных отношений, связанных с данным элементом действительности. Предложения представителей наук уголовно-правового цикла могут и должны быть лидерскими в данном отношении. Тем более учитывая, что роботы нуждаются в глубоком изучении как предмет преступления и средство (орудие) совершения преступления.

В инициативном проекте Федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» [Бегишев 2021] термин «робот» определен как «продукт достижений цифровых технологий (робототехническое устройство, комплекс, система), состоящий из двух или более составных частей (модулей), управляемый средствами заложенной в него компьютерной программы и способный, как к выполнению заранее запрограммированных человеком действий, так и к автономному решению задач».

Думается, что указанное определение понятия «робот» описывает как общие признаки, присущие всем без исключения объектам робототехники, так и частные, на основе которых возможно выделение отдельных групп роботов, имеющих специфические технические характеристики (к примеру, признак способности выполнения автономных задач).

Указание на то, что робот состоит минимум из двух частей, необходимо понимать как обязательное наличие в нем и компьютерной программы, содержащей алгоритмы действий, и аппаратной составляющей, посредством механических движений которой реализуются заложенные в цифровой код компьютерной программы алгоритмы и, соответственно, достигаются цели, ставящиеся перед роботом.

Отметим также достаточное описание самого программного элемента в изложенном определении. Обозначенную «способность к выполнению заранее запрограммированных действий» необходимо интерпретировать как возможность робота за счет элементов его аппаратной части совершать определенные механические манипуляции в рамках реализации алгоритмов его компьютерной программы. Дополнительно поясним, что алгоритм компьютерной программы есть набор команд, осуществляемых в определенной последовательности. Сам по себе он представляет

некоторую строку кода программы – запись в виде символов. Получая соответствующий сигнал от устройства управления либо от датчиков, робот реализует указанный алгоритм и в рамках него совершает определенные

манипуляции. Данные алгоритмы могут быть различной длины и сложности, сообразно чему совершаемые в рамках их реализации механические манипуляции могут являться аналогично различными по содержанию: некоторые алгоритмы, к примеру, предполагают только однократное перемещение одной части робота в пространстве, иные – длительные, взаимосвязанные действия робота, вследствие которых он получает итог, сопоставимый с результатами деятельности человека. Таким образом вышеуказанные алгоритмы могут быть различной длины, содержания, целевой направленности. В затронутом контексте существенно следующее: все механические манипуляции робота являются заранее определенными содержанием его алгоритмов, соответственно они могут именоваться заранее запрограммированными.

Названные рассуждения справедливы до тех пор, пока исчерпывающий перечень алгоритмов вносится на стадии разработки и в ходе функционирования робота не подлежит существенным изменениям. Однако поступательное развитие технологий искусственного интеллекта позволяет предполагать, что в дальнейшей перспективе роботы могут обрести способность к самообучению. Иными словами, робототехническое устройство, способное самостоятельно отбирать, накапливать и использовать информацию внешней среды (в этом и состоит самообучение), может самостоятельно (автономно), без участия человека, внести изменения в запись своего программного кода, изменить алгоритмы и обрести способность к совершению иных действий.

Приведем важное уточнение: в случае если в программу заложена способность к анализу определенного массива данных, выявлению закономерностей и составлению определенных алгоритмов, такую программу едва ли можно справедливо отождествить с искусственным интеллектом, поскольку, во-первых, пределы самообучения заранее предопределены разработчиком, во-вторых, самообучение в иных отраслях невозможно. Искусственный интеллект, а соответственно, и роботов, в которых он реализован, отличает способность к самообучению во всех сферах, не определенных разработчиком.

Таким образом, программа, способная к самостоятельному формулированию алгоритмов, способна и к совершению действий, заранее не предполагаемых разработчиком, ввиду чего она имеет признак автономности.

Приведенное выше определение, несомненно, связывает робота с результатами и достижениями цифровой сферы, отмечая, что таковой является продуктом достижения «цифровых технологий», после чего уточняет конкретные формы роботов – «робототехнические устройства, комплексы и системы». Подобный метод юридической техники представляется удачным, особенно для сферы робототехники, которая характеризуется экспоненциальным развитием. В затронутом контексте важно, что термин «продукт достижения цифровых технологий» является наиболее общим и конкретизируется в последующем изложении посредством указания на конкретные формы роботов, однако подобные формы могут являться не исчерпывающими с учетом перспективных робототехнических разработок. Указание общего, собирательного термина позволяет распространять положения закона на все без исключения создаваемые и конструируемые робототехнические объекты, что определенно образует стабильность правового регулирования, его релевантность как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе.

«Далее поясним, что робот представляет собой составное устройство (с известной долей условности – сложную вещь, состоящую из нескольких предметов, которые объединены единым назначением и соединены таким образом, который предполагает использование их по общему назначению). Изложенное не означает, что изолированно, отдельные части робота не могут выступать в качестве самостоятельного объекта гражданского робота. Напротив, указание на составную природу робота, как сложного объекта, позволяет распространять положения предложенного законопроекта на части робота, фигурирующие в обороте или производстве как самостоятельный объект. Подобное уточнение представляется верным, поскольку исходя из закономерностей развития робототехнических комплексов возможно обоснованно предположить, что их создатели (разработчики, производители) изберут путь конструирования модульных конструкций, комплектация которых будет зависеть от конкретных целей использования. При этом отдельные части робота могут не только фигурировать в обороте как обособленный объект, предопределяя возможность возникновения в отношении них гражданских прав и обязанностей, но и вполне могут являться источниками повышенной опасности, не поддающимися полному контролю со стороны человека, в связи с чем представляющие угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества и государства» [Бегишев 2021].

Дальнейшее изложение анализируемого термина охватывает компьютерный компонент робота – «заложенные в него средства компьютерных программ». Представляется, что таким образом мы указываем на двойственную природу робота, состоящего не только из скомпонованных определенным образом механизмов, но и программного обеспечения, функционированием которого обеспечивается в целом деятельность робота. Таким образом, программное обеспечение является экзистенциальным компонентом робота и отдельно выделяется нами при составлении дефиниции, что видится достаточно удачным и подлежащим положительной оценке [Бегишев 2021].

После этого необходимо описать два неразрывно связанных признака, представляющих наибольший исследовательский интерес: согласно определению, робот способен к выполнению как запрограммированных человеком действий, так и автономных задач.

Крайне важным, как с теоретической, так и практической точки зрения, является указание в самом определении термина «робот» на механизм принятия им решений, который различает автономный и управляемый характер такого рода технологий [Бегишев 2021].

Первый признак «запрограммированных действий» не вызывает сомнений, думается, по такому принципу функционируют все средства микропроцессорной техники, программные продукты, приложения, голосовые помощники, находящиеся в гражданском обороте. Иными словами, программа способна выполнять только тот

перечень действий и реагировать только на тот спектр команд, который был изначально заложен разработчиком. При подобной конструкции обеспечивается полная прогнозируемость действий робота, возможность осуществления за ним контроля на всех стадиях выполняемых им вычислительных или механических процессов. Такое положение не порождает и правовой неопределенности относительно деликтоспособности робота – данный вопрос решается однозначно путем привлечения к установленной законом ответственности оператора, пользователя, программиста или производителя объекта робототехники.

Иная ситуация складывается применительно к признаку «возможности автономного решения задач», который, как представляется, предполагает возможность осуществления роботом действий вне рамок заранее заложенного алгоритма, а также обуславливает возможность реагировать индивидуально-неповторимым образом на все возможные ситуации и адекватно воспринимать любые поступающие команды. Изложенное образует положение, при котором действия роботов не могут быть однозначно, с достаточной степенью определенности спрогнозированы производителем или пользователем, что образует дискурс относительно деликтоспособности подобных робототехнических систем. Думается, вызывает обоснованные сомнения возможность привлечения к ответственности разработчика в ситуации, когда робот на основании самостоятельного собирания и анализа информации сформулировал для себя некий перечень действий, которыми достигается постановленная задача и которые образуют состав преступления. В затронутом контексте производитель не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должен был и не мог их предвидеть «часть 1 статьи 28 УК РФ».

Нами приводится некоторая конкретизация признака «автономности», изложенная в части 2 статьи 15 законопроекта, согласно которой следует, что под автономностью предлагается понимать «возможность самостоятельного принятия решений и способность действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма» [Бегишев 2021].

При этом законопроект подразделяет роботов на тех, которые действуют только в рамках и в пределах действий и решений, заложенных в них при программировании, и тех, которые способны самостоятельно формулировать поведенческие алгоритмы и автономно избирать перечни возможных моделей решений.

Также следует отметить важность проработки в тексте законопроекта вопроса об «автономных» роботах и попытку адаптации положений закона для целей их регулирования. Безусловно, подобная работа должна вестись параллельно с научными дискуссиями.

Таким образом, рассмотренная дефиниция понятия «робот» представляется важной и имеющей огромный потенциал к использованию не только при формировании основ правового регулирования рассматриваемой сквозной цифровой технологии, но и в правоприменительной практике.

Литература

Бегишев И.Р. Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона). Казань : Препринты Казанского инновационного университета, 2021.

Бегишев И.Р. Проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 379-391.

Бегишев И.Р. Размышления о проекте федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 2 (12). – С. 12-17.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 35. – Ст. 5593.

References

Begishev, I.R. (2021). On the turnover of robots, their component parts (modules) (initiative draft federal law). Kazan : Preprints of Kazan Innovation University (in Russian).

Begishev, I.R. (2021). Draft of a Federal Law "On circulation of robots and their components (modules)". Actual Problems of Economics and Law, 15 (2), 379-391 (in Russian).

Begishev, I.R. (2021). Reflections on the draft of a Federal Law "On circulation of robots and their components (modules)". Law and Digital Economy, 2 (12), 12-17 (in Russian).

Decree (2020) of the Government of the Russian Federation No. 2129-r dated August 19, 2020 "On approval of the Concept of Development of regulation of relations in the field of artificial Intelligence and robotics technologies until 2024". Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 35. St. 5593 (in Russian).

Citation:

Бегишев И.Р. Юрико-терминологический анализ понятия «робот» // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 13-16.

Begishev, I.R. (2022). Legal and terminological analysis of the concept of «robot». Legal Linguistics, 26, 13–16.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «провинция» в философско-правовом учении сибирских областников: анализ категориального аппарата политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина

А.В. Головинов

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Настоящая публикация направлена на постижение специфики категориального аппарата политико-правовой идеологии сибирского областничества. С применением текстологического и герменевтического инструментария осуществляется попытка показать, что основным понятием, характерным для языка философии права областничества, был термин «провинция». Автором акцентируется, что данную дефиницию областники пронесли через все свое многолетнее политико-правовое творчество.

В статье установлено, что когерентными по отношению к термину «провинция» понятиями в учении областников выступают категории «окраина», «область», «регион» и «периферия». Сибирскими патриотами «провинциальный вопрос» также синонимично отождествлялся с «местными нуждами».

Также в статье выявлены теоретико-методологические установки политико-правовых исканий мыслителей-областников. К основным парадигмам, выступившим идейной платформой политической и юридической мысли основоположников сибирского областничества, можно относить целый комплекс европейских гуманистических идеалов, материалистической диалектики и народнической философии права. Адаптация западных концептов позволяла в идейном смысле классикам областничества глубоко прорабатывать категорию «провинция».

Ключевые слова: областничество, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А.П. Щапов, провинция, периферия.

The Concept of "Province" in the Philosophical and Legal Doctrine of the Siberian Regionalists: Analysis of the Categorical Apparatus of Political and Legal Thought of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin

A.V. Golovinov

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

This publication is aimed at understanding the specifics of the categorical apparatus of the political and legal ideology of the Siberian regionalism. Guided by textological and hermeneutical tools, an attempt is made to show that the term "province" was the main concept characteristic of the language of the philosophy of the law of regionalism. The author emphasizes that the regionalists carried this definition through all the years of their political and legal work.

The article has found that the term "province" was seen by regionalists as coherent to such terms as "outskirts", "oblast", "region" and "periphery". Siberian patriots also synonymously identified the "provincial issue" with "local needs".

The article also reveals the theoretical and methodological guidelines of the political and legal thought of regionalism supporters. The main paradigms that served as the ideological platform for the political and legal thought of the founders of Siberian regionalism include a whole range of European humanistic ideals, materialistic dialectics and narodnik philosophy of law. The adaption of Western concepts allowed regional thinkers to develop in depth the category of "province".

Key words: regionalism, N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, A.P. Shchapov, province, periphery.

История политических и правовых учений как живое и бесконечно не теряющее своей эвристичности направление юридической науки онтологически, гносеологически и даже методологически напрямую связана с категориальным аппаратом конкретного периода интеллектуальной истории. Дефиниции, понятия и специфические термины составляют по преимуществу бытийное своеобразие политической и юридической мысли.

С одной стороны, доминирующие в определенное время философско-правовые парадигмы находят отражение, развиваются и видоизменяются во взглядах выдающегося, то есть признанного большинства среди всего массивного локомотива политико-правовых учений. С другой стороны, в истории политико-юридической мысли часто обнаруживаются новые фрагменты, оттенки и нюансы. Вооружившись герменевтическим инструментарием, можно открыть новые форматы правовых доктрин, отдельных идей или истоков уже прекрасно знакомых и, казалось бы, малоперспективных в интерпретационном плане систем взглядов. Интерес в среде академической общественности к ранее не удостоившимся должного внимания учениям о праве, законе, государстве и всех соответствующих производных от этих фундаментальных понятий догматического тела юридической науки объясним многими обстоятельствами. Не претендуя на полноту изложения данного вопроса, отметим, что в числе таковых обстоятельств может выступать пресловутая историческая справедливость, привлечение ранее неизвестной или неопубликованной источниковой базы, социальный заказ, использование новейших исследовательских методологических ориентиров и др. Разумеется, это обстоятельства объективного порядка.

Вместе с тем специфика категориального аппарата, терминологическое своеобразие тех или иных явлений политико-юридической мысли может также способствовать их активному изучению. Все это, в конечном счете, будет способствовать заполнению исследовательских лакун в истории политических и правовых учений. Между тем стоит признать, что обстоятельство это вторично, но все же имеет право на существование. Конечно, терминологическая спецификация конкретного учения о праве и государстве может оказаться и вовсе не привлекательной для научных исследований. Однако в любом случае язык политико-правовой доктрины позволяет судить, собственно, о ее идейном содержании. В этом смысле язык есть универсальное средство коммуникации, в том числе в деле трансляции и передачи идей и взглядов он первостепенен. Так, оригинальное понятийно-категориальное содержание философско-правового учения сибирских областников может быть рассмотрено в данном ракурсе.

Как яркое явление интеллектуальной истории и общественной жизни дореволюционной Сибири областничество, воспетое в трудах Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также в историософии их идейного предшественника А.П. Шапова, стабильно вызывает интерес в конкретно-исторических исследованиях. В предметной области правовых учений идейный мир идеологов сибирского областничества рассматривается до сих пор фрагментарно. Это совершенно не удивительно, ведь сама областническая политико-правовая идеология эклектична по своей сути, воззрения на государство и закон в ней не всегда эксплицированы.

В настоящее время политико-правовые взгляды «первых лиц» областничества рассматриваются при изучении истории дореволюционных пенитенциарных органов и учреждений, иногда в рамках пенитенциарной психологии. Преимущественно можно выделять работы таких ученых юристов, как И.В. Упоров [Упоров 2004] и С.А. Кутякин [Кутякин 2007]. Также косвенно при изучении истории ссылки как меры наказания использовал публицистику областников С.В. Кодан [Кодан 1982].

В современном юридическом энциклопедическом словаре авторитетный профессор В.М. Сырых обстоятельно, насколько это позволяет формат словаря, раскрывает политико-правовой дискурс А.П. Шапова о взаимоотношениях государства и церкви, и также рассматривает концепт местного самоуправления в наследии историка-областника [Сырых 2009: 827]. Специалист по юридической психологии В.М. Поздняков обращается к многообразным юридико-психологическим воззрениям Н.М. Ядринцева [Поздняков 2007].

Все это свидетельствует о том, что к областнической философии права до сих пор комплексно не обращались, хотя отдельные фрагменты, как видим из небольшого историографического обзора, все же исследовались. Мы разделяем позицию С.В. Кодана о том, что историография для истории политических и правовых учений имеет важное значение [Кодан 2020].

Как показал скромный обзор современной отечественной историографии, на сегодня базовые положения терминологического и понятийного аппарата областников не рассматривались в рамках специальных работ. Цель настоящего исследования как раз и видится в освещении данной проблематики.

В целом, чтобы понять своеобразие политико-правового наследия сибирского областничества, крайне важно обратиться к его категориальному аппарату. Отметим, что язык областнической идеологии всецело отражает весь пафос их государствоведческих и общих политико-юридических представлений.

Поскольку центральным концептом философии права и политики Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина выступает идея регионализации, то вполне объяснимо, что особенно в период раннего областничества кон. 1860-х – нач.1870-х гг. в их публицистике широко использовался термин «провинция». Все свои базовые теоретические разработки сибирские общественные деятели буквально пропускали сквозь призму феномена «провинции».

Справедливости ради заметим, что идейное благоговение перед парадигмой провинциальности как генеральной линии правовой идеологии областников вовсе не замыкало их мировоззрение на местных вопросах. Областники были открыты любым идейным ветрам, и потому органично усваивали и приспосабливали западные доктринальные положения к собственной философско-правовой системе взглядов.

Доминанты классической немецкой философии – гегельянство и кантианство, идейные основы философии французского просвещения, онтологические и логико-эпистемологические представления европейских гуманистов и даже материализм К. Маркса в симфонии с положениями философии права русского народничества составляют

фундамент политико-правового учения Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина.

Конкретной методологической установкой для мыслителей областнического направления выступала социальная историософия А.П. Шапова. «Русская история, – как цитировал известного философа-историка Н.М. Ядринцев, – в самой основе своей есть история различных областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации» [Ядринцев 1883: 11].

Как видим, положения концепции демократического регионализма А.П. Шапова, самого, кстати, разделявшего областнические умонастроения, были полностью созвучны с идеями сибирских общественных деятелей. Сибирские патриоты вообще очень высоко оценивали интеллектуальное наследие известного профессора. «Теория областности, – восхищался Н.М. Ядринцев, – выступила у него (имеется в виду А.П. Шапов – А.Г.) в первый раз новой школой. Ни ранее, ни после не появлялось более даровитого представителя этой идеи, несомненно, имеющей будущее в русской жизни» [Ядринцев 1883: 11].

Как следствие, в категориальном аппарате сибирских общественных деятелей термин «провинция» стал использоваться как центральный.

На страницах провинциальной бесцензурной Камско-Волжской газеты дискурс провинциализма Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина нашел самое широкое распространение. В статье «Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции» защитник интересов Сибири обнаруживал: «Принцип подчинения провинции и местной жизни опеке правителей и центральному правительству коренится глубоко в европейских преданиях...» [Ядринцев 1919: 139].

Отстаивая идеи самоуправления и демократической свободы провинции, сибирский публицист в итоге резюмировал: «...развитие прав провинциального самоуправления спасет от несчастий и ошибок <...>. Только местная провинциальная свобода возбудит самодеятельность, вдохнет жизнь в нацию и удовлетворит демократическому чувству народа...» [Ядринцев 1919: 152].

В гуманистической философско-правовой мысли идеологов движения сибирских областников и само государство понималось как некий альянс равноправных областей, имеющих свои собственные провинциальные интересы. Однако местные потребности локальных обществ они не отделяли от общегосударственных нужд. «Практическое изучение местных вопросов важно. Каждая провинция, – замечал Н.М. Ядринцев, – имеет такие местные вопросы, но ни один из них не выяснен потому, что они смешиваются с вопросами общего государственного характера» [Ядринцев 1918: 225].

Деятели областнического направления фундаментально-теоретически пытались осмыслить понятие «провинция». Среди механизмов привлечения интеллектуальной среды к региональной и провинциальной проблематике они придавали особое значение популяризации в газетно-журнальном стиле идеи провинциализма. В этой проповеди местных нужд и вопросов ключевую роль, по их мнению, должны были играть провинциальные органы периодической печати.

В целом язык и риторика региональной прессы в политико-правовом учении областников сами по себе способны возвышать провинциальный вопрос до уровня философских обобщений. Таким реальным и действенным примером для лидеров областничества стала местная казанская газета, наименование которой также отражало ярко выраженную провинциальную (региональную) специфику. Называлось издание «Камско-Волжская газета».

В самом начале 1870-х гг. активное сотрудничество мыслителей-сибиряков с этим удивительным явлением провинциальной журналистики содействовало развертыванию нарратива провинциализма. В целом столбцы данной региональной газеты пестрили провинциальным вопросом. Потому издание вполне можно рассматривать как некую идейную и литературно-творческую площадку для проповедности регионализма в публицистике Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Безусловно, казанская газета демонстрировала основоположникам областнического движения реальную и фактическую возможность популяризировать провинциализм. Расчеты Н.М. Ядринцева оказались верными – региональная тематика действительно увлекала все большее количество провинциальных публицистов. «Около этой газеты – с радостью обнаруживал Н.М. Ядринцев, – начали группироваться многие сибирские сотрудники: в ней участвовали Потанин, Нестеров, Катанаев и др.» [Ядринцев 1905: 252]. Это, в свою очередь, вызвало эффект, на который областник не мог даже рассчитывать, – доведение провинциального вопроса до уровня теоретико-методологических исканий.

Как видим, мыслители-областники ключевую роль в деле пробуждения активности широких масс отводили провинциальной журналистике. Камо-Волга в таком случае выступала мощным средством развития всех регионов. «Провинция, – писал в одном из писем Н.М. Ядринцев, – будущее! Пусть не боится скромный редактор провинциальной газетки, что его газета бедна, нища, что может рушиться, как сотни провинциальных изданий, она не пропадет бесследно ежели в ней будет поднят общий провинциальный вопрос» [Ядринцев 1918: 228].

Справедливости ради отметим, что провинциальный вопрос областники пронесли через все свое многолетнее политико-правовое творчество. Так, гораздо позднее, в 1880-х гг., учредив крупную газету «Восточное обозрение», уже зрелый философ и публицист Николай Михайлович Ядринцев на ее столбцах даже констатировал положительные моменты в Российской империи по отношению к провинциям. Сравнивая политико-юридическое положение провинций-окраин в современной ему Европе и России, он замечал, что бытие отечественных провинций более выигрышно, нежели чем европейских. «Как ни много положено нами веков и жертв на спайку того ковчега народов, – замечал философ-областник, – который называется Россией, как ни блистательно достигнуто государственное объединение наше; но оно достигнуто без принесения в жертву ему жизненности провинций. Жизнь центра, –

продолжал он, – не успела у нас убить жизни периферии, как убила ее почти повсюду, в особенности же во Франции» [Ядринцев 1882: 5].

Интегративный смысл цитируемого фрагмента философско-правового наследия сибирского интеллектуала свидетельствует о доминировании в его мировоззрении концепта альянса многообразных областей-провинций. Вполне понятно, что государственное единство России, с любовью называемой ковчегом, есть, согласно политико-правовой мысли областников, результат вольно-народного объединения регионов, периферий, провинций.

В целом, осуществив попытку семантического анализа текстов, вышедших из-под пера сибирских общественных деятелей, можно констатировать, что понятие «провинция» в категориальном аппарате политико-правовой идеологии областничества выступает в качестве базового. Вместе с тем когерентными по отношению к термину «провинция» понятиями в учении областников выступают категории «окраина», «область», «регион» и «периферия». Сибирскими патриотами «провинциальный вопрос» также синонимично отождествлялся с «местными нуждами». Таким образом, терминологический анализ категориального аппарата политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина свидетельствует о фундаментальной проработке парадигмы регионализма.

Литература

Кодан С.В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX века / Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982. С. 110-118.

Кодан С.В. Историография в структуре истории политических и правовых учений: предметная направленность, целевые установки, задачи и функции / Genesis: исторические исследования. - 2020. - №12. - С. 126-137.

Кутякин С.А. Формирование криминальной оппозиции в русской тюремной общине (история и современность) / История государства и права. - 2007. - № 21. - С. 15-16.

Поздняков В.М. Психология просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы / Прикладная юридическая психология. - 2007. - №1. - С. 19-37.

Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 1. М., 2009.

Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004.

Ядринцев Н.М. Жизнь и труды А.П. Щапова / Восточное обозрение. - 1883. - №25. - С. 9-12.

Ядринцев Н.М. Судьба провинции и провинциальный вопрос во Франции / Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева. Красноярск, 1919. С. 137-155.

Ядринцев Н.М. Хронология событий моей жизни (к автобиографии) / На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. Санкт-Петербург. 1905. С. 248-261.

Ядринцев Н.М. Письмо Г.Н. Потанину от 4 апреля 1873 г. / Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918. С. 219-228.

Ядринцев Н.М. Центр и окраины / Восточное обозрение. - 1882. - С. 4-6.

References

Kodan, S.V. (1982). Reform of the Siberian exile in the first half of the 19th century. Historical and legal research: problems and prospects, 110-118. Moscow (in Russian).

Kodan, S.V. (2020). Historiography in the structure of the history of political and legal doctrines: subject orientation, goals, tasks and functions. Genesis: historical research, 12, 126-137 (in Russian).

Kutyakin, S.A. (2007). Formation of criminal opposition in the Russian prison community (history and modernity). History of State and Law, 21, 15-16 (in Russian).

Legal science and legal ideology in Russia. (2009). Encyclopedic dictionary of biographies and autobiographies, 1 (in Russian).

Potanin. Issue. 1: (February 20, 1872 to April 8, 1873), 219-228 (in Russian).

Pozdnyakov, V.M. (2007). Psychology of prosocial participation of convicts in places of deprivation of liberty. Applied Legal Psychology, 1, 19-37 (in Russian).

Uporov, I.V. (2004). Russian Penitentiary Policy in the 18th-20th Centuries: Historical and Legal Analysis of Development Trends. St. Petersburg (in Russian).

Yadrintsev, N.M. (1882). Center and outskirts. East Review, 4-6 (in Russian).

Yadrintsev, N.M. (1883). Life and works of A.P. Shchapova. Eastern Review, 25, 9-12 (in Russian).

Yadrintsev, N.M. (1905). Chronology of the events of my life (to my autobiography). On Siberian topics: a collection in favor of Tomsk Sunday schools and the Gogol people's house. Saint Petersburg, 248-261 (in Russian).

Yadrintsev, N.M. (1918). Letter to G.N. Potanin dated April 4, 1873. Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N.

Yadrintsev, N.M. (1919). The fate of the province and the provincial question in France. Collection of selected articles, poems and feuilletons by N.M. Yadrintsev. Krasnoyarsk, 137-155 (in Russian).

Citation:

Головинов А.В. «Понятие «провинция» в философско-правовом учении сибирских областников: анализ категориального аппарата политико-правовой мысли Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 17-21.

Golovinov A.V. (2022). The Concept of "Province" in the Philosophical and Legal Doctrine of the Siberian Regionalists: Analysis of the Categorical Apparatus of Political and Legal Thought of N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin. *Legal Linguistics*, 26, 17–21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Категория «рамочное законодательство» в национальной правовой системе РФ

К.Е. Довгань

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: dok.2122@bk.ru

Статья посвящена исследованию категории «рамочное законодательство». В работе представлен анализ словарей, российского и иностранного законодательства, а также юридической доктрины. В ходе исследования было определено, что категория «рамочное законодательство» встречается в англо-саксонской и романо-германской правовых системах. Большинство источников данную категорию связывают с рамочным законом Деферре, принятым в 1956 году во Франции, делегирующим законодательные полномочия от парламента к правительству, в том числе органу исполнительной власти, как министерство иностранных дел, по реализации правовой реформы во французских колониях.

В российской правовой системе категория «рамочное законодательство» стала активно применяться в период заключения федеративного договора, а также действия Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Тем не менее в последующем данный закон был отменен, и официально данная категория не получила прямого законодательного закрепления, существуя только в юридической доктрине.

Категория «рамочное законодательство» заимствована из иностранного законодательства, в силу различных трактовок является многозначным понятием для правовой системы РФ.

Нормы «рамочного законодательства» не имеют прямого действия, в большинстве случаев носят отсылочный характер, а также предполагают последующую конкретизацию. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу, что «рамочное законодательство» рассматривается как модельные нормативные правовые акты, закрепляющие общие принципы правового регулирования.

Ключевые слова: рамочное законодательство, правовая система, норма права, модельные акты.

Category of "Framework Legislation" in the National Legal System of the Russian Federation

K.E. Dovgan

Altai State University

61 Socialisticheskij St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: dok.2122@bk.ru

The article discusses the category of "framework legislation". The paper presents an analysis of dictionaries, Russian and foreign legislation, as well as legal doctrine. As part of the study, it was determined that the category of "framework legislation" is found in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems. Most sources associate this category with the Deferre framework law, adopted in 1956 in France, delegating legislative powers from the parliament to the government, and specifically to an executive branch like the Ministry of Foreign Affairs, to implement legal reform in the French colonies.

In the Russian legal system, the category of "framework legislation" began to be actively used during the period of concluding a federal agreement, as well as the operation of the Federal Law of June 24, 1999 N 119-FZ "On the principles and procedure for delimiting the subjects of jurisdiction and powers between state authorities of the Russian Federation and public authorities of the constituent entities of the Russian Federation". However, later this law was repealed, and officially this category did not receive direct legislative consolidation, existing only in the legal doctrine.

The category "framework legislation" is borrowed from foreign legislation and is an ambiguous concept for the legal system of the Russian Federation due to disparate interpretations.

The norms of the "framework legislation" do not have direct effect, in most cases they are of a reference nature, and also require subsequent specification. In the course of the study, the author comes to the conclusion that "framework legislation" is considered as model normative legal acts that enshrine the general principles of legal regulation.

Key words: framework legislation, legal system, rule of law, model acts.

В зависимости от вида правовой системы форма права и правовое регулирование имеют свои особенности. Для англосаксонской и религиозной правовых систем характерна казуистичность, в то время как абстрактность правовой нормы присуща романо-германской и социалистической правовым системам [Березина 2020: 109].

Для толкования категории «рамочное законодательство» необходимо обратиться к разъяснениям, которые содержатся в словарях.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова в статье «рамка» определяет сочетание «в рамках чего» как находящийся в пределах, в границах чего-нибудь, ограничивая(сь) чем-нибудь; действовать в рамках закона [Толковый словарь Ожегова онлайн URL].

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой «рамочный» определяется как «такой, в котором определены лишь общие положения, но не детали (о соглашении, договоре и т. п.)» [Словари и энциклопедии на Академике URL].

Рамочные условия (Legal Framework, International Framework, International Regulatory, Grundgesetz) в иностранной юридической литературе переводятся как «правовые механизмы», «правовые основы», «типичная правовая конструкция», «общие условия», «генеральные условия». В иностранном законодательстве встречаются нормативные правовые акты, содержащие в своем названии понятие «рамочный», «основной» или «базовый» (от англ. basic law).

Если обратимся к Большому юридическому словарю, то рамочные законы (также употребляются как скелетные законы, или законы-рамки), представляют собой особую форму законодательных актов, принимаемых парламентом, которые устанавливают лишь общие принципы регулирования какой-либо сферы [Сухарев, Крутских 2002]. Там уточняется, что эти акты принимаются парламентом (например, во Франции и бывших французских колониях), а также данные нормативные правовые акты закрепляют «общие принципы регулирования какой-либо сферы. После этого принимаются соответствующие акты регламентарной власти» [Словари, энциклопедии и справочники - Slovar.cc URL]. Так, в 1956 году во Франции был принят закон (в истории он получил название рамочный закон Деферре (№ 56-619)), делегирующий правительству, в том числе министерству иностранных дел, полномочия по реализации правовой реформы во французских колониях.

В немецком праве рамочные законы определяются законодателем как базовые законы ФРГ (в переводе с английского – Basic Law for the Federal Republic of Germany). Правовое регулирование государственной службы в европейских странах осуществляется в основном рамочным способом регулирования, например Рамочный Закон Германии о государственной службе от 01.07.1957 г., Рамочный Закон Италии о государственной службе от 29.03.1983 г. В Нидерландах вопрос о качестве законодательства был определен в 1991 году путем утверждения рамочной концепции качества законодательства, в основе которой следующие элементы: законность и применение общих принципов права, эффективность, пропорциональность, исполнимость, согласованность, доступность [Gert Jan Veerman URL].

Понятием basic law определяется название основного закона государства, конституции (A constitution is a body of basic laws) [The International Institute for Democracy and Electoral Assistance URL]. Британский словарь Коллинса определяет понятие skeleton law, существующее в англо-саксонской правовой системе, как основные положения закона или правила [Collins dictionary URL].

Подобная терминологическая многозначность, считает А.Г. Ходакова, определяет «обозначение термином разных денотатов, относящихся к одной или нескольким близким областям знания, отражающее логико-содержательные связи общих когнитивных признаков понятий данной области (областей) знания» [Ходакова 2009]. А.Г. Ходакова подчеркивает, что русские эквиваленты иностранных терминов обладают «большой разветвленностью полисемии», подтверждением чего является и категория «рамочное законодательство» [Ходакова 2009].

Если рассмотреть юридическую доктрину, то Л.В. Морозова считает, что «рамочные» – это типовые предписания. Как правило, нормы данных актов не имеют прямого действия, носят отсылочный характер и предполагают последующую конкретизацию. На практике часто встречается подобная форма взаимодействия, когда парламент делегирует свои полномочия правительству, «конкретизирует и детализирует рамочный закон, восполняя тем самым сознательные пробелы в правовом регулировании, допущенные законодателем» [Лагун 2007: 456 URL].

В.Б. Исакова рамочными называет модельные нормативные правовые акты, которые «устанавливают общие принципы регулирования, содержат модели и образцы регулируемых отношений, служат эталоном для иных субъектов нормотворчества». Он утверждает, что данные акты носят рекомендательный статус, «т. е. законодатель заведомо предполагает, что участники нормотворчества будут использовать такой акт как модель, образец» [Исаков 2017].

Ю.Г. Арзамасов в пояснительной записке к проекту федерального закона «О нормотворческой деятельности и нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации» [Арзамасов 2016 URL] в статье 8 выделяет модельные акты, но, называя их «модельные (рамочные) ведомственные нормативные правовые акты», подчеркивает также их рекомендательный характер для регулирования внутриведомственных правоотношений [Арзамасов 2016 URL].

В российской правовой системе категория «рамочное законодательство» стала активно применяться в период заключения федеративного договора [Договор Российской Федерации и Республики Татарстан 1994], а также действия Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [Федеральный закон 1999]. А.Н. Чертков подчеркивал особенности механизма рамочного правового регулирования, закрепленные в данном законе: «федеральный законодатель устанавливает основные, принципиальные положения в сфере совместного ведения, которые обязаны соблюдать и законодательные органы субъектов Федерации. Последние имеют возможность конкретизации этих положений в своем законодательстве исходя из региональной специфики» [Чертков 2002: 103]. Тем не менее официально категории «рамочное правовое регулирование» и «рамочное законодательство» не получили прямого законодательного закрепления, существуя только в юридической доктрине.

В 2003 году Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ [Федеральный закон 1999] изменил процедуру разграничения полномочий РФ и ее субъектов. По мнению А.Н. Мочалова, «если раньше федеральный законодатель осуществлял преимущественно «рамочное» (пусть и неуклонно расширяющееся по объему) регулирование по предметам совместного ведения, оставляя детальное регулирование субъектам Федерации, то с этого момента федеральный законодатель четко очертил достаточно узкий круг вопросов, по которым могут законодательствовать субъекты» [Мочалов 2012: 143].

Таким образом, категория «рамочное законодательство» заимствована из иностранного законодательства, и в силу различных трактовок является многозначным, полисемичным понятием для правовой системы РФ. Однако отечественная юридическая доктрина предлагает рассматривать «рамочное законодательство» как модельные нормативные правовые акты, закрепляющие общие принципы правового регулирования.

Литература

Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/skeleton-law>.

Gert Jan Veerman. A Conceptual Framework for the Quality of Legislation. URL: https://www.researchgate.net/publication/254851486_A_Conceptual_Framework_for_the_Quality_of_Legislation.

The International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA). URL: <https://ideadev.insomnation.com/sites/default/files/publications/the-fundamentals-of-a-constitution.pdf>.

Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России: монография. – Специально для системы ГАРАНТ, 2016.

Березина Е. А. Правовое регулирование: вопросы теории : монография. М., 2020.

Исакова В.Б. Основы права: учебник для неюридических вузов и факультетов. М., 2017.

Лагун Д.А. Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. Т. 1. Минск, 2007. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/48070>.

Мочалов А.Н. Сравнительный федерализм России и Австралии. Екатеринбург, 2012.

О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 119-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. N 26 ст. 3176.

О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : Договор Российской Федерации и Республики Татарстан (Москва, 15 февраля 1994 г.) (прекратил действие). URL: <https://study.garant.ru/#/document/1548120/paragraph/93:0>.

Словари и энциклопедии на Академике . URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/235484/%D0%A0%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9>

Словари, энциклопедии и справочники - Slovar.cc. URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465244.html>

Сухарев А.Я., Крутских В.Е. Большой юридический словарь. М., 2002.

Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26216>

Ходакова А.Г. Полисемия термина как следствие полисемии его общепотребительного источника / Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2009. – № 12. – С. 120-129.

Чертков А.Н. Федеральные законы, определяющие основы правового регулирования в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов / Журнал российского права. –2002. – № 10. – С.103-112.

References

Arzamasov Yu.G. (2016) Theory and practice of departmental rule-making in Russia: monograph. Especially for the GARANT system (in Russian).

Berezina E. A. (2020) Legal regulation: questions of theory: monograph. Moscow (in Russian).

- Chertkov A.N. (2002) Federal laws defining the foundations of legal regulation in the sphere of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, *Journal of Russian Law*, 10, 103-112 (in Russian).
- Collins dictionary. Available from: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/skeleton-law> (in English).
- Dictionaries and encyclopedias at Academician. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/235484/%D0%A0%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (in Russian).
- Dictionaries, encyclopedias and reference books - Slovar.cc. Available from: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2465244.html> (in Russian).
- Gert Jan Veerman. A Conceptual Framework for the Quality of Legislation. Available from: https://www.researchgate.net/publication/254851486_A_Conceptual_Framework_for_the_Quality_of_Legislation (in English).
- Isakova V.B. (2017) *Fundamentals of Law: a textbook for non-legal universities and faculties*. Moscow (in Russian).
- Khodakov A.G. (2009) Polysemy of the term as a consequence of the polysemy of its commonly used source, *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering*. Series: Modern linguistic and methodological-didactic research, 12, 120-129 (in Russian).
- Lagun D. A. (2007) *Belarusian Legal Encyclopedia: In 4 vols. Vol. 1*. Minsk. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/48070> (in Russian).
- Mochalov A.N. (2012) *Comparative federalism of Russia and Australia*. Yekaterinburg (in Russian).
- On the delimitation of jurisdiction and mutual delegation of powers between state authorities of the Russian Federation and state authorities of the Republic of Tatarstan: Treaty of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan dated 15.02.1994 (expired). Available from: <https://study.garant.ru/#/document/1548120/paragraph/93:0> (in Russian).
- On the principles and procedure for delimiting the subjects of jurisdiction and powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of June 24, 1999 N 119-FZ, *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 28.06.1999, 26 Art. 3176 (in Russian).
- Ozhegov's explanatory dictionary online. Available from: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26216> (in Russian).
- Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. (2002) *Big legal dictionary*. Moscow (in Russian).
- The International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA). Available from: <https://ideadev.insomniation.com/sites/default/files/publications/the-fundamentals-of-a-constitution.pdf> (in English).

Citation:

Довгань К.Е. Категория «рамочное законодательство» в национальной правовой системе РФ // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 22-25.

Dovgan K.E. (2022). Category "framework legislation" in the national legal system of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 26, 22–25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии

Н.А. Дудко

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: dudkona@yandex.ru

В статье рассмотрено соотношение термина «суд присяжных» и термина «суд с участием присяжных заседателей». Оба термина обозначают форму уголовного судопроизводства, в которой реализуется конституционное право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Впервые термин «суд присяжных» законодательно был применен в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 года, 16 июля 1993 году внесен в УПК РСФСР. Термин «суд с участием присяжных заседателей» закреплен в Конституции РСФСР (в ред. от 1 ноября 1991 года), Конституции РФ 1993 года и УПК РФ 2001 года. Однако в УПК РФ наряду с этим термином используются и другие термины (словосочетания), которые применяются к различным этапам судебного производства и соответственно различаются по уголовно-процессуальному содержанию. Сравнительный анализ названных терминов проведен на основе положений общей теории права о юридической терминологии: о требованиях единства и точного использования юридических терминов; о классификации юридических терминов на общепотребляемые и специальные юридические. Сделан вывод, что термины «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей» можно использовать как равнозначные с учетом контекста рассматриваемого вопроса. Оба термина обозначают судебную деятельность, в которой участвуют присяжные заседатели. Термин «суд с участием присяжных заседателей» следует характеризовать как специальный юридический термин. Термин «суд присяжных» является общепотребляемым и общепризнанным термином, но одновременно имеет и специальное юридическое значение.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, юридическая терминология.

Jury Trial or Court with Jury Participation: Terminology Issues

N.A. Dudko

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: dudkona@yandex.ru

The article examined the relationship between the term "jury trial" and the term "court with jury participation". Both terms refer to the form of criminal proceedings which exercise the constitutional right of the defendant to have their case brought to a court with the participation of jurors. For the first time, the term "jury trial" was legally applied in the Foundations of the legislation of the USSR and the Union republics on the judicial system of 1989, and on July 16, 1993 it was introduced into the Code of Criminal Procedure of the RSFSR. The term "court with jury participation" is enshrined in the Constitution of the RSFSR (as amended on November 1, 1991), the Constitution of the Russian Federation of 1993 and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001. However, in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, along with this term, other terms (phrases) are used, which are applied to various stages of judicial proceedings and, accordingly, differ in criminal procedure content. A comparative analysis of these terms was carried out on the basis of the provisions of the general theory of law on legal terminology: on the requirements for unity and accurate use of legal terms; on the classification of legal terms into common and special legal ones. It is concluded that the terms "jury trial" and "court with jury participation" can be used as equivalents given the context of the matter under consideration. Both terms refer to judicial work with participation of jurors. The term "court with jury participation" should be characterized as a special legal term. The term "jury trial" is a commonly used and universally accepted term, but at the same time has a special legal meaning.

Key words: trial, jurors, legal terminology.

В соответствии с Конституцией РФ [Конституция РФ 1993] и УПК РФ [УПК РФ 2001] обвиняемый имеет право на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, которое реализуется через

самостоятельную дифференцированную форму уголовного судопроизводства. Эта форма обозначена в названии главы 42 УПК РФ как «производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей». Аналогичную форму уголовного судопроизводства регламентировал УПК РСФСР (ред. от 16.07.1993 г.) [УПК РСФСР 1960] – «производство по уголовным делам, рассматриваемым судом присяжных» (ст. 420). Однако как в УПК РСФСР, так и в УПК РФ законодатель использует для раскрытия содержания новой формы уголовного судопроизводства одновременно несколько различных словосочетаний (терминов). Это обуславливает объективную необходимость исследования проблем юридической терминологии применительно к форме уголовного судопроизводства, в которой реализуется право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

В первых нормативных правовых актах, закрепивших возможность создания новой формы уголовного судопроизводства, использовался термин «суд присяжных». Впервые термин «суд присяжных» был законодательно закреплен в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 года [Основы законодательства СССР о судостроительстве 1989]. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 года, а также в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года (в ред. от 10 апреля 1990 г.) [Основы уголовного судопроизводства СССР 1958] термин «суд присяжных» использовался как синоним расширенной коллегии народных заседателей: статья 11 Основ о судостроительстве – суд присяжных (расширенная коллегия народных заседателей); статья 9 Основ уголовного судопроизводства – суд присяжных (расширенная коллегия народных заседателей).

В дальнейшем произошли изменения в применяемой законодателем терминологии. Конституция РСФСР 1978 года (в ред. от 1 ноября 1991 г.) [Конституция РСФСР 1978] и Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. [Декларация 1991] уже содержали термины, которые конкретизировали и фактически заменили термин «суд присяжных»: «суд с участием присяжных заседателей» (ч. 1 ст. 166 Конституции) и «суд с участием присяжных» (ст. 7 Декларации).

В УПК РСФСР одновременно для обозначения новой формы уголовного судопроизводства были использованы несколько формулировок: суд присяжных (раздел X «Производство в суде присяжных»); производство по делам, рассматриваемым судом присяжных (ст. 420); рассмотрение дел с участием коллегии присяжных заседателей в судах (ст. 420), суд присяжных действует в составе судьи и двенадцати присяжных заседателей (ч. 2 ст. 421).

Особое значение для терминологического обозначения новой формы уголовного судопроизводства в действующем законодательстве имеют положения Конституции РФ от 12 декабря 1993 года. «Терминология, используемая в конституциях — основных законах, имеет руководящее значение для всех отраслей права, для текущей правотворческой и правоприменительной деятельности...» [Чиркин 2011: 63].

Конституция РФ, как и Конституция РСФСР (в ред. от 1 ноября 1991 г.), закрепила термин «суд с участием присяжных заседателей»: обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47); судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 123).

Соответственно конституционные формулировки определили терминологию нормативных правовых актов РФ, принятых в последующие годы. Подтверждением этому являются нормы не только УПК РФ от 18 декабря 2001 года, но и других законов РФ.

Терминология Конституции РФ была учтена, прежде всего, в УПК РФ от 18 декабря 2001 года. В УПК РФ в различных словосочетаниях используется термин «суд с участием присяжных заседателей» в главе 42 «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» раздела XII «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей».

Действующий УПК РФ содержит несколько вариантов формулировки термина, обозначающего новую форму производства по уголовному делу: суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в составе: судьи и коллегии из восьми присяжных заседателей – п. 2 ч. 2 ст. 30, судьи и коллегии из шести присяжных заседателей – п. 2-1 ч. 2 ст. 30; рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – п. 6 ч. 1 ст. 54, ч. 2 ст. 52, ч. 2 ст. 64, п. 1 ч. 5 ст. 217, п. 5 ч. 2 ст. 229, ч.ч. 2,5,6 ст. 325, ч. 3 ст. 330, п. 1 ч. 5 ст. 331; суд с участием присяжных заседателей – п. 1 ч. 5 ст. 217, ч.ч. 2,4 ст. 325; производство в суде с участием присяжных заседателей – название раздела XII «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей», название ст. 324; уголовные дела, рассматриваемые судом с участием присяжных заседателей - ч. 1 ст. 233; производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей – название главы 42 «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей»; предварительное слушание в суде с участием присяжных заседателей – ч. 1 ст. 325; подготовительная часть судебного заседания с участием присяжных заседателей – ч. 1 ст. 327; судебное следствие в суде с участием присяжных заседателей – название ст. 335, ч. 1 ст. 335; разбирательство уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – ст. 350, ч. 1 ст. 352; прекращение рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей – ч. 1 ст. 352.

Используемые в действующем законодательстве словосочетания с учетом их уголовно-процессуального содержания можно объединить в два основных варианта: 1) производство в суде с участием присяжных заседателей; 2) производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей.

Таким образом, в УПК РФ используются разнообразные термины (словосочетания) при обозначении исследуемой нами формы уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей. Более того, термины не совпадают даже в тексте одного раздела XII, одной главы 42 и одной статьи УПК РФ. Соответственно возникает вопрос:

перечисленные термины (словосочетания) законодатель использует как равнозначные или вкладывает в них различный уголовно-процессуальный смысл? В УПК РФ нет пояснений, например, в ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», как соотносить эти законодательные формулировки. В ст. 5 УПК РФ определены только понятие «вердикт» (п. 5) и понятие «присяжный заседатель» (п. 30).

В соответствии с разнообразием законодательной терминологии диссертационные, монографические исследования и научные публикации также содержат различные словосочетания, обозначающие исследуемую форму уголовного судопроизводства, в которой реализуется право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

В большинстве диссертаций авторы используют термин «суд присяжных» как основной или, в зависимости от контекста, наряду с другими терминами. Например, в докторских диссертационных исследованиях используются в названии темы, оглавлении и содержании текста следующие словосочетания: правосудие по уголовным делам, рассматриваемым судом присяжных; правосудие в суде присяжных; судопроизводство с участием присяжных заседателей – [Мельник 2001]; суд присяжных – [Демичев 2003]; суд с участием присяжных заседателей; производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей – [Владыкина 2018]; производство в суде с участием присяжных заседателей; производство в суде присяжных – [Насонов 2022].

Для того чтобы ответить на вопрос, равнозначны ли используемые в законодательстве, в научной и учебной литературе термины (словосочетания), необходимо обратиться к общетеоретическим и уголовно-процессуальным исследованиям по вопросам юридической терминологии. Это позволит сделать выводы о целесообразности и обоснованности использования каких-либо из вышеперечисленных терминов применительно к форме уголовного судопроизводства, в которой реализуется право обвиняемого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Вопросы разработки и использования специальных терминов в различных сферах науки и практики являются актуальным предметом исследований и дискуссий. Более того, сформировалось самостоятельное направление научных исследований – терминоведение. История развития терминоведения изложена в работах В. А. Татарина [Татарин 1995, Татарин 1996, Татарин 2003], который проанализировал формирование различных аспектов и отраслей терминоведения как перспективного направления научных исследований.

Соответственно в области права теоретическое и практическое значение имеет юридическая терминология как необходимый элемент юридической техники. По мнению С. С. Алексеева, «юридическая терминология имеет общее, сквозное значение в юридической технике, выступая в качестве начального звена при юридическом выражении воли законодателя» [Алексеев 1982: 273].

Необходимость единообразного понимания и использования юридических терминов, в том числе уголовно-процессуальных терминов, является общепризнанным требованием к содержанию нормативных правовых актов и к текстам научных исследований. В первую очередь исследователи обращают внимание на необходимость точного использования юридической терминологии. Н. Н. Полянский, один из основоположников российской уголовно-процессуальной науки, отмечал: «...если термины в законе точны, не двусмысленны по содержанию, употребляются там, где каждый из них уместен, то и закон ясен, недвусмыслен» [Полянский 1938: 120].

Базовые положения юридической терминологии были разработаны А. С. Пиголкиным [Пиголкин 1972; Пиголкин 1990] и С. С. Алексеевым [Алексеев 1982: 273-274; Алексеев 2010 том 3: 533-534; Алексеев 2010 том 8: 213-214].

По мнению В. Ю. Туранина [Туралин 2011: 97], классическим стало определение юридического термина, сформулированное А. С. Пиголкиным: «Юридический термин – это слово (или словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью».

Классические положения юридической терминологии получили уточнение и развитие в научных исследованиях современных авторов. Так, В. Ю. Туралин делает вывод, что «юридическая терминология является относительно малоизученным феноменом в правовой теории, при этом именно юридические термины оказывают прямое, непосредственное влияние на зримое воплощение природы права в его различных источниках» [Туралин 2017: 4]. Поэтому автор считает, что «...необходимо формирование общеправовой концепции исследования юридической терминологии, способной стать важным сегментом в освоении природы права...» [Туралин 2017: 6].

Для рассмотрения вопросов терминологического обозначения формы уголовного судопроизводства, в которой реализуется право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, имеет методологическое значение требование единства юридической терминологии.

Единство в качестве требования к юридической терминологии выделяют практически все авторы. С. С. Алексеев в перечне требований к юридической терминологии на первое место ставит именно единство терминологии [Алексеев 1982: 274]. По мнению С. С. Алексеева, единство юридической терминологии проявляется в том, что «одинаковые термины, используемые при формулировании юридических норм, должны иметь тождественное значение; недопустимо также для обозначения одних и тех же понятий использовать разные термины»

[Алексеев 2010 том 3: 533].

В. М. Савицкий поясняет: «...термин должен соответствовать только одному понятию. ... Формула «один термин – одно понятие» характеризует развитую, высокоорганизованную терминологическую систему, которая должна быть отличительным признаком такого столь насыщенного информацией социального феномена, как закон» [Савицкий 1987: 24].

В научных исследованиях по вопросам судоустройства и уголовного судопроизводства преимущественно проводится сравнение терминов, которые получили наибольшее распространение: «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей». За основу при сравнении этих терминов авторы берут уголовно-процессуальные полномочия присяжных заседателей и делают вывод, что только в «суде присяжных» присяжные заседатели по статусу равнозначны профессиональным судьям [Якупов 1998: 434, Быков 2006: 66, Поляков 2019: 133], и предлагают уточнить статус присяжных заседателей в ст. 5 УПК РФ.

Считаем, что предложение об уточнении статуса присяжного заседателя в ст. 5 УПК РФ заслуживает внимания законодателя, но принципиально нового в статус присяжного заседателя такое дополнение УПК РФ не внесет, оно лишь конкретизирует его. УПК РФ, как и УПК РСФСР, включает присяжных заседателей в состав суда. Суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в составе: судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей (п. 2 ч. 2 ст. 30 «Состав суда» УПК РФ в ред. от 18.12.2001 года); суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в составе: судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из восьми присяжных заседателей», судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из шести присяжных заседателей (п.п. 2, 2-1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ 2001 г. в ред. от 23.06.2016 года). УПК РСФСР также закреплял, что суд присяжных действует в составе судьи и 12 присяжных заседателей (ст. 421 ч. 2 УПК РСФСР). В этом выражается общий подход законодателя к статусу присяжных заседателей как судей в составе суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел. Присяжные заседатели, как и председательствующий профессиональный судья, входят в состав суда и участвуют в рассмотрении и разрешении уголовного дела. Присяжные заседатели привлекаются для участия в судебном разбирательстве не только для рассмотрения уголовного дела, но и для его разрешения путем вынесения вердикта (п. 30 ст. 5 УПК РФ). Вердикт присяжных заседателей обязателен для председательствующего при постановлении приговора (ст. 348 УПК РФ). Участие присяжных заседателей реализуется только через их полномочия по осуществлению судопроизводства (правосудия) и при этом присяжные заседатели имеют статус судьи.

Включение присяжных заседателей в состав суда соответствует положениям Конституции РФ 1993 г. Такой вывод позволяет сделать содержание статьи 47 Конституции РФ. В части 1 статьи 47 закреплено право каждого на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В части 2 статьи 47 это право конкретизируется через право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. По смыслу статьи 47 Конституции РФ, суд с участием присяжных заседателей – это тот суд, которому подсудно дело обвиняемого; это один из вариантов состава суда, к подсудности которого дело обвиняемого отнесено законом.

Таким образом, вопрос о том, каким термином (суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей) обозначать новую форму уголовного судопроизводства, не изменяет статус присяжных заседателей и не влияет на их право участвовать в отправлении правосудия в соответствии с ч. 5 ст. 32 Конституции РФ.

Использование любой юридической терминологии зависит от цели и содержания предмета научного исследования, от рассматриваемых вопросов. Это следует учитывать и при выборе между терминами «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей».

Наиболее широкое распространение в научной и учебно-методической литературе получил термин «суд присяжных». Он используется авторами независимо от того, что в УПК РФ, по сравнению с УПК РСФСР, законодатель заменил его на термин «суд с участием присяжных заседателей».

Сторонники использования термина «суд с участием присяжных заседателей» ссылаются на нормы УПК РФ, что, безусловно, является весомым аргументом.

Обосновывая использование термина «суд с участием присяжных заседателей», отдельные авторы смягчают противопоставление терминов: допускают использование термина «суд присяжных» в качестве общепотребительного термина [Ильяхов 2015: 20]. Компромиссный вариант решения проблемы терминологии предлагает В. В. Мельник. По его мнению, все словосочетания, используемые в законодательстве, «имеют одно и то же содержание и означают особую форму судопроизводства, которая называется «судом присяжных» [Мельник 2001: 13-14].

Анализ общетеоретических положений и мнений отдельных авторов о юридической терминологии позволяют сделать следующие выводы.

Наиболее распространены в применении термин «суд присяжных» и термин «суд с участием присяжных заседателей». Нормативную основу для их применения в научной и учебно-методической литературе образуют положения УПК РСФСР (суд присяжных) и УПК РФ (суд с участием присяжных заседателей).

Разграничение этих терминов целесообразно проводить не на основе уголовно-процессуального статуса и полномочий присяжных, а с учетом смысла и контекста их использования. В этом смысле использование в УПК РСФСР термина «суд присяжных» равнозначно использованию в УПК РФ термина «суд с участием присяжных заседателей» и фактически нет ни научной, ни практической проблемы в соотношении этих терминов. В любом случае речь идет о суде, но с уточнением одного из вариантов состава суда. Эти термины следует применять как равнозначные, поскольку они обозначают судебную деятельность, в которой участвуют присяжные заседатели, а именно: производство в суде

первой инстанции по рассмотрению и разрешению уголовного дела с участием присяжных заседателей. Отличаются термины, главным образом, законодательной формулировкой и закреплением либо в УПК РСФСР, либо в УПК РФ. Однако законодатель в УПК РСФСР и в УПК РФ использовал термин «суд присяжных» и термин «суд с участием присяжных заседателей» как равнозначные.

После вступления в силу УПК РФ выбор между этими терминами может быть обусловлен содержанием исследуемых вопросов или редакционной целесообразностью с учетом более удобной и краткой формулировки термина «суд присяжных». Кроме того, часто термины применяются как равнозначные при рассмотрении вопросов судебного производства с участием присяжных заседателей.

Термин «суд с участием присяжных заседателей» в основном применяется при рассмотрении вопросов судебного производства, а именно этапов (частей) производства, в которых участвуют присяжные заседатели.

Термин «суд присяжных» может быть отнесен, как предлагает А. А. Ильяхов [Ильяхов 2015: 20], к общепотребительным терминам. Это соответствует общепризнанной классификации юридической терминологии: общепотребляемые термины, специальные технические термины, специальные юридические термины [Алексеев 1982: 273]. С. С. Алексеев определяет общепотребляемые термины как термины «в общепринятом, в известном всем смысле» [Алексеев 2010 том 8: 213].

В юридических текстах термин «суд присяжных» чаще используется для конституционно-правового, судоустройственного, сравнительно-правового исследования новой формы уголовного судопроизводства; в неюридических текстах – для социального, философского, психологического исследования. В неюридических текстах термин «суд присяжных» применяется в более широком смысле. Проводится исторический, социально-психологический анализ суда присяжных как сложного и многозначного явления в жизни общества и государства. «Суд присяжных – это не просто уголовно-процессуальный институт (один из многих), это особый социальный институт, своего рода культурный образец, сам факт существования которого в стране... свидетельствует о существовании в этой стране независимой судебной власти и состязательного правосудия» [Тарасов 2001: 287]. В неюридических исследованиях авторы не рассматривают вопросы этапов уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальных действий и полномочий их участников.

Общепотребляемые термины соответствуют важному условию рационального использования терминологии – общепризнанности. По мнению С. С. Алексеева, «используемые термины должны получить признание в науке и практике» [Алексеев 1982: 274], «слова не должны быть «изобретены», придуманы законодателем...» [Алексеев 2010 том 8: 214].

Считаем, что термин «суд присяжных» получил историческое признание в науке и практике, поэтому его можно считать общепотребляемым и общепризнанным термином. Именно как общепотребляемый и общепризнанный термин «суд присяжных» используется в исторических, социологических, психологических, философских исследованиях. Вместе с тем особенность этого термина проявляется в том, что он имеет и специально-юридическое значение, т. е. как специальный юридический термин имеет «особый юридический смысл, выражающий своеобразие... правового понятия» [Алексеев 2010 том 8: 213]. Поэтому термин «суд присяжных» можно рассматривать, по классификации С. С. Алексеева, и как общепотребляемый, и как специальный юридический термин.

Термин «суд с участием присяжных заседателей» в классификации юридической терминологии относится к группе специальных юридических терминов.

Таким образом, термины «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей» можно применять как равнозначные с учетом контекста рассматриваемого вопроса или для «облегчения» текста краткой формулировкой. Как равнозначные эти термины применяются в большинстве научных исследований.

Литература

Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 2. М., 1982.

Алексеев С. С. Юридическая терминология / Собрание сочинений. В 10 т. Том 8: Учебники и учебные пособия (учебное пособие «Государство и право», 2010 г.). М., 2010.

Алексеев С. С. Юридическая техника / Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций (курс лекций «Проблемы теории и права», 1972-1973 г.г.). М., 2010.

Быков В. М. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства / Уголовное право. – 2006. – №1. – С.66-70.

Владыкина Т. А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей: дис...д-ра юрид.наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2018.

Декларация прав и свобод человека и гражданина / Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных России: история и современность: дис...д-ра юрид.наук:12.00.01. Нижний Новгород, 2003.

Ильяхов А. А. Вопросы повышения эффективности досудебного производства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей: монография. М., 2015.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL:<http://www.pravo.gov.ru>

Конституции (Основного Закон) РСФСР 1978 года (в ред. от 1 ноября 1991 года) / Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 45. – Ст. 1497.

Мельник В. В. Проблемы судопроизводства с участием присяжных заседателей в современном российском уголовном процессе (концептуальные положения): дис...д-ра юрид.наук в виде научного доклада: 12.00.09.12.00.11. М., 2001.

- Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: дис...д-ра юрид.наук: 12.00.09. М., 2022.
- Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года (ред. от 10 апреля 1990 года) / Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст.272.
- Основы законодательства СССР и союзных республик о судостроительстве от 13 ноября 1989 года / Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 23. – Ст. 441.
- Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
- Пиголкин А. С. Язык закона / Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локшина М. Д., Москвин С. С., и др. Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.
- Поляков В. П. Уголовно-процессуальное законодательство современной России: актуальные проблемы и пути их разрешения: монография. М., 2019.
- Полянский Н. Н. О терминологии советского закона. Проблемы социалистической законности. М., 1938.
- Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы: монография. Самара, 2001.
- Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 Т. Том 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М., 1995.
- Татаринов В. А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания: дисс ... д-ра филолог. наук: 10.02.19. М., 1996.
- Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 Т. Том 1: Теория термина: история и современное состояние. М., 1996.
- Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 Т. Том 3: Аспекты в отрасли терминологических исследований (1973-1993). М., 2003.
- Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987.
- Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: дис...д-ра юрид.наук: 12.00.01. Белгород, 2017.
- Туранин В. Ю. Творческое наследие профессора А. С. Пиголкина и современное российское право / Журнал российского права. – 2011. – №9(177). – С. 95-99.
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федеральный закон от 18.12.2001 года № 174-ФЗ (ред. от 18.07.2022 г.) / Собрание законодательства РФ. – 2001. – N 52. – Ч.1. – Ст. 4921.
- Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: принят 27 октября 1960 г. (в ред. от 16.07.1993) / Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. -№ 40. – Ст.592; Постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» / Ведомости Съезда Народных Депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. -№ 33. – Ст. 1314.
- Чиркин В. Е. К вопросу о точности конституционной терминологии / Журнал российского права.- 2011. – № 2(170). – С.63-73.
- Якупов Р. Х. Уголовный процесс. Учебник для вузов. Под ред. кандидата юридических наук В. Н. Галузо. М., 1998.

References

- Alekseev, S. S. (1982). General theory of law: course in 2 vols. T. 2. Moscow (in Russian).
- Alekseev, S. S. (2010). Legal technique/Collected works. At 10 vols. Volume 3. Moscow (in Russian).
- Alekseev, S. S. (2010). Legal Terminology/Collected Works. In 10 vols. Volume 8. Moscow (in Russian).
- Bykov, V. M. (2006). Jurors as participants in criminal proceedings. Criminal law, 1, 66-70 (in Russian).
- Chirkin, V. E. (2011). On the Accuracy of Constitutional Terminology. Journal of Russian Law, 2(170),63-73 (in Russian).
- Code of Criminal Procedure of the RSFSR: adopted on October 27, 1960 (as amended by 16.07.1993) (1960).Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR, 40, 592 (in Russian).
- Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: federal law of 18. 12. 2001 No. 174-FZ (rev. 18.07.2022) (2001).Collection of legislation of the Russian Federation, 52 (1),4921 (in Russian).
- Constitution (Basic Law) of the RSFSR of 1978 (as amended on November 1, 1991) (1991). Vedomosti SND of the RSFSR and the Armed Forces of the RSFSR, 45, 1497 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation (1993): adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote of the 01.07.2020. URL:http://www.pravo.gov.ru (in Russian).
- Declaration of Human and Civil Rights and Freedoms (1991). Statements of the SND of the RSFSR and the Armed Forces of the RSFSR,52,1865 (in Russian).
- Demichev, A. A. (2003).Comparative legal study of the jury of Russia: history and modernity: dissertation of Doctor of Law: 12.00.01. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Fundamentals of Criminal Proceedings of the USSR and the Union Republics of 1958 (as amended on April 10, 1990) (1990).Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR,16,272 (in Russian).
- Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union republics on the judicial system of November 13, 1989 (1989). Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR, 23, 441 (in Russian).

- Ilyukhov, A. A. (2015). Issues of improving the effectiveness of pre-trial proceedings in criminal cases subject to consideration by a court with the participation of jurors: monograph. Moscow (in Russian).
- Melnik, V. V. (2001) Problems of legal proceedings with the participation of jurors in the modern Russian criminal process (conceptual provisions): dissertation of the Doctor of Law in the form of a scientific report: 12.00.09, 12.00.11. Moscow (in Russian).
- Nasonov, S. A. (2022). Conceptual foundations of proceedings in court with the participation of jurors: dissertation of Doctor of Law: 12.00.09. Moscow (in Russian).
- Pigolkin, A. S. (1990). Language of Law / Bogolyubov S.A., Kazmin I.F., Lokshina M.D., Moskvina S.S., and others. Ed. A. S. Pigolkin. Moscow (in Russian).
- Pigolkin, A.S. (1972). Theoretical problems of legal activity in the USSR: dissertation of Doctor of Law. Moscow (in Russian).
- Polyakov, V. P. (2019). Criminal procedure legislation of modern Russia: current problems and ways to resolve them: monograph. Moscow (in Russian).
- Polyansky, N. N. (1938). On the terminology of Soviet law. Problems of socialist legality. Moscow (in Russian).
- Savitsky, V. M. (1987). Language of procedural law (questions of terminology). Moscow (in Russian).
- Tarasov, A.A. (2001). Sole and collegial in the criminal process: legal and socio-psychological problems: monograph. Samara (in Russian).
- Tatarinov, V. A. (1995). History of Domestic Term Studies: Volume 2. Directions and methods of terminological research: Essay and textbook. Moscow (in Russian).
- Tatarinov, V. A. (1996). Historical and theoretical foundations of term studies as a branch of domestic linguistics: dissertation of Doctor of Philology: 10.02.19. Moscow (in Russian).
- Tatarinov, V. A. (1996). History of domestic term studies. Volume 1: Theory of Term: History and the Modern State. Moscow (in Russian).
- Tatarinov, V. A. (2003). History of Domestic Term Studies: Volume 3: Aspects in the terminological research industry (1973-1993). Moscow (in Russian).
- Turanin, V. Yu. (2011). Creative heritage of Professor A. S. Pigolkin and modern Russian law. Journal of Russian law, 9(177), 95-99 (in Russian).
- Turanin, V. Yu. (2017). Legal terminology in modern Russian legislation: theoretical and legal study: dissertation of Doctor of Law: 12.00.01. Belgorod (in Russian).
- Vladykina, T A. (2018). Theoretical model of proceedings in criminal cases considered by a court with the participation of jurors: dissertation of Doctor of Law: 12.00.09. Ecaterinburg (in Russian).
- Yakupov, R. Kh. (1998). Criminal process. Textbook for universities. Ed. V.N. Galuso. Moscow (in Russian).

Citation:

Дудко Н.А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 26-32.

Dudko N.A. (2022). Jury Trial or Court with Jury Participation: Terminology Issues. Legal Linguistics, 26, 26-32.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений

Н.В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию содержания понятий «половая свобода» и «половая неприкосновенность» как объектов группы преступлений, сформулированных в главе 18 Уголовного кодекса РФ. Половая свобода представлена как понятие, имеющее два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия. В качестве компонентов свободы на самоопределение в половом отношении предложены: право на выбор сексуального партнера и количества таковых, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом или лицами в половые отношения. Решение о реализации таких возможностей имеет силу в конкретный момент времени и может быть изменено в любое время по воле лица. Для нескольких возрастных групп лиц до 16 лет, а также для всех лиц, находящихся в беспомощном состоянии, предложено новое авторское обоснование признания обладания ими половой неприкосновенностью. Отмечены некоторые противоречия между нормами семейного и уголовного законодательства РФ, которые могут быть преодолены путем их системного толкования во взаимосвязи друг с другом. Предложены аргументы против критики содержания примечания к ст. 134 Уголовного кодекса РФ. Приведены особенности признания лиц, страдающих психическими заболеваниями, а также лиц, находящихся в бессознательном состоянии, обладающими половой неприкосновенностью. Рассмотрен вопрос об объекте половых преступлений, совершаемых гомосексуальными действиями. Автором предложена концепция современного правового статуса таких деяний на основе системного анализа норм Уголовного кодекса РФ, Кодекса об административных правонарушениях РФ и позиции Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, половые преступления, малолетние потерпевшие, действия гомосексуального характера.

On the Concept and Content of Sexual Freedom and Sexual Inviolability as Objects of Sexual Offences

N.V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article concentrates on the study of the content of the concepts of «sexual freedom» and «sexual inviolability» as objects of a group of crimes defined in Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation. Sexual freedom is described as a concept that has two aspects - freedom of self-determination and freedom from violence. As components of the freedom of self-determination in sexual relations, the following are proposed: the right to choose a sexual partner and the number of such, the types of sexual activities permissible for a given moment, time intervals and the place of having a sexual relation with a specific person or persons. The decision on the feasibility of such opportunities is valid at a particular moment in time and can be changed at any time at the will of the person. A new author's rationale has been proposed for recognizing sexual inviolability for several age groups of persons under 16 years of age, as well as for all persons in a helpless situation. Some contradictions between the norms of the family law and criminal legislation of the Russian Federation are noted, which can be overcome by their systematic interpretation in conjunction with each other. Arguments are proposed against criticism of the content of the explanatory note to Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. The signs for recognition of persons suffering from mental illness, as well as persons in an unconscious state with sexual inviolability are given. The issue of the object of sexual offences committed by homosexual acts is considered. The author proposes the concept of the

advanced legal status of such acts based on a systematic analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: sexual freedom, sexual inviolability, sexual offences, juvenile victims, homosexual acts.

Исходя из названия главы 18 Уголовного кодекса РФ, непосредственными объектами группы половых преступлений можно назвать половую свободу и половую неприкосновенность личности. Закон не раскрывает содержание этих понятий, а в литературе по уголовному праву отсутствует единое понимание терминов.

В словаре В.И. Даля свобода понимается как воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле [Даль 1880-1882]. Следовательно, половая свобода – это не только свобода на самоопределение в сфере половых отношений в рамках сложившегося в обществе уклада половых отношений, но и свобода от принуждения. В таком понимании половая свобода имеет два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия.

Первый компонент – свобода на самоопределение – требует детализации, так как имеет сложное содержание. Думается, что половая свобода должна включать в себя право на выбор сексуального партнера, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом в половые отношения. Любые более узкие трактовки половой свободы привели бы к возможным ограничениям свободы личности. Весьма деликатным является вопрос об объекте посягательства при насильственных гомосексуальных действиях. Свобода на выбор сексуального партнера состоит не только в определении конкретной личности, с которой носитель права желает вступить в половые отношения, но и в определении признаков такой личности, в том числе по половому признаку. Поэтому, например, при гомосексуальных действиях насильственного характера объектом посягательства будет выступать в том числе и этот компонент половой свободы. Если рассматривать этот аспект более детально, то можно дополнить его и правом определения количества половых партнеров как в разное время, так и одновременно. Этот срез половой свободы страдает в случае совершения половых преступлений групповым способом.

Непрост вопрос о необходимости выделения дополнительного объекта при гомосексуальных посягательствах. В литературе этот вопрос обойден вниманием. Вероятной причиной его игнорирования можно предположить неопределенность правового статуса гомосексуализма как такового. Так, с одной стороны, половая свобода предполагает возможность свободно выражать свой сексуальный потенциал, поэтому гомосексуальные связи вполне «вписываются» в нормальный уклад половых отношений, разумеется, если они основаны на добровольном согласии всех лиц, участвующих в таких отношениях. Подтверждением тому служит, например, факт легализации добровольного гомосексуализма. В России традиционно признавались допустимыми только гетеросексуальные отношения, так как это единственная естественная форма половой активности, в которой напрямую заинтересовано общество и государство, так как она является средством продолжения рода. Поэтому в России гомосексуализм долгое время был под запретом. Постепенно отношение к этому явлению изменилось. Российское законодательство, отменив в начале 90-х годов XX века уголовную ответственность за добровольное мужеложство, стало в большей мере соответствовать мировым требованиям в области охраны прав и свобод человека. В таких отношениях, построенных на добровольных началах, нет общественной опасности, а следовательно, нет и оснований для криминализации таких деяний путем закрепления в уголовном законе.

Вместе с тем наличие в Кодексе об административных правонарушениях РФ ст. 6.21, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, демонстрирует некоторые особенности отношения к гомосексуализму в российском обществе. Названный состав правонарушения заключается в пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, которая может выразиться в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывании информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Обращает на себя внимание трансляция идеи о социальной неравноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, так как иное понимание с позиции закона является искаженным.

Указанные действия образуют состав правонарушения исключительно в случаях, когда совершены в отношении несовершеннолетнего, что означает признание социальной вредности лишь при совершении в отношении социально и психологически незрелой категории граждан – несовершеннолетних, что может повлиять на формирование ложных и вредных установок.

Примечательно, что ч.1 ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ была предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ по жалобе группы граждан [Постановление Конституционного Суда РФ 2014]. По их мнению, запрет, исключаящий распространение среди несовершеннолетних любой информации о гомосексуальности, в том числе содержащей лишь утверждение о социальной равноценности близких отношений между людьми разного пола и между людьми одного пола, не имеет под собой разумных оснований, такой запрет основан на предрассудках, в силу которых негетеросексуальные отношения осуждаются как безнравственные, а следовательно, влечет умаление достоинства граждан негетеросексуальной ориентации, а также дискриминацию по

признаку сексуальной ориентации. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ не противоречит Конституции РФ, поскольку она направлена на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию и не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не имеет целью запрещение или официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений, не препятствует беспристрастному публичному обсуждению вопросов правового статуса сексуальных меньшинств, а также использованию их представителями всех не запрещенных законом способов выражения своей позиции по этим вопросам и защиты своих прав и законных интересов, включая организацию и проведение публичных мероприятий. При этом противоправными могут признаваться только публичные действия, целью которых является распространение информации, популяризирующей среди несовершеннолетних или навязывающей им нетрадиционные сексуальные отношения. Сами по себе гомосексуальные действия, совершаемые добровольно между гражданами, достигшими 16 лет, не являются запрещенными, а Конституция РФ гарантирует защиту равным образом всем лицам, вне зависимости от их сексуальной ориентации, а сексуальная ориентация как таковая не может служить правомерным критерием установления различий в правовом статусе человека и гражданина. Также Конституция не дает оснований для установления запрета на ведение общественных дискуссий о сексуальных отношениях, включая нетрадиционные. Однако установление пределов осуществления свободы слова и свободного распространения информации обусловлено необходимостью обеспечения баланса интересов всех членов российского общества. Поскольку одно из предназначений семьи – рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к решению вопросов демографического и социального характера в области семейных отношений в РФ лежит понимание брака как союза мужчины и женщины. Отсюда не вытекает обязанность государства по созданию условий для пропаганды, поддержки и признания союзов лиц одного пола. Цель, которую преследовал федеральный законодатель при установлении рассматриваемой нормы, – оградить ребенка от воздействия информации, способной подтолкнуть его к нетрадиционным сексуальным отношениям, приверженность которым препятствует выстраиванию семейных отношений, как они традиционно понимаются в России и выражены в Конституции РФ. Конституционный Суд РФ признал, что возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной. Тем не менее, исходя из специфики общественных отношений, связанных с оказанием информационного воздействия на лиц, не достигших совершеннолетия и потому находящихся в уязвимом положении, законодатель вправе использовать для оценки необходимости введения тех или иных ограничений критерии, основанные на презумпции наличия угрозы интересам ребенка, тем более что вводимые им ограничения касаются только адресной направленности соответствующей информации лицам определенной возрастной категории и потому не могут рассматриваться как исключающие возможность реализации конституционного права на свободу информации в этой сфере.

Таким образом, официально государство не признает равнозначными в социальном плане гетеросексуальные и гомосексуальные отношения. Однако и запрета на добровольный гомосексуализм, как и каких-либо иных запретов и ограничений (помимо запрета пропаганды среди несовершеннолетних) для статуса лиц такой ориентации закон не устанавливает. Также в конце 2022 года Государственная Дума РФ рассмотрит законопроект о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и среди взрослых лиц.

Часть 2 статьи 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Из перечисленных обстоятельств рассматриваемое может быть определено в категории «других обстоятельств». Это означает, что гомосексуалисты имеют право на недискриминацию по такому признаку.

Статья 5.62 Кодекса об административных правонарушениях РФ устанавливает административную ответственность за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. Толкование диспозиции этой нормы не позволяет привлечь к ответственности по ней за дискриминацию по признаку гомосексуальности, так как он не подходит ни под один из названных признаков, в том числе гомосексуалистов нельзя назвать социальной группой, так как объединяет их признак, не связанный с положением в обществе. Аналогично складывается и практика квалификации преступлений экстремистской направленности. В литературе можно встретить позицию о том, что только прямое включение в перечень дискриминирующих признаков сексуальной ориентации способно обеспечить реальную защиту гомо- и бисексуалов от всех видов дискриминации [Нестеровская 2015: 158]. Думается, что реализация такого предложения способствовала бы защите рассматриваемой категории от дискриминации, но на фоне других правовых и социальных проблем последних лет вряд ли этот вопрос будет решен в числе первоочередных.

В качестве второго компонента половой свободы выступает свобода от принуждения. Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Реализация половой свободы не должна нарушать половую свободу другого лица.

В качестве альтернативного непосредственного объекта половых преступлений выступает половая неприкосновенность. В юридической литературе распространено понимание половой неприкосновенности как

морального и правового запрета вступать в половые отношения с лицом, не обладающим половой свободой ввиду неспособности понимать значение и последствия совершаемых в отношении него сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере.

К лицам, обладающим половой неприкосновенностью, ряд исследователей относит совершеннолетних лиц в беспомощном состоянии и несовершеннолетних до определенного возраста [Озова 2006: 46-47].

Так как в ст. 134 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за половые отношения с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, то можно предположить, что до 16 лет все лица обладают половой неприкосновенностью. Рассмотрим этот вопрос подробно применительно к разным возрастным группам.

Если проанализировать примечание к ст. 131 Уголовного кодекса РФ, то можно сделать вывод, что лиц, не достигших 12-летнего возраста, законодатель бесспорно считает неприкосновенными, поскольку такие лица в силу возраста находятся в беспомощном состоянии, то есть не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий.

Лица в возрасте от 12 до 14 лет не всегда могут быть признаны беспомощными. Те из них, кто не понимает характера совершаемых с ним действий и не осознает возможности определенных последствий в результате этих действий, должны быть признаны обладающими половой неприкосновенностью именно по этому признаку. Те, кто понимает и осознает указанные обстоятельства, носителем половой неприкосновенности по признаку беспомощного состояния быть не могут. Однако думается, что это не должно исключать отнесение их к кругу носителей половой неприкосновенности по иному признаку. Половая неприкосновенность – категория, которую законодатель может установить ввиду необходимости защиты нормального нравственного и полового развития. Отсутствие необходимого жизненного опыта, внушаемость даже при осознании характера половых отношений и их биологических и социальных последствий может стать фактором принятия решения, которое повлечет негативные последствия для малолетнего (беременность, венерическое заболевание, ВИЧ-инфекция и т. п.). Понимание сути таких отношений и возможных последствий в малолетнем возрасте носит скорее обобщенный абстрактный характер на уровне «у людей так бывает», нежели детальное знание, позволяющее успешно применять методы защиты от заболеваний, передающихся половым путем, предохраняться от беременности. Решение о вступлении в половые отношения, принятое на фоне отсутствия достаточных знаний, навыков и социального опыта, не может быть признано осознанным и волевым, а значит обеспечивающим физический и эмоциональный комфорт от принятого решения, как непосредственно сразу при его принятии, так и спустя некоторое время, когда могли возникнуть последствия различного рода и эмоциональная переоценка события. Исследования показывают, что сексуально травмированные дети, став взрослыми, отличаются пониженным самоуважением, гипертрофированными чувствами вины, стыда, чувством отчуждения от других, отвращением к прикосновениям, склонностью к пьянству, наркомании, высоким процентом самоубийств и предрасположенностью к виктимизации, то есть ребенок, подвергшийся насилию, сам становится опасен для других [Гоноченко 2003: 65]. Так, например, Р.Е. Затона отмечает, что при совершении полового сношения или иных действий сексуального характера с несовершеннолетними нарушается их нормальное половое развитие, поскольку еще не завершён процесс их нравственно-полового формирования, они по своим психофизическим качествам еще не подготовлены к вступлению в половую жизнь без ущерба для своего здоровья [Затона 2003: 14]. Поэтому было бы неправильным наделять лиц этой возрастной категории половой свободой и возлагать на них ответственность за свободное распоряжение таким правом. Таким образом, видится правильным для обеспечения гарантии нормального нравственного и полового развития малолетних в возрасте от 12 до 14 лет считать их неприкосновенными в половом отношении.

Вопрос о половой неприкосновенности лиц в возрасте от 14 до 16 лет вызывает особые сложности в силу того, что действующее российское законодательство допускает возможность вступления в брак с 14 лет. Сложно говорить о половой неприкосновенности таких лиц, так как при положительном решении этого вопроса возникла бы ситуация коллизии семейного и уголовного законов. Кроме того, Уголовный кодекс РФ действует на территории всей страны единообразно, поэтому какие-либо различия как в действиях норм, так и в содержании понятий недопустимы в зависимости от региона страны.

В соответствии со ст. 13 Семейного кодекса РФ брачный возраст в РФ – 18 лет. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет. Также порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов РФ. В данный момент с 14 лет допускаются браки в следующих субъектах РФ: Чеченская Республика, Республика Адыгея, Тюменская, Московская, Тульская, Калужская, Нижегородская, Вологодская, Тамбовская, Орловская области, Еврейский АО, Ханты-Мансийский АО; с 15 лет: Рязанская, Челябинская, Мурманская области, Кабардино-Балкарская Республика. Так, например, в соответствии с Законом Московской области от 30.04.2008 № 61/2008-ОЗ лица в возрасте от 14 до 16 лет в виде исключения могут вступить в брак при наличии таких особых обстоятельств, как беременность, рождение общего ребенка (детей), непосредственная угроза жизни одной из сторон. Аналогичные обстоятельства предусмотрены, например, п. 4 ст. 10 Семейного кодекса Республики Татарстан, ст. 2 Закона Нижегородской области от 10.09.1996 № 44-З, ст. 2 Закона Калужской области № 10-ОЗ от 06.06.1997. В соответствии со ст. 2 Закона Мурманской области от 18.11.1996 № 42-01-ЗМО к особым обстоятельствам для вступления в брак лиц, не достигших возраста 16 лет, относится также случай, когда беременная несовершеннолетняя женщина, находясь в тяжелых материальных или иных экстремальных условиях (сирота, неполная семья, неблагополучная семейная обстановка и др.), вступая в брак, улучшает условия

жизни для себя и будущего ребенка.

Это подтверждает мысль о том, что ориентир на 16-летний возраст, указанный в ст. 134 УК РФ, не может лежать в основе формирования универсального правила, так как, во-первых, он не позволяет сформулировать единое для всех правило, а уголовный закон предполагает единство действия на всей территории РФ. Во-вторых, ст. 134 УК устанавливает не запрет на вступление в половые отношения для таких лиц, а ответственность для лиц, достигших 18 лет, за половые контакты с лицами, не достигшими 16 лет. Это означает, что за добровольные половые контакты с указанными потерпевшими не наступает ответственность для лиц моложе 18 лет. Это позволяет сделать предположение о том, что ст. 134 УК РФ направлена скорее на защиту лиц, не достигших 16 лет, и в силу молодости не способных принять взвешенное решение о вступлении в половые отношения (особенно под влиянием более взрослых), от необдуманных решений, которые могут нанести вред процессу нормального полового развития или здоровью), чем на обеспечение полного запрета на половые отношения таких лиц. В-третьих, сам законодатель в разные периоды времени демонстрирует сомнения относительно установления возрастного критерия «согласия» в 16 лет. Федеральным законом РФ от 29 февраля 2012 года N 14-ФЗ в диспозиции этой нормы помимо возрастного критерия в качестве второго обязательного признака потерпевшего было названо и недостижение половой зрелости. Однако такое решение многими специалистами было воспринято скептически (см., например, [Тыдыкова 2013: 31-35; Цэнгэл 2013: 161]), а практика показала ряд неразрешимых проблем, ввиду чего уже в конце 2013 года этот признак был исключен из текста ст. 134 УК РФ. А с 1998 по 2003 гг. возраст «согласия» в анализируемой норме был зафиксирован в 14 лет. Поэтому сложно только положения ст. 134 УК РФ брать за отправную точку в определении критериев половой неприкосновенности.

Статья 134 Уголовного кодекса РФ была предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. По мнению гражданина П., эта норма позволила несправедливо привлечь его к уголовной ответственности и осудить за половые сношения с четырнадцатилетней девушкой, с которой у него длительное время были близкие отношения. Как следует из жалобы, к моменту постановления приговора они, исходя из особых обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 13 Семейного кодекса РФ и ч. 2 ст. 12 Семейного кодекса Республики Башкортостан, подали в органы ЗАГС заявление о заключении брака, который после постановления приговора был зарегистрирован. Однако Конституционный Суд РФ указал, что положения ст. 13 Семейного кодекса РФ во взаимосвязи с положениями ст. 134 Уголовного кодекса РФ исключают противоправность полового сношения лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, только после регистрации их брака. Также Конституционный Суд РФ отметил, что положения ст. 134 УК РФ направлены на защиту ребенка от всех форм сексуального совращения, на охрану половой неприкосновенности лиц, не достигших определенного возраста и вследствие недостаточного физиологического и социального развития не обладающих половой свободой. А разрешение на брак с 14-летнего возраста может быть дано лишь в виде исключения по серьезным причинам [Определение Конституционного Суда РФ 2008]. Таким образом, сам Конституционный Суд РФ транслирует идею о наделении всех лиц, не достигших 16 лет, половой неприкосновенностью. Изъятия из этого правила возможны лишь в виде исключения в целях обеспечения интересов лиц, не достигших 16 лет. Также необходимо понимать, что брачные отношения представляют собой комплексные отношения как имущественного, так и личного неимущественного характера и не могут сводиться только к половым отношениям. Возраст готовности к ним законом устанавливается исходя из оценки достижения лицами готовности к ним как комплексному явлению. Таким образом, возможность заключения брака и вступления в половые отношения с 14 лет – исключение из общего правила, причем исключение не на уровне всего субъекта РФ, а «адресное», применяемое к конкретному лицу в его конкретных жизненных обстоятельствах. Поэтому целесообразно говорить о том, что лица в возрасте от 14 до 16 лет все-таки обладают половой неприкосновенностью.

Соответствует идее такого исключения из общего правила и примечание к ст. 134 УК РФ, в соответствии с которым лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 134 УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно-опасными в связи с вступлением в брак с потерпевшим. Законодатель, вероятно, исходит из того, что при признании компетентным органом при наличии особых обстоятельств возможности вступления в брак до достижения 16 лет возможно признать отсутствие общественной опасности такого деяния. Это обстоятельство по своим признакам похоже на такой институт уголовного права, как изменение обстановки. Однако содержание анализируемого примечания в литературе подвергается критике. Вполне возможны случаи вступления в брак на короткий срок лишь с целью избежать уголовной ответственности. Понятно, что об устранении общественной опасности в таком случае говорить не приходится, более того, скорее всего, в таком случае нормальному нравственному и половому развитию лица, не достигшего 16-летнего возраста, может быть причинен еще больший вред. Р.К. Биларов отмечает, что такое примечание позволяет договориться с потерпевшей, ее родителями, формально заключить брак, а после прекращения уголовного дела развестись, так как закон не предусматривает возможности отмены решения о прекращении уголовного дела в случае последующего развода [Билалов 2010: 41-42]. С этим мнением сложно не согласиться. Однако если действие ст. 134 УК РФ во взаимосвязи с соответствующими нормами семейного законодательства позволяет признать отсутствие общественной опасности половых отношений при наличии названных исключительных обстоятельств, а значит, и отсутствие состава преступления в таком случае, то необходим и механизм улучшения положения для лица, совершившего деяние, обладающее всеми признаками преступления, но ввиду установления отсутствия в таком деянии общественной опасности (компетентным органом установлено, что потерпевший в своей жизненной ситуации может вступить в брак до достижения 16 лет) нецелесообразно применение к нему наказания.

Другое обстоятельство, помимо возраста, с которым может быть связано признание лица неприкосновенным в половом отношении – это состояние беспомощности. В теории уголовного права традиционно считается, что беспомощное состояние может быть обусловлено психическим или физическим состоянием потерпевшего. При психической беспомощности лицо не понимает характера совершаемых с ним действий и не осознает возможности определенных последствий в результате этих действий. Подобное состояние может быть вызвано, например, малолетним возрастом или психическим заболеванием. В этой ситуации лицо не может самостоятельно решать вопрос об удовлетворении чужого и своего полового чувства. Однако такое решение влечет ряд вопросов.

При обсуждении половой неприкосновенности по признаку беспомощного состояния лиц, страдающих психической болезнью, возникает вопрос о том, кто и каким образом может решить вопрос о вступлении в половое сношение. Ведь половая потребность у этих лиц существует, а в ряде случаев при определенных видах психических заболеваний она значительно больше, чем у других лиц. В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1 лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией РФ и федеральными законами. Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами РФ. Действующее законодательство не содержит запрета на вступление в половые отношения для лиц, страдающих психическими заболеваниями, поэтому они являются полноправными обладателями половой свободы. Однако те лица, которые по причине психического заболевания не могут осознавать фактический характер совершаемых действий или руководить своими действиями, должны признаваться беспомощными. В соответствии со ст. 131 и 132 УК РФ любые действия сексуального характера, совершаемые с использованием беспомощного состояния потерпевших, образуют состав преступления. А беспомощные лица обладают половой неприкосновенностью.

Непрост вопрос о признании половой неприкосновенности лиц, находящихся в бессознательном состоянии, например, вызванном крепким сном, в том числе возникшим под воздействием медицинских препаратов, алкоголя или наркотических средств, психотропных веществ и тому подобными веществами. Думается, что в таких случаях правильно говорить о смешанном характере беспомощности, так как имеет место беспомощное состояние, вызванное психо-физическими причинами. Вопрос о половой неприкосновенности таких лиц имеет практическое значение. В частности, от его решения зависит то, должен ли супруг (постоянный половой партнер, лицо, ранее добровольно вступавшее в половые отношения и уверенное в согласии женщины) получить согласие на половое сношение во всех случаях, в том числе и тогда, когда женщина, например, находится в состоянии сна, вызванного сильным алкогольным опьянением? Так как лиц в описанных состояниях следует признавать беспомощными, а значит, обладающими половой неприкосновенностью, то вступать с такими лицами в половые отношения можно только тогда, когда до возникновения такого состояния было получено согласие, которое с очевидностью распространяло свое действие в том числе и на период беспомощности. Исключением из этого правила не должно быть ни состояние в браке с беспомощным лицом, ни имевший место ранее опыт добровольных половых отношений с ним. Это связано с тем, что лица обладают половой свободой, компонентами которой являются возможности в любой момент времени принимать решения о вступлении в половые отношения с конкретным лицом (или лицами), о месте, времени, продолжительности и видах таких действий. Однажды принятое решение имеет силу в конкретный момент времени и не обязательно распространяется на последующий период, т. е. может быть разовым. Также носитель половой свободы вправе отозвать уже озвученное решение о согласии или несогласии.

Таким образом, непосредственными объектами половых преступлений являются половая свобода и половая неприкосновенность. Половая свобода имеет два аспекта – свобода на самоопределение и свобода от насилия. Свобода на самоопределение в половом отношении включает в себя ряд компонентов: право на выбор сексуального партнера и их количества, допустимых для данного момента видов сексуальных действий, временных промежутков и места вступления с конкретным лицом в половые отношения. Решение о реализации таких возможностей имеет силу в конкретный момент времени и может быть изменено в любое время по воле лица. Половой неприкосновенностью обладают лица, не достигшие 16 лет, а также лица, в силу различных обстоятельств признанные находящимися в беспомощном состоянии.

Литература

Билалов Р.К. Брак по Уголовному кодексу / Законность. – 2010. – N 6. С. 41–42.

Гоноченко О.А., Пудовочкин Ю.Е. Защита несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации: уголовно-правовые проблемы. Ставрополь, 2003.

Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка Владимира Даля: подгот. по 2-му печ. изд. 1880–1882 гг. – Электрон. дан. М., 1998 – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Затона Р.Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты борьбы с насильственными сексуальными посягательствами на несовершеннолетних. Самара, 2003.

Нестеровская Ю.Л. Дискриминация по признаку сексуальной ориентации / Символ науки. – 2015. - № 3. – С. 158–159.

Озова Н.А. Насильственные действия сексуального характера. М., 2006.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 года / СПС Консультант.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 N 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» / СПС Консультант.

Тыдыкова Н.В. Проблемы установления половой зрелости / Актуальные проблемы уголовного закона: сборник научных статей. - Барнаул, 2013. - С. 31-35.

Цэнгэл С.Д. Уголовная политика в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних / Уголовная политика и проблемы правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. - СПб, 2013. - С. 157-161.

References

Bilalov, R.K. (2010). Brak po Ugolovnomu kodeksu. Zakonnost, 6, 41-42 (in Russian).

Czengel, S.D. (2013). Ugolovnaya politika v sfere zashhity polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnix. Ugolovnaya politika i problemy pravoprimeneniya: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saint Petersburg, 157-161 (in Russian).

Dal', V.I. (1998). Tolkovyy slovar zhivogo russkogo yazyka Vladimira Dalya: podgot. po 2-mu pech. izd. 1880-1882 gg. - Elektron. dan.- Moscow, 1 elektron. opt. disk (CD-ROM) (in Russian).

Gonochenko, O.A., Pudovochkin, Yu.E. (2003). Zashhita nesovershennoletnix ot seksualnogo sovrashheniya i seksualnoj ekspluatsii: ugolovno-pravovye problemy. Stavropol (in Russian).

Nesterovskaya, Yu.L. (2015). Diskriminatsiya po priznaku seksualnoj orientatsii. Simvol nauki, 3, 158-159 (in Russian).

Opreделение Конституционного Суда Россиjskoj Federatsii ot 21 oktyabrya 2008 goda. SPS Konsultant (in Russian).

Ozova, N.A. (2006). Nasilstvennye dejstviya seksualnogo kharaktera. Moscow (in Russian).

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.09.2014 N 24-P "Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stati 6.21 Kodeksa Rossijskoj Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyax v svyazi s zhaloboj grazhdan N.A. Alekseeva, Ya.N. Evtushenko i D.A. Isakova". SPS Konsultant (in Russian).

Tydykova, N.V. (2013). Problemy ustanovleniya polovoj zrelosti. Aktualnye problemy ugolovnogo zakona: sbornik nauchnykh statej. Barnaul, 31-35 (in Russian)

Zatona, R.E. (2003). Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty borby s nenasilstvennymi seksualnymi posyagatelstvami na nesovershennoletnix. Samara (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н.В. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений // Юрислингвистика. - 2022. - 26. - С. 33-39.

Tydykova N.V. (2022). On the concept and content of sexual freedom and sexual inviolability as objects of sexual crimes. Legal Linguistics, 26, 33-39.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридикo-терминологический анализ понятия «3D-биопринтинг»

А.А. Шутова

*Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ
РПА Минюста России)
ул. Заречное шоссе, 23, 426052, Ижевск, Россия. E-mail: shutova1993@inbox.ru*

Представленная публикация посвящена юридикo-терминологическому анализу понятия «3D-биопринтинг» и возникшего от него понятия «3D-биопринтер», все чаще упоминаемых в правовых актах многих государств. Актуальность темы определяется также частотностью употребления данного понятия в научной медико-юридической литературе, что связано с феноменом стремительного развития «сквозных» цифровых технологий в современной действительности, в том числе в сфере здравоохранения. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что рассмотренная дефиниция понятия «3D-биопринтинг» представляется важной и имеющей огромный потенциал к использованию не только при формировании основ правового регулирования отношений в сфере технологий 3D-биопечати, но и в процессе правоприменения.

Ключевые слова: юридикo-терминологический анализ, понятие, термин, 3D-биопринтинг, биопринтные технологии, цифровые технологии, здравоохранение, цифровая экономика.

Legal and Terminological Analysis of the Concept of «3D-bioprinting»

A.A. Shutova

*Izhevsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(VGUY RPA of the Ministry of Justice of Russia)
23 Zarechnoye shosse str., 426052, Izhevsk, Russia. E-mail: shutova1993@inbox.ru*

The article concentrates on the legal and terminological analysis of the concept of "3D bioprinting" and the concept of "3D bioprinter" that arose from it, which are increasingly mentioned in the legal acts of many states. The relevance of the topic is also determined by the frequency of use of this concept in the scientific medical and legal literature, which is associated with the phenomenon of the rapid development of "end-to-end" digital technologies in modern reality, including in the field of healthcare. The analysis made it possible to conclude that the considered definition of the concept of "3D bioprinting" is important and has a huge potential for use not only in building the foundations of legal regulation of relations in the field of 3D bioprinting technologies, but also in the process of law enforcement.

Key words: legal and terminological analysis, concept, term, 3D bioprinting, bioprinting technologies, digital technologies, healthcare, digital economy.

На современном этапе развития технологий наблюдается непрерывный процесс внедрения новейших технологий во все сферы жизнедеятельности человека. 3D-печать (от англ. Three-Dimensional Printing Technology) порождает серьезные вызовы правовой системе, которая значительно отстает в своем развитии. Одной из разновидностей 3D-печати является технология 3D-биопринтинга, активно развивающаяся в медицине. Подобная технология открывает перспективу замены больных органов на здоровые, позволяет решить проблему нехватки органов и тканей для трансплантации. Производство биопринтных органов позволит сократить время на проведение операции, тем самым может сохранить жизнь нуждающимся в органах и (или) тканях людям. При создании биопринтных органов из «родной» дезоксирибонуклеиновой кислоты указанный орган не будет отвергаться организмом человека [Беликова 2020: 35-57].

Исследование вопроса правового регулирования технологии биопринтинга осложнено необходимостью его изучения со всех сторон. По мнению В. Пашкова, А. Гаркуши, общие дебаты последних лет сводятся к попытке разрешить колебание между юридическими попытками регулирования 3D-биопринтинга и концепцией полного запрета на такую деятельность [Pashkov, Harkusha 2017: 480-482].

В Российской Федерации уделяется внимание развитию технологии трехмерной биопечати с 2018 г. В приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» [Приказ 2018] говорится о применении индивидуально изготавливаемых и производимых персонализированных продуктов для лечения различных заболеваний, в том числе онкологических. В июле 2021 г. Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития аддитивных технологий в России на период до 2030 года [Распоряжение 2021], одним из ключевых направлений которой является развитие аддитивных технологий в области медицины.

В настоящий момент 3D-биопечать не подпадает под действие каких-либо установленных нормативных актов. Правительства Канады, Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза подготовили руководящие документы по производству технологий 3D-печати, но ни один из них не содержит каких-либо положений, касающихся 3D-биопечати [Mason, Visintini, Quay 2019]. В настоящее время на уровне международного или национального законодательства не существует специального законодательства о 3D-биопечати.

В основном авторы понимают под 3D-биопринтингом трехмерную печать биоматериалов, например кровеносных сосудов, костей и сосудистых сетей с человеческими клетками [Schubert and etc. 2014: 156-161]. Технология биопринтинга активно применяется в ряде государств и на данный момент уже имеются определенные достижения в процессе использования подобной технологии: *во-первых*, уже имеются коммерческие компании, производящие биопритеры: 3D Bioprinting Solutions (Россия), Поэтикс (Франция), Sciperio/nScript (США), Aspect Biosystems (Канада), Рокит (Южная Корея) и др. *Во-вторых*, формируется соответствующая образовательная среда. Так, реализуется образовательная программа по обучению студентов в сфере 3D-биопринтинга (международная магистратура в сфере 3D-биопринтинга в Вюрцбургском университете имени Юлиуса Максимилиана). *В-третьих*, имеется значительное количество публикаций и отчетов по тематике применения биопритеров, уже написано несколько книг по данной проблематике, организуются научно-представительские мероприятия, разрабатываются соответствующие гранты (к примеру, научный проект № 18-29-14027 мк «Концепция правового регулирования отношений по проведению геномных исследований в сфере создания и использования биопринтных человеческих органов» [Богданов 2019: 80-91]). Опубликованы специализированные журналы по теме биопринтинга: первый специализированный журнал был выпущен в 2015 году (Международный журнал биопечати (International journal of bioprinting)), а в 2016 году были выпущены еще четыре журнала, посвященных биопечати. В-пятых, подход биопечати активно используется для решения проблем в трансплантологии, регенеративной медицине и даже в области репродукции. Так, в 2013 г. хирург-ортопед К. Герранд использовал технологию 3D-принтинга для создания титанового таза для пациента с хондросаркомой посредством данных компьютерной томографии. Более того, функциональное предназначение биопринтных технологий растет и имеются следующие достижения: созданы искусственные участки кожи [Baja and etc. 2014: 247-276], части ушной раковины [Wallace and etc. 2014: 45], мочевые пузыри [Atala 2006: 1241], которые даже были имплантированы в организм пациентов, индивидуальные титановые протезы, что произвело революцию в персонализированной челюстно-лицевой хирургии в Великобритании [Mustafa and etc. 2017: 546].

На данный момент общественные отношения, возникающие в процессе трехмерной биопечати органов и тканей человека, находятся на этапе формирования. В связи с этим возникает правовой пробел при регулировании отношений, связанных с развитием технологии биопринтинга. Прежде чем перейти к выстраиванию моделей уголовно-правового регулирования биопринтных технологий, хотелось бы остановиться на правовых и технологических аспектах исследуемой технологии. В связи с этим следует констатировать, что современная юридическая наука должна выстраиваться исключительно в русле междисциплинарного подхода.

Трехмерная биопечать достаточно схожа с процессом трехмерной печати, их отличие можно провести по материалу, который используется в целях печати. При биологической печати в качестве чернил используются органические материалы, в первую очередь это живые клетки для создания материалов, подобных частям человеческого тела [Горбатов, Романов 2017: 3-9]. Именно поэтому 3D-биопечать используется как сокращение от словосочетания «биологической печати» [Павлов 2018: 35-36]. Тем самым можно утверждать, что трехмерная печать и трехмерная биопечать – это разные технологии с различными методами.

В связи с отсутствием правового вектора развития указанной технологии в России среди исследователей стали складываться различные точки зрения. Первая группа специалистов положительным образом оценивает функциональные возможности технологии биопринтинга [Kirillova and etc. 2020: 272]. Другая группа специалистов скептически относится к внедрению технологии в клиническую медицину. Основная причина, оправдывающая роль законодательства в биомедицине, заключается в обеспечении определенности в том, когда будут применяться новые технологии. Это означает необходимость в справедливом учете всех законных интересов, которые потенциально могут вступать в конфликт заинтересованных лиц (пациентов, врачей, следователей, судей и т. д.).

Для понимания содержания технологии трехмерного биопринтинга следует рассмотреть технологический процесс 3D-биопечати. Специалисты выделяют 3 основных этапа 3D-биопечати [Li 2018]: I этап первоначальный («пред-подготовки» (pre-processing)); II этап «производства» (processing); III этап «пост-принтинга» (post-processing).

I этап – первоначальный («пред-подготовки» (pre-processing) включает в себя *создание цифровой модели органа или ткани* (цифрового шаблона будущего трехмерного образа) в виде трехмерного изображения, которое может быть

использовано роботизированным устройством (3D-биопринтером) для последующей печати. Подобная цифровая модель называется CAD-файлом (computer aided design files – CAD-files). Создание такой цифровой модели опосредовано изучением функциональных особенностей организма человека и его органов, которые планируется ему трансплантировать. Цифровой образ органа или организма конкретного человека создается посредством использования компьютерной томографии или магнитно-резонансной томографии пациента и иных способов. Однако неудачи и ошибки, которые могут быть допущены специалистами (медицинскими работниками, инженерами, создающими цифровой образ), исправить впоследствии будет достаточно сложно в связи с тем, что от CAD-файла будет зависеть разработка самого органа, напечатанного на биопринтере, так как цифровой шаблон позволяет определить порядок нанесения биочернил, их количество и сроки нанесения [Хесуани и др. 2018: 38-45].

Полагаем, что для создания цифровой модели (цифрового шаблона будущего трехмерного образа) с использованием специального программного обеспечения необходимым является получение специального разрешения. Специальное программное обеспечение отнесено к категории медицинских изделий, на него должны распространяться соответствующие ограничения его использования и требования о регистрации. На I этапе биопечати также происходит забор человеческих клеток самого пациента (аутологические) или донора (аутогенные), которые можно получить из костного мозга, пульпы зуба или жировой ткани пациента [Горбатов 2017: 3-9]. Кроме того, ведутся исследования ксеногенных клеток (клеток животных) [Дремина и др. 2021: 166-175].

II этап – биопечать (processing) органа и (или) ткани с помощью цифровой модели (цифрового шаблона), живых клеток (отдельные клетки или «тканевые сфероиды» – плотно упакованные агрегаты клеток) и биоматериалов (к примеру, гидрогелей). В рамках данного этапа создаются анатомически точные 3D-модели с помощью программного обеспечения для компьютерной графики, которые будут загружены в биопринтер для печати. В результате биопечати получается еще не сам орган, а конструктор («конструкция») органа или ткани человека, еще не готовый к трансплантации.

III этап – после биопечати / созревание (post-processing), который включает в себя созревание плотно упакованных клеток и тканей в боксе (биореакторе) со специально созданными условиями, как в организме человека, и последующее пересаживание в тело человека биопринтного органа и (или) ткани.

Основными признаками 3D-биопечати являются: использование цифровой модели (цифрового шаблона); использование живых клеток в качестве печатного материала; послойное изготовление 3D-конструкций; изготовление тканых и органных конструкторов.

Рассматривая определения понятий «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинское вмешательство» в ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон 2011], можно констатировать то, что 3D-биопринтинг на всех трех этапах его реализации является медицинским вмешательством, медицинской услугой и медицинской помощью.

Полагаем, что трехмерная биопечать относится к высокотехнологичной медицинской помощи по ряду причин.

Во-первых, 3D-биопечать представляет собой медицинскую услугу, оказываемую посредством использования высоких технологий (новыми сложными и уникальными методами лечения), чем и характеризуются биопринтные технологии.

Во-вторых, проведение операций, в которых пациенту будет трансплантирован биопринтный орган, на первых этапах будет достаточно высокочрезвычайным. Следовательно, особое внимание должно быть уделено со стороны государства, которое может представлять гражданам указанные виды услуг с определенными квотами, включив их в том числе в перечень медицинских услуг, оказываемых по полису обязательного медицинского страхования.

В-третьих, с точки зрения содержания услуги биопринтинг едва ли может быть каким-либо еще видом и формой оказания медицинской помощи.

Для выбора наиболее оптимальной модели правового регулирования биопринтных технологий в Российской Федерации полагаем необходимым обозначить существующие модели, которые применяются к наиболее близким общественным отношениям.

Рассмотрим возможность применения Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Закон 1992] к общественным отношениям, возникающим в связи с применением 3D-биопринтинга. Статья 1 указанного правового акта распространяет свое действие на трансплантацию органов и (или) тканей от живого донора или трупа. Стоит согласиться с мнением Д.Е. Богданова о том, что законодательство о трансплантации «было принято в иной социальной ситуации и для решения этических вызовов, которые возникали в рамках классической трансплантологии и донорства органов человека» [Богданов 2019: 238-260]. Однако в процессе биопечати органов и (или) тканей человека может быть использована иная технология, не связанная с фактическим использованием органов и (или) тканей живого человека или трупа.

Стоит поддержать мнение авторов, которые полагают, что действие Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» распространяется на ограниченный круг объектов трансплантации (органов и (или) тканей человека). Перечень объектов трансплантации является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Применения каких-либо иных технологий, в том числе генетических, в отношении объектов трансплантологии закон не предусматривает. Предполагая, что в процессе использования 3D-биопринтинга могут быть внесены изменения в геном клеток, следует констатировать тот факт, что настанет ненужность трансплантации органов и тканей в том виде, как это происходит сейчас [Мохов и др. 2020: 145-152].

Согласно статье 1 вышеобозначенного закона органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность. Понимая, что в целом

биопринтинг представляет собой иную технологию (отличную от классической трансплантации), мы придерживаемся позиции, согласно которой можно допустить совершение возмездных сделок с биопринтными органами и (или) тканями согласно ст. 423 ГК РФ. Однако уже после имплантации биопринтного органа в тело человека правовой режим подобного органа должен измениться. Клеточным материалом, используемым в биопринтинге, являются аутологические или аллогенные клетки человека, липосакция жировой ткани. Положительной стороной биопечати является то, что для получения клеточного материала вред человеку, его жизни и (или) здоровью как, например, от трансплантации органа, будет весьма незначительный или будет отсутствовать вообще. При этом клетки могут быть получены путем биопсии костного мозга. В связи с этим, если для биопечати будут взяты клетки самого пациента, нуждающегося в биопринтном органе или ткани, то донорства в его классическом понимании не будет.

Далее рассмотрим возможность применения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» [Федеральный закон 2016] к формирующимся общественным отношениям. Согласно положениям нормативного правового акта регулирование отношений, связанных с созданием и имплантацией биопринтных человеческих органов, невозможно, поскольку правовой акт не охватывает отношения, связанные именно с имплантацией таких органов.

Одним из решений могла бы быть возможность применения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» к отношениям, связанным с созданием биопринтных органов и (или) тканей, а к их трансплантации – Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Иванов, Чабаненко 2017: 166-176].

Технология биопринтинга предполагает собой синтез клеток человека и иных искусственных материалов с проведением хирургических процедур по имплантации напечатанного «искусственного» органа. Закон о биомедицинских клеточных продуктах не распространяет свое действие на подобные отношения.

Проведенное исследование действующих в Российской Федерации правовых актов позволяет утверждать, что на данный момент отсутствует закон, который бы в полном объеме мог регулировать общественные отношения, возникающие в процессе 3D-биопечати.

Полагаем возможным допустить оборот биопринтных органов и (или) тканей человека путем заключения возмездных сделок. И если в настоящее время биопринтные органы используются только для исследований, то в будущем их можно будет трансплантировать людям.

Несмотря на быстрое развитие указанной технологии, возникли терминологические сложности с определением понятия «биопринтинг» и «биопринтер». В связи с отсутствием законодательного определения понятия «3D-биопринтер» в медицинской доктрине выработаны следующие попытки его дефинирования: роботизированное устройство, которое выполняет послойную биофабрикацию 3D-тканей и органов человека из живых клеток и гидрогелей в соответствии с цифровой моделью [Hesuaní and etc. 2016: 65-68]; роботизированное устройство, осуществляющее послойную биофабрикацию 3D-тканей и органов человека из живых клеток и гидрогелей по цифровой модели.

Полагаем, что в целом 3D-биопринтер характеризуется следующими признаками: представляет собой роботизированное медицинское изделие; предназначен для печати живыми клетками, содержащимися в биочернилах, биосовместимых гидрогелях; печать основана на использовании цифровой модели (цифрового шаблона).

В зависимости от цели использования биопринтеров и по своему функциональному назначению биопринтеры могут быть: *аддитивные* (печатают человеческие органы (кожу, хрящевую ткань, сосуды, уретру); *магнитные* (печатают лекарства, бактерии); биопринтеры, предназначенные для *проведения операций «на месте»* для лечения людей, получивших ожоги. Некоторые исследователи считают, что можно сделать так называемую *in situ* или *in vivo* биопечать. Это значит, что печать производится непосредственно в операционной комнате, а не в лабораторных условиях.

Стоит уточнить, что отечественное законодательство не содержит норм, регламентирующих понятие и принципы применения биопринтеров. На данный момент остается неясным, будет ли биопринтер относиться к медицинским изделиям или нет.

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли правовой режим, включая понятийно-категориальный аппарат медицинских изделий, распространить и на биопринтеры. Для этих целей следует детальным образом исследовать правовой режим самих медицинских изделий и требований, предъявляемых к ним. Так, в соответствии со статьей 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к *медицинским изделиям* относятся «любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой ... и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения...». Указанное законодательное определение понятия «медицинское изделие» является довольно абстрактным в связи с тем, что представляет в числе прочего и широкий пласт «прочих изделий», функционально разных по своему назначению. К медицинским изделиям с точки зрения действующего законодательства относятся как различные иглы, скальпели, так и «вспомогательные» изделия (лежаки, бахилы).

Следовательно, биопринтер представляет собой роботизированное устройство, и его с точки зрения организационной формы можно отнести к оборудованию как к разновидности медицинского изделия. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил

государственной регистрации медицинских изделий» [Постановление 2012] к медицинским изделиям предъявляются требования эффективности и безопасности, недопустимости причинения вреда здоровью и жизни пациента.

Представленная точка зрения подтверждается следующим примером. Роботизированный эндоскопический хирургический комплекс Da Vinci был зарегистрирован 20 марта 2017 г. в качестве медицинского изделия. Поэтому можно утверждать, что законодательное определение понятия «медицинские изделия» является более емким и должно включать в себя понятие «медицинский робот».

Однако, исходя из положений приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации, при классификации медицинских изделий учитываются различные критерии, к которым относятся: функциональное назначение, условия применения, длительность применения, инвазивность, наличие контакта с телом, способ введения и т. д. Тот факт, что изделие является высокотехнологичным, в целом учитывается в рамках оценки функционального назначения и условий применения изделия. Но на данный момент отдельного критерия, напрямую учитывающего принадлежность изделия к сфере робототехники, нет. В то же время, с учетом развития, в том числе, и интеллектуальных систем роботов, возможность принятия ими решений может влиять на классификацию медицинского изделия.

Понимая, что к медицинским изделиям относится достаточно большой пласт изделий, полагаем, что следует в правовом акте выделить один из видов изделий – медицинский робот или робот, используемый в медицинских целях, в связи с тем, что его функциональное значение достаточно большое (от робота, используемого в хирургических целях, робота-протеза до робота-ассистента).

Необходимость конкретизации и уточнения определения понятия «медицинские изделия» применительно к включению в него понятия «медицинский робот» косвенно подтверждается некоторыми нормативными правовыми актами, принятыми в последние годы. Так, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р [Распоряжение 2020], значительное внимание уделяется такому направлению совершенствования, как регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники в сфере охраны здоровья граждан. В указанном документе также повышенное внимание уделяется решению проблемы неопределенности в вопросах отнесения робототехники к медицинским изделиям, подлежащим государственной регистрации, а также определяется направление работы в рамках создания многоаспектной правовой платформы в области робототехники [Бегишев 2020].

Однако согласно вышеобозначенной статье критерием, относящим изделие к медицинскому, также является его функциональное предназначение: диагностика, лечение, профилактика, медицинская реабилитация, мониторинг состояния организма человека, проведение медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека.

В связи с этим стоит задуматься о том, сможет ли 3D-биопринтер осуществить хотя бы одну из вышеперечисленных функций. Несомненно, если использование биопринтного органа или ткани человека является одним из средств поддержания или сохранения его жизни, то его использование будет оправдано и соответствует одной из функций медицинского изделия – это лечения. Однако стоит предполагать, что 3D-биопринтинг может стать привлекательной технологией и для пластических хирургов, косметологов, специалистов по эстетической медицине, которые будут использовать биопечатные органы или ткани для того, чтобы человек стал более красивым, молодым, спортивным (с субъективной точки зрения). Применительно к этой составляющей можно говорить о том, что 3D-биопринтер способствует выполнению задач по замещению и изменению анатомической структуры или физиологических функций организма.

Важным вопросом, требующим самостоятельного исследования, является проблема определения оборотоспособности 3D-биопринтеров в гражданском праве. Пункт 2 ст. 129 ГК РФ допускает ограничение в оборотоспособности некоторых объектов гражданских прав либо совершение сделок по специальному разрешению. Полагаем, что стоит установить некоторые законодательные ограничения на оборот биопринтеров, разрешая их продажу только покупателям, являющимся специальными субъектами – медицинскими и иными организациями, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность на основании лицензии. На данный момент покупателями биопринтеров выступают академические организации и университеты.

Для производителей (изготовителей) медицинских биопринтеров стоит установить необходимость регистрации медицинского изделия – биопринтера в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор).

В свою очередь, производители биопринтеров должны получить регистрационное удостоверение на медицинское изделие – 3D-биопринтер, в котором будет отражен класс потенциального риска применения медицинского изделия и иные установленные законом сведения.

Одним из проблемных вопросов, требующих обсуждения, является необходимость получения лицензии для оказания биопринтных услуг. По правилу, установленному соответствующим постановлением Правительства Российской Федерации [Постановление 2021], медицинскую деятельность составляют работы или услуги в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях. Поскольку результатом 3D (трехмерной) биопечати является пересадка биопринтного органа человеку, полагаем необходимым распространить действие указанного постановления Правительства Российской Федерации на организации, которые будут заниматься изготовлением биопринтных

органов и тканей с целью последующей трансплантации человеку.

Сказанное приводит нас к следующим выводам. *Во-первых*, 3D (трехмерная) биопечать – это междисциплинарная технология, сочетающая в себе медицину, цифровые технологии, экономику, робототехнику. 3D-биопринтинг в целом направлен на достижение «прорывной» задачи, стоящей перед всем человечеством, и связан с возможностью замены отсутствующих органов на те, которые созданы с помощью 3D-биопринтера.

Во-вторых, 3D-биопечать – это современная медико-цифровая технология, представляющая собой метод печати тканевых конструкторов (кожа, кровеносные сосуды, органы) путем послойного нанесения биологического материала (клеток, биологических молекул и биоматериалов (к примеру, гидрогелей) для создания трехмерных (3D) твердых биомедицинских структур согласно заданным характеристикам (цифрового файла (цифрового шаблона).

В-третьих, появилось значительное количество компаний, которые разрабатывают 3D-биопринтеры, что свидетельствует о том, что технология перешла в индустрию. Биопринтинг уже активно используется в фармацевтической и фармакологической деятельности.

В-четвертых, 3D (трехмерную) биопечать следует относить к высокотехнологичной медицинской помощи, в том числе и в связи с тем, что она будет представлять собой достаточно затратный вид оказания медицинской помощи (медицинской услуги).

Литература

- Atala A., Bauer S.B., Soker S., Yoo J.J., Retik A.B.* Tissue-engineered autologous bladders for patients needing cystoplasty / *Lancet*. – 2006. – P. 1241.
- Bajaj P., Schweller R.M., Khademhosseini A., West J.L., Bashir R.* 3D biofabrication strategies for tissue engineering and regenerative medicine / *Annual review of biomedical engineering*. – 2014. – 16. Pp. 247–276. <https://doi.org/10.1146/annurev-bioeng-071813-105155>.
- Heauani Y., Pereira F., Parfenov V., Koudan E., Mitryashkin A., Replyanski N., Kasjanovs V., Knyazeva A., Bulanova E., Mironov V.* Design and Implementation of Novel Multifunctional 3D Bioprinter / *3D Printing and Additive Manufacturing*. – 2016. – Vol.3. – № 1. – Pp. 65-68. doi:10.1089/3dp.2015.004.
- Kirillova A., Bushev S., Abubakirov A.* Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting / *Int J Bioprint*. – 2020. – 6(3). – P. 272. doi: 10.18063/ijb.v6i3.272.
- Li P.* 3D bioprinting: Regulation, innovation, and patents. 2018, *3D Bioprinting for Reconstructive Surgery - Chapter* <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-101103-4.00020-x>.
- Mason J., Visintini S., Quay T.* An Overview of Clinical Applications of 3-D Printing and Bioprinting. / *CADTH Issues in Emerging Health Technologies*. Ottawa (ON): Canadian Agency for Drugs and Technologies in Health. – 2016. – 175. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK542711/>
- Mustafa S.F., Evans P.L., Sugar A.W., Key S.J.* Streamlining the manufacture of custom titanium orbital plates with a stereolithographic threedimensional printed model / *Br J Oral Maxillofac Surg*. – 2017. – 55: 546–7. doi: 10.1016/j.bjoms.2016.03.003.
- Pashkov V., Harkusha A.* 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives / *Wiadomości Lekarskie*. – 2017. – T. LXX. – № 3. – cz I. – Pp. 480-482.
- Schubert C., van Langeveld M.C., Donoso L.A.* Innovations in 3D printing: a 3D overview from optics to organs / *Br J Ophthalmol*. – 2014. – 98(2): 159-161. doi: 10.1136/bjophthalmol-2013-304446.
- Wallace G.G., Cornock R., O'Connell C., Beirne S., Dodds S., Gilber, F.* 3D bioprinting: printing parts for bodies. Wollongong, Australia: ARC Centre of Excellence for Electromaterials Science. – 2014. – P. 45.
- Бегишев И.П.* Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений / *Baikal Research Journal*. – 2020. – Т. 11. – № 4. doi: 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15
- Беликова К.М.* Биопринтинг и выращивание натуральных тканей и органов в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Китая и ЮАР): подходы законодательства об интеллектуальной собственности / *Право и политика*. – № 5. – 2020. – С. 35-57.
- Богданов Д.Е.* Технология 3D-печати как триггер четвертой промышленной революции: новые вызовы перед правовой системой / *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – N. 44. – 2019. – С. 238-260.
- Горбатов Р.О., Романов А.Д.* Создание органов и тканей с помощью биопечати / *Вестник Волгоградского государственного медицинского университета*. – N. 3 (63). – 2017. – С. 3-9.
- Дремина Н.Н., Трухан И.С., Шурыгина И.А.* Клеточные технологии в регенерации сухожилий: от клетки до тканевой инженерии / *Acta Biomedica Scientifica*. – Vol. 6. – N. 2. – 2021. – С. 166-175.
- Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» / *Российская газета*, 9 января 1993 г.
- Иванов Д.В., Чабаненко А.В.* Закон о клеточных продуктах: прорыв или поражение? / *Вестник новых передовых технологий*. – Vol. 24. – 2017. – С. 166-176.
- Мохов А.А., Яворский А.Н., Поздеев А.Р.* Особенности правового регулирования геномных исследований: неблагоприятные исходы, проблемы безопасности и перспективы / *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. – Vol. 30. – № 1. – 2020. – С. 145-152.

- Павлов С.О. обзор работ в области изготовления биологических принтеров / Вестник магистратуры. – N. 4-3 (79). – 2018. – С. 35-36.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – N 23. – Ст. 4091.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 14.
- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» / СПС «Гарант» (текст официально опубликован не был).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1913-р «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 г.» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 30. – Ст. 5815.
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
- Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3849.
- Хесуани Ю.Дж., Сергеева Н.С., Миронов В.А., Мустафин А.Г., Каприн А.Д. Введение в 3D-биопринтинг: история формирования направления, принципы и этапы биопечати / Гены и клетки. – Vol. 13. – N. 3. – 2018. – С. 38-45.

References

- Atala, A., Bauer, S.B., Soker, S., Yoo, J.J., Retik, A.B. (2006). Tissue-engineered autologous bladders for patients needing cystoplasty. *Lancet*, 1241.
- Bajaj, P., Schweller, R.M., Khademhosseini, A., West, J.L., & Bashir, R. (2014). 3D-biofabrication strategies for tissue engineering and regenerative medicine. *Annual review of biomedical engineering*, 16, 247–276. <https://doi.org/10.1146/annurev-bioeng-071813-105155>.
- Begishev, I.R. (2020). Concept of Development to Regulate Relations in the Field of Artificial Intelligence Technologies and Robotics: Analysis of the Main Provisions. *Baikal Research Journal*, vol. 11, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15. (in Russian).
- Belikova, K.M. (2020). Bioprinting and culture of tissues and organs in the BRICS countries (on the example of Brazil, India, China, and South Africa): approaches of legislation on intellectual property. *Law and Politic*, № 5, 35-57. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.5.32826 (in Russian).
- Bogdanov, D.E. (2019). Tekhnologiya 3D-pechati kak trigger chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: novye vyzovy pered pravovoy sistemoy [3D Printing Technology as a Trigger for the Fourth Industrial Revolution: New Challenges to the Legal System]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, Issue 2, 238–260. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-238-260.58 (in Russian)/
- Decree of the Government of the Russian Federation No. 1913-r dated July 14, 2021 "On approval of the Strategy for the development of additive technologies in the Russian Federation for the period up to 2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2021. №. 30. St. 5815 (in Russian).
- Dremina, N.N., Trukhan, I.S., Shurygina, I.A. (2021). Cellular technologies in tendon regeneration: from cells to tissue engineering. *Acta Biomedica Scientifica*, 6, 2, 166-175 (in Russian).
- Federal Law №. 180-FZ of June 23, 2016 "On Biomedical cell products". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 26 (part I). Article 3849 (in Russian).
- Federal Law №. 323-FZ of November 21, 2011 "On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. St. 6724 (in Russian).
- Gorbatov, R.O., Romanov, A.D. (2017). Creation of organs and tissues using bioprinting. *Bulletin of the Volgograd State Medical University*, 3 (63), 3-9 (in Russian).
- Heauani, Y., Pereira, F., Parfenov, V., Koudan, E., Mitryashkin, A., Replyanski, N., Kasjanovs, V., Knyazeva, A., Bulanova, E., Mironov, V. (2016). Design and Implementation of Novel Multifunctional 3D Bioprinter. *3D Printing and Additive Manufacturing*, Vol. 3, № 1, 65-68. doi:10.1089/3dp.2015.004.
- Hesuani, Yu.J., Sergeeva, N.S., Mironov, V.A., Mustafin, A.G., Kaprin, A.D. (2018). Introduction to 3D bioprinting: the history of the formation of the direction, principles and stages of bioprinting. *Genes and cells*, 13, 3, 38-45 (in Russian).
- Ivanov, D.V., Chabanenko, A.V. (2017). The law on cellular products: breakthrough or defeat? *Bulletin of new advanced technologies*, 24, 166-176 (in Russian).
- Kirillova, A., Bushev, S., Abubakirov, A. (2020). Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting. *Int J Bioprint*, 6(3), 272. doi: 10.18063/ijb.v6i3.272.
- Law of the Russian Federation No. 4180-1 of December 22, 1992 "On transplantation of human organs and (or) tissues". *Rossiyskaya Gazeta*, January 9, 1993 (in Russian).

- Li, P. 3D bioprinting: Regulation, innovation, and patents. (2018). 3D Bioprinting for Reconstructive Surgery - Chapter <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-101103-4.00020-x>.
- Mason, J., Visintini, S., Quay, T. An Overview of Clinical Applications of 3-D Printing and Bioprinting. (2016). CADTH Issues in Emerging Health Technologies. Ottawa (ON): Canadian Agency for Drugs and Technologies in Health, 175. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK542711/>.
- Mokhov, A.A., Yavorsky, A.N., Pozdeev, A.R. (2020). Features of legal regulation of genomic research: adverse outcomes, safety problems and prospects. Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law", 30, 1, 145-152 (in Russian).
- Mustafa, S.F., Evans, P.L., Sugar, A.W., Key, S.J. (2017). Streamlining the manufacture of custom titanium orbital plates with a stereolithographic threedimensional printed model. Br J Oral Maxillofac Surg, 55: 546-7. doi: 10.1016/j.bjoms.2016.03.003.
- Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 186 dated April 24, 2018 "On approval of the Concept of predictive, preventive and personalized medicine". SPS "Garant" (the text was not officially published) (in Russian).
- Pashkov V., Harkusha, A. 3-D Bioprinting Law Regulation Perspectives. (2017). Wiadomości Lekarskie, LXX, № 3, cz I, 480-482.
- Pavlov, S.O. (2018). Review of works in the field of manufacturing biological printers. Bulletin of Magistracy, 4-3 (79), 35-36 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1416 of December 27, 2012 "On Approval of the Rules for State Registration of Medical Devices. Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. №. 1. Article 14 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation № 852 of June 1, 2021 "On licensing of medical activities (with the exception of the Specified activities carried out by medical organizations and Other Organizations Included in the Private Healthcare System on the Territory of the Skolkovo Innovation Center) and Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. N 23. St. 4091 (in Russian).
- Schubert, C., van Langeveld, M.C., Donoso, L.A. (2014). Innovations in 3D printing: a 3D overview from optics to organs. Br J Ophthalmol, 98(2):159-161. doi: 10.1136/bjophthalmol-2013-304446.
- Wallace, G.G., Cornock, R., O'Connell, C., Beirne, S., Dodds, S., Gilbert, F. (2014). 3D bioprinting: printing parts for bodies. Wollongong, Australia: ARC Centre of Excellence for Electromaterials Science, 45.

Citation:

Шутова А.А. Юрико-терминологический анализ понятия «3D-биопринтинг» // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 40-47.
Shutova A.A. (2022). Legal and terminological analysis of the concept of «3D-bioprinting». Legal Linguistics, 26, 40-47.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения¹

А.А. Васильев¹, В.В. Архипов², Н.Ю. Андреев³, Ю.В. Печатнова⁴

^{1,4}Алтайский государственный университет

пр-кт Социалистический, 68, Барнаул, Россия, 656049. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru,

⁴jp_0707@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет

22-я Линия Васильевского острова, 7, Санкт-Петербург, Россия, 199106. E-mail: v.arhipov@spbu.ru

³Воронежский государственный университет

пл. Университетская, 1, Воронеж, Россия, 394018

В статье исследуются вопросы соотношения сущностных характеристик виртуального мира и социальной реальности; анализируются концепции множественности миров с точки зрения социологии, психологии и юридической правоприменительной практики; изучаются основные подходы к пониманию виртуальной реальности. В заключение авторы предлагают рассматривать онтологический статус виртуального мира как часть человеческого бытия, выделяя сущностные признаки виртуальной реальности. Авторы приходят к выводу о том, что концепция тесной связи всех миров позволяет наблюдать перенос социально и юридически значимых феноменов из реального мира в мир компьютерных мир и в обратном порядке.

Ключевые слова: виртуальный мир, виртуальная реальность, множественные миры, медиафилософия, компьютерные игры.

Virtual World and Social Reality: Correlation Aspects

¹A. A. Vasiliev, ²V.V. Arkhipov, ³N.Yu. Andreev, ⁴Yu.V. Pechatnova

Altai State University

^{1,4} 68 Sotsialisticheskij St, Barnaul, Russia, 656049. E-mail: ¹anton_vasiliev@mail.ru, ⁴jp_0707@mail.ru

²St Petersburg State University

7, 22nd Line of Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia, 199106. E-mail: v.arhipov@spbu.ru

³Voronezh State University

1 Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018

The article examines the issues of correlation between the essential characteristics of the virtual world and social reality; the concepts of the plurality of worlds are analyzed from the point of view of sociology, psychology and legal law enforcement practice; the main approaches to understanding virtual reality are studied. At the end of the article the authors propose to consider the ontological status of the virtual world as part of human existence, highlighting the essential features of virtual reality. The authors come to the conclusion that the concept of a close connection of all worlds makes it possible to observe the transfer of socially and legally significant phenomena from the real world to the computer world and vice versa.

Key words: virtual world, virtual reality, multiple worlds, media philosophy, computer games.

Онтологический статус виртуальной реальности предопределяет вопрос о том, насколько виртуальный мир (в значении информационных технологий) по своим сущностным характеристикам близок к реальному миру, не является ли он цифровым аналогом настоящего мира со всеми его элементами [Boyd, Kane, Руне 2019]? С данным

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Индустрия компьютерных игр: в поисках правовой модели» № 22-28-00433, <https://rscf.ru/project/22-28-00433/>

вопросом связан и вопрос о том, следует ли проводить различие между виртуальным и реальным миром, либо сама постановка такого вопроса ошибочна?

Философское понимание бытия различных миров нашло развитие в ряде психологических и социологических концепций «множественности миров» [Гуревич 2001: 88], каждый из которых признается реально существующим [Витгенштейн 1994]. Интересно, что В.С. Вахштайн видит первоисточники концепции множественности миров в английской прецедентной практике – «правилах Макнотена».

Уголовное дело Д. Макнотена рассматривалось в 1843 г. и стало примечательным прецедентом. Д. Макнотен, как установила экспертиза, вследствие психического расстройства считал, что его преследует партия тори. Для самозащиты он выстрелил в секретаря премьер-министра Великобритании Э. Драммонда, хотя хотел нанести упреждающий выстрел в самого премьера Р. Пиля. Потерпевший через несколько дней скончался, а Д. Макнотен предстал перед судом за убийство. Суд посчитал, что подсудимый был безумен, страдал манией преследования, и направил его на лечение. Тем не менее, дело стало толчком к тому, что палата лордов поставила перед специально созданной комиссией судей ряд вопросов относительно критериев, по которым подсудимый может быть признан ответственным за свои действия, даже если он страдает психическими заболеваниями.

Суд, отвечая на данный вопрос, отметил: «при том же допущении, какое мы сделали раньше, а именно, что спорное лицо обладает лишь частичным, выборочным искажением восприятия, а в других отношениях здраво, мы полагаем, о его ответственности следует судить, как если бы факты, в отношении которых наблюдается болезненное заблуждение, существовали реально» [Вахштайн URL].

В случае с Д. Макнотеном суд, скорее всего, освободил бы его от ответственности, поскольку в своем фантазийном мире он защищал себя (хотя ряд юристов до сих пор считает, что реальная угроза его жизни в вымышленном мире отсутствовала, и его не должны были освобождать от ответственности).

Таким образом, в английской судебной практике сформировалась позиция о возможности существования иных миров, а не только тех, которые мы считаем единственно существующими и реальными, хотя и в специфическом смысле.

В этой связи, исходя из примера, который известен из английского права (но по своей природе может использоваться для прояснения универсальных проблем права), можно считать вымышленный, ошибочный мир психически больного человека существующим в особом смысле слова. Так, мир безумца суды оценили как структурно подобный реальному миру и дали ему правовую оценку. И правовая, и социальная оценка поступков людей в нашем мире должна интерпретироваться исходя из предположения о том, что мир безумца является реальным [Raessens 2006: 52–57].

Данный судебный казус впоследствии привел к появлению психологической концепции У. Джеймса о существовании относительно автономных и множественных миров. Психолог отметил ряд свойств таких миров: их полноценное существование, человек уверен в их существовании; внутренне такие миры непротиворечивы в сознании человека. У. Джеймс выделил существование семи миров:

- мир ощущений;
- мир науки;
- мир идеальных связей или абстрактных истин, принятых на веру или математически, логически, этически, эстетически обоснованных утверждений;
- мир «идолов племени», иллюзий или предрассудков;
- сверхъестественные миры (религиозные, мифические миры);
- миры индивидуальных мнений;
- миры чистого безумия и помешательства.

Концепция У. Джеймса породила ряд вопросов для философии, психологии и социологии: насколько миры автономны, есть ли между ними иерархия, существуют ли «двери» или «окна» в герметичных рамках миров [Voiskounsky 2015: 5–12] (джеймсовская проблема).

На основе феноменологии Э. Гуссерля социолог А. Шютц перенес концепцию множественности миров в поле социологии. А. Шютц резервирует для мира повседневности особое, привилегированное место. Для него мир здравого смысла – особая верховная реальность. Далее следуют по степени убывания иные реальности: воображаемые миры искусства, фантазий, игры, научной теории, религиозного переживания и сновидений. Во всех этих мирах есть свой когнитивный стиль самосознания, осознания отношений с другими, переживания времени. Но все они близки в «напряжении внимания к жизни»: максимально напряжение в мире повседневности и минимально в мире сновидений [Шютц 2003].

В трактовке А. Шютца важны два постулата: 1) закрытость, герметичность всех миров, отсутствие переходов между ними; 2) неравноценность миров – все миры воспроизводят реальный мир повседневности.

Соответственно, «джеймсовская проблема» соотношения миров решается А. Шютцом однозначно отрицательно: между мирами нет переходов, они суверенны и самостоятельны. Следовательно, по делу Макнотена нельзя судить человека за его поступки в безумном и вымышленном мире как за настоящие поступки. И игра есть только игра, в ней не может быть ничего реального. В какой-то мере по такому пути понимания компьютерных игр идут современные операторы игровых платформ (идея господства правил игры) и правовые системы миры. В то же время результаты исследований У. Джеймса и А. Шютца позволяют однозначно утверждать, что существует не только окружающий нас мир, но и множество иных идеальных миров.

Более поздние философия и социология на основе эмпирической реальности отвергли герметическую трактовку множественных миров Джеймса-Шютца, поскольку миры оказались подвижны и активно оказывают влияние друг на друга. И. Гофман первым доказал, что различные миры не являются замкнутыми и мир нашей повседневной жизни не имеет какого-либо привилегированного положения. Социолог доказал, что возможен перевод (транспонирование) «существующего» в «воображаемое», структур мира и их восприятия из одной реальности в другую реальность (теория фреймов).

Таким транспонированием выступает оборот виртуальной валюты – биткоинов, а также конвертируемость линден-долларов из игры *Second life* в реальном мире на наличные деньги. Интересно суждение И. Гофмана о том, что наибольшим потенциалом транспонирования (переключения) обладает та деятельность, которая сама была результатом транспонирования (спортивным состязанием может стать бег или бокс, более вероятно моделирование гонок или видеofilмов в компьютерных играх).

Любопытно то, что И. Гофман заметил наряду с переключением из одного мира в другой существование фабрикаций – намеренного формирования ложных, иллюзорных представлений о происходящем (розыгрыши, учебный обман, проверки, сны, опьянение, душевные болезни и пр.). Нередко миры оказываются многослойными и содержат в себе транспонирование и фабрикацию. К таким случаям относятся компьютерные игры. И. Гофман приходит к убеждению, что все эти реальности существуют и между копией и оригиналом нет большой разницы, важное значение имеют отношения между мирами – формами опыта [Гофман 2003].

Значимый переворот в осмыслении виртуальной реальности был обусловлен стремительным развитием и популяризацией компьютерных игр как вида виртуальных миров [Архипов 2013: 93–114]. В связи с этим в философии сложилось два основных подхода к пониманию виртуального мира.

С точки зрения узкого подхода виртуальный мир понимается как реальность, которая создана с помощью различных технических средств. Такой виртуальной реальностью выступает пространство интернета, компьютерные игры и т. п.

В широком смысле виртуальным миром считается тот мир, который конструируется воображением человека: сновидения, произведения литературы, музыки, миф, театр и т. п.

Отдельно следует отметить, что методологический потенциал игровых исследований в юриспруденции выражается еще и в том, что анализ соответствующей проблемной области (например, связанной с «виртуальной собственностью» или в целом с определением того, когда действия в виртуальном мире обладают юридической значимостью) позволяет выйти на более высокий уровень теоретических обобщений. Так, проблема отношения права к действиям, которые осуществляются в игровой цифровой среде, может быть осмыслена как разновидность проблемы отношения права ко всей области вымысла (все, что является плодом художественного творчества или воображения как такового). В свою очередь, в еще более широком смысле суть проблемы выражается в определении того, когда то или иное явление имеет социальную и юридическую значимость – в том числе, если данное явление существует для субъекта в какой-либо разновидности виртуального мира или вымышленной реальности.

В целом можно представить концепцию, согласно которой благодаря свойствам человеческого сознания возникает своего рода удвоение мира: физический мир вещей и виртуальный мир идей. Последний, в свою очередь, имеет многие разновидности и может объясняться посредством той же теории фреймов.

Принципиально то, что в современной философии в целом не оспаривается онтологический статус виртуального мира – это часть нашего бытия, существующая в иной, нефизической реальности, но с которой человек взаимодействует и сознает для себя ее существование.

Более того, в рамках дискуссии реализма и антиреализма в философии в условиях новой информационной эпохи появились концепции, которые признают виртуальный мир и симуляцию в качестве едва ли не единственной реальности (в духе «Матрицы» режиссеров Вачовски).

Так, Н. Бостром единственной настоящей реальностью как раз и считает мир симуляции. Как отмечает Х. Патнем и другие философы, нет никакой явной уверенности, что мы не находимся в симуляции. Более сдержанной позиции «виртуального реализма» придерживается известный философ Д. Чалмерс, который допускает существование виртуального мира наряду с обычной реальностью. При этом мыслитель допускает, что реально существуют как виртуальный мир, так и опыт пользователя [Keane 2017].

Итак, видится, что виртуальная реальность характеризуется следующими чертами:

1) виртуальная реальность порождается человеческим сознанием во взаимодействии с физической реальностью как с помощью, так и без помощи технических и (или) компьютерных средств;

2) виртуальная реальность относительно автономна, поскольку существует по собственным законам пространства и времени;

3) актуальность виртуальной реальности, поскольку она имеет значение и существует тогда, когда существует та реальность, которая ее порождает: сознание и технические средства симуляции виртуального мира;

4) объективность виртуальной реальности, поскольку в ней складываются интеракции людей и она оказывает воздействие на мир физических вещей.

При этом для виртуальных миров в цифровом измерении характерны следующие особенности:

- виртуальная реальность создается и поддерживается с помощью современных цифровых технологий;

- цифровая виртуальная реальность стремится полностью имитировать реальный мир (на данный момент это

стремление охватывает уже симуляцию запахов, вкусов, влияние на осязание человека и пр.);

- предоставление пользователю широкого круга возможностей и ролей, свобода для альтернативного выбора ролевых функций, которые недоступны или не всегда доступны в реальном социальном мире;

- возможность анонимности в виртуальном мире, сокрытие своего подлинного «Я» под личиной цифрового лица – аватара;

- эффекты иммерсивности и аддикции, вызывающие устойчивое привыкание к виртуальной среде и подмену цифровым миром реальности (или, если придерживаться концепции об отсутствии принципиального различия между цифровым миром и «реальностью», поскольку цифровой мир – это часть реальности, – стремление постоянно дополнять свой жизненный опыт виртуальным взаимодействием).

Таким образом, современные философские концепции сознания и социологические теории множественности миров позволяют сделать ряд обобщений [Шевцов 2016]:

- 1) онтологический статус признается в отношении не только реального мира, но и других миров, в которых существует сознание человека, включая виртуальный мир игрового пространства;
- 2) множество миров тесно связаны с миром повседневности, используют его схему и восприятие;
- 3) между мирами не существует твердых границ и возможен перенос опыта, действий, идей из одного мира в другой [Буглак, Латыпова, Ленкевич, Очеретяный, Скоморох 2017: 242–253].

Данные обобщения существенным образом влияют на юридическое прочтение виртуального мира. Прежде всего, идея замкнутости и автономности мира компьютерных игр не имеет достаточных оснований. Концепция тесной связи всех миров позволяет наблюдать перенос социально и юридически значимых феноменов из реального мира в мир компьютерных игр и в обратном порядке (оскорбление или призывы к массовым беспорядкам в игровых чатах, оборот виртуальной валюты и виртуальной собственности) [Bogost, Ferrari, Schweizer 2012]. В определенном смысле речь часто может идти даже не только о «переносе», но о том, что социально и юридически значимые феномены попросту существуют в цифровой форме, оставаясь частью того, что в обыденном языке именуется «реальным миром».

Не менее важное следствие концепции множественных и негерметичных миров заключается в оспоримости идеи господства (исключительности) правил компьютерной игры как средства саморегуляции поведения игроков. Поскольку мир компьютерных игр реконструирует социальный мир, использует его смысловые конструкты (фреймы), то он в себе должен нести аналоги такого мира. К такого рода аналогам относится перенос социальных норм в мир компьютерной игры или просто реализация таких социальных норм в виртуальном мире, который воспринимается лишь как один из способов коммуникации.

Во-первых, для полноценности самой игры с точки зрения его сходства с реальностью вполне естественно считать, что и право может быть перенесено в этот мир или рассматриваться как распространяющееся на отношения в данном мире тоже, поскольку речь идет о том же самом взаимодействии между субъектами, как и в обычном случае, просто опосредованным специфическим видом медиа. Если же придерживаться концепции переноса, то такой перенос может быть в двух контекстах: в чисто игровом формате (игры с юридическим сюжетом) и серьезном формате, когда речь идет о применении права как средства регулирования околоигровых и внутриигровых отношений.

Во-вторых, отсутствие жестких границ между мирами позволяет утверждать, что право вполне уместно для регулирования тех отношений в компьютерных играх, где это необходимо – иными словами, сам по себе статус виртуального мира как мира вымышленного, воображаемого (в той части, в которой речь идет о «материи» этого мира, но не о действиях субъекта, взаимодействиями между субъектами и субъективной стороне деяния такого субъекта или субъектов), еще не является препятствием для того, чтобы «реальное» право применялось к отношениям, опосредованным таким миром. Рассматриваемый подход позволяет переосмыслить своего рода «игровой иммунитет», заложенный в отдельных правовых нормах, таких как, например, ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, и не считать его абсолютным (речь, разумеется, идет не об азартных играх, в отношении которых действует иная логика, связанная с правовой политикой, ориентированной на защиту нравственности, а о тех случаях, когда указанное правило применяется для «защиты» игровых миров от «вторжения» реального права). Соответственно, данный взгляд позволяет критически оценить общую концепцию, предполагающую монополию игровых операторов на регулирование игровой практики, и создать предпосылки для имплементации необходимого баланса интересов операторов, игроков и публичной власти.

Литература

- Bogost I., Ferrari S., Schweizer B.* Gry informacyjne: dziennikarstwo epoki cyfrowej. Kraków, 2012.
- Keane D.* Philosopher David Chalmers on consciousness, the hard problem and the nature of reality / ABC News (Australia). – 2017.
- Raessens J.* Playful Identities, or the Ludification of Culture / Games and Culture. – 2006. – Vol. 1 (1). – Pp. 52–57.
- Boyd S.G., Pyne B., Kane S.F.* Video Game Law: Everything you need to know about Legal and Business Issues in the Game Industry, 2019.
- Voiskounsky A.E.* On the Psychology of Computer Gaming / Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – Т. 12. № 1. – С. 5–12.

- Архипов В.В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / Правоведение. – 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.
- Буглак С.С., Латыпова А.Р., Ленкевич А.С., Очеретяный К.А., Скоморох М.М. Образ Другого в компьютерных играх / Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2017. – Т. 33. Вып. 2. – С. 242–253.
- Вахштайн В. Восприятие реальности: «правила Макнотена» и «Вторая жизнь». URL: https://polit.ru/article/2013/01/28/ps_vakh_detective/ (дата обращения: 19.08.2022)
- Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М., 2003.
- Гуревич П.С. Философия человека. Ч. 2. М., 2001.
- Шевцов К.П. Компьютерные игры как предмет философского анализа / Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 17. Вып. 1.
- Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, М., 2003.

References

- Arkhipov, V. V. (2013). Virtual law: the main problems of the new direction of legal research. *Jurisprudence*, 2 (307), 93–114 (in Russian).
- Bogost, I., Ferrari, S. & Schweizer, B. (2012). *Gry informacyjne: dziennikarstwo epoki cyfrowej*. Kraków (in Polish).
- Boyd, S.G., Pyne, B., Kane, S.F. (2019). *Video Game Law: Everything you need to know about Legal and Business Issues in the Game Industry* (in English).
- Buglak, S.S., Latypova, A.R., Lenkevich, A.S., Ocheretyany, K.A., Skomorokh, M.M. (2017). Image of the Other in computer games. *Vestnik of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology*, 33(2), 242–253 (in Russian).
- Gurevich, P.S. (2001). *Philosophy of man. Part 2*. Moscow (in Russian).
- Hoffman, I. (2003). *Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience*. Moscow (in Russian).
- Keane, D. (2017). Philosopher David Chalmers on consciousness, the hard problem and the nature of reality. *ABC News (Australia)* (in English).
- Raessens, J. (2006). Playful Identities, or the Ludification of Culture. *Games and Culture*, 11, 52–57 (in English).
- Schutz, A. (2003). *The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*. Moscow (in Russian).
- Shevtsov, K.P. (2016). Computer games as a subject of philosophical analysis. *Vestnik of St. Petersburg State University*, 17(1) (in Russian).
- Vakhshstein, V. Perception of reality: “McNaughten's rules” and “Second Life”. Available from: https://polit.ru/article/2013/01/28/ps_vakh_detective/
- Voiskounsky, A.E. (2015). On the Psychology of Computer Gaming. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(1), 5–12 (in English).
- Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works. Part 1*. Moscow (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 48–52.

Vasiliev A. A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. (2022). On the Language of the Special Part of Modern Criminal Law. *Legal Linguistics*, 26, 48–52.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Двойная ответственность как межотраслевая проблема: некоторые вопросы применения на практике

Э.В. Губернаторова¹, Е.И. Тимофеев², А.П. Пинчук³

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹gubernatorova@email.asu.ru,
²evgen_timofeev_97@mail.ru, ³gos.2207@mail.ru*

В работе освещена проблема привлечения лиц за одно и то же деяние к двойной публично-правовой ответственности. Авторы поднимают проблему недостаточной регламентации двойной ответственности в российском праве, в частности, действующее законодательство содержит запрет на привлечение дважды либо только к уголовной ответственности, либо только к административной. При этом правовая конструкция двойной ответственности *non bis in idem* подразумевает недопустимость привлечения дважды за одно к любому виду публичной юридической ответственности.

Авторы проанализировали случаи привлечения лиц к двойной (административной и уголовной) ответственности и выработали пути решения проблем, возникающих в судебно-следственной практике по данному вопросу. В исследовании сделан вывод, что при наличии факта двойного привлечения к ответственности необходимо руководствоваться рядом критериев. В отдельных случаях, приведенных в работе, предпочтение должно отдаваться темпоральному критерию, что предполагает применение первого вмененного вида ответственности, и отмену второго даже вопреки верной квалификации. Также авторами отдельно рассмотрен вопрос введения в административном праве института реабилитации и зачета наказаний в рамках различных видов публично-правовой ответственности, которые могли бы сгладить углы в случае неверного первичного привлечения к административной ответственности при дальнейшем появлении признаков в данном деянии иного правонарушения, в том числе преступления.

Ключевые слова: юридическая ответственность, двойная ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, принцип *non bis in idem*, реабилитация.

Dual Responsibility as a Cross-sectoral Problem: Some Practical Application Issues

E.V. Gubernatorova¹, E.I. Timofeev², A.P. Pinchuk³

*Altai State University
Lenin Ave., 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹gubernatorova@email.asu.ru,
²evgen_timofeev_97@mail.ru, ³gos.2207@mail.ru*

The paper highlights the problem of double jeopardy, i.e. bringing a person to dual public responsibility for the same wrongful act. The authors raise the problem of insufficient regulation of double jeopardy in the Russian law, in particular, the current legislation contains a ban on bringing a person to double jeopardy twice either only to criminal responsibility, or only to administrative responsibility. At the same time, the *non bis in idem* construction implies the inadmissibility of bringing a person to double jeopardy for one and the same type of public legal responsibility.

The authors analyzed the cases of bringing persons to dual (administrative and criminal) responsibility and worked out the ways to solve the problems arising in judicial and investigative practice on this issue. The authors came to the conclusion that in case of double jeopardy, it is necessary to be guided by a number of criteria. In some cases cited in the paper, preference should be given to the temporal criterion, which implies the application of the first imputed type of responsibility, and the

abolition of the second, even despite the correct qualification. Moreover, the authors additionally considered the issue of introducing the institution of rehabilitation and offsetting punishments within the framework of various types of public legal responsibility in administrative law, which could smooth out the corners in the event of bringing a person to erroneous initial administrative responsibility with the further appearance of signs of another offense in this guilty act, including a crime.

Key words: legal responsibility, double jeopardy, administrative responsibility, criminal responsibility, the ne bis in idem principle, rehabilitation.

Проблема двойной ответственности является достаточно исследованной в научной и практической плоскости. В то же время на сегодняшний день не снят ряд пробелов в способах решения данного вопроса. В правоприменительной практике встречаются неопределенности и ошибки в использовании соответствующих норм права, что требует особого внимания и корректировки. Кроме того, не уделяется должного внимания отдельным случаям применения правил о недопустимости двойного привлечения к публично-правовой ответственности в условиях межотраслевого взаимодействия. Должным образом не раскрыта и проблема влияния процессуальных ошибок правоприменителей на процесс применения правил двойной ответственности и привлечения лиц к конкретным видам юридической ответственности.

Безусловно, в данном исследовании речь будет идти о привлечении к двойной публично-правовой ответственности. Нас интересует, прежде всего, вопрос урегулированности проблемы привлечения к уголовной ответственности за деяние, которое уже оценено компетентными органами с точки зрения законодательства об административных правонарушениях, и лицо наказано, а также наоборот. Принцип *non bis in idem* – «не дважды за одно и то же» – является одним из ключевых в подобных ситуациях.

Проблемы привлечения лиц дважды к публично-правовой ответственности за одно деяние на практике приводят не только к материально-правовым аспектам, связанным с проблемами верной квалификации. Отдельный блок реализации института двойной ответственности находит свое выражение в процессуальном праве. Неверное применение уголовно- и административно-процессуальных норм фактически приводит к невозможности реализации норм материального права, неправильной квалификации деяний, снижению эффективности указанного института и в конечном счете к нарушению прав и законных интересов граждан.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 УК РФ никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление [Уголовный кодекс РФ 1996]. Аналогичное правило установлено в ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, где установлено, что никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение [Кодекс РФ об административных правонарушениях 2002].

Более того, данный принцип – конституционный. Конституция РФ в ч. 1 ст. 50 закрепила: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» [Конституция РФ 1993]. А это придает особую значимость рассматриваемой проблеме, поскольку любые отклонения от установленного правила могут рассматриваться как антиконституционные.

При этом российское законодательство не содержит нормы, которая бы прямо устанавливала невозможность привлечения лиц дважды к различным видам публичной ответственности (административной и уголовной) за одно деяние, подпадающее одновременно под признаки административного правонарушения и преступления.

В силу ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства [Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1984]. Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года положения данной статьи подлежат применению как в уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях; ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), «если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же» [Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2013].

П.В. Старостина, интерпретируя Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации», справедливо отмечает, что, несмотря на то, что в формулировках принципа (*non bis in idem*) чаще встречается термин «преступление», соблюдение его касается также и производства по административным правонарушениям. Правда, лишь по тем, которые имеют «уголовно-правовую природу» — обладают свойством общественной опасности и влекут суровое наказание (лишение или ограничение свободы, штраф в больших размерах и т. п.). Далее автор продолжает: если в инкриминируемых лицу составах правонарушений повторно учитывается один и тот же существенный признак, это является нарушением принципа [Старостина 2013: 67, 68]. То же отмечают и В.М. Буров, и А.Е. Сморгцова: принцип недопустимости повторного привлечения к ответственности не локализуется только отраслью уголовного права, он имеет межотраслевой характер и распространяет свое влияние на все виды юридической ответственности. Защита от повторного привлечения к ответственности – одна из специфических гарантий, связанных с общей гарантией права на справедливое судебное разбирательство [Буров, Сморгцова URL]. Можно согласиться с учеными, поскольку принцип «не дважды за одно» вряд ли наделен исключительно уголовно-правовым или административно-правовым содержанием. Речь, скорее, о том, что объективно одно и то же внешнее действие не должно получить две различных оценки со стороны государства, а лицо, его совершившее, – быть привлеченным по этим двум оценкам

дважды к ответственности. Такого подхода, к слову, придерживаются и практикующие юристы крупных адвокатских компаний [Независимая газета URL].

То же отмечал и Конституционный Суд РФ в 2013 г.: согласно статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Названная норма, по ее буквальному смыслу, распространяется на случаи привлечения к уголовной ответственности, однако это не означает, что Конституция Российской Федерации допускает неоднократное привлечение к административной или дисциплинарной ответственности за одно и то же деяние, – установленный ею запрет, в котором нашел отражение общеправовой принцип *non bis in idem*, направлен на обеспечение правовой безопасности и правовой определенности и стабильности. Исходя из природы юридической ответственности как формы реакции на конкретное правонарушение в целях устранения или смягчения последствий правонарушения либо наказания правонарушителя, а также предотвращения новых правонарушений, повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние было бы – вопреки названному общеправовому принципу – ответственностью без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве [Постановление Конституционного Суда РФ URL].

Осознание незаконности процедуры привлечения к ответственности дважды за одно деяние, однако, не соотносится с некоторыми процессуальными положениями. Понимания, что такой исход ситуации незаконен, недостаточно. Необходим четкий, отлаженный алгоритм действий в такой ситуации. Например, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит такого основания прекращения уголовного судопроизводства, как «привлечение к ответственности за аналогичное административное правонарушение» или иной подобной формулировки.

Привлечение к административной или иной публично-правовой ответственности, отвечающей критериям уголовного обвинения, сформированным в прецедентной практике ЕСПЧ («критериям Энгеля»), за правонарушение исключает привлечение к уголовной ответственности за «идентичные факты или факты, которые в значительной степени являются теми же». При установлении того, являются ли факты «идентичными или теми же в значительной степени» необходимо учитывать такие обстоятельства, как единство нарушителя, тождество фактов, положенных в основу двух обвинений, единство времени, пространства их совершения, существенные элементы двух правонарушений, единство защищаемого правового интереса [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) 2021: 1349].

Важным аспектом привлечения к ответственности в этой части является правомерность действий на всех стадиях данного процесса. В идеальной модели привлечения к ответственности уполномоченный орган или должностное лицо должны на самой первой стадии располагать всем объемом информации о совершенном деянии и применять изначально правильную норму при квалификации. В случае если какие-либо признаки деяния стали известны правоприменителю впоследствии, то квалификация при необходимости должна измениться соответственно. В том же случае если на этапе выявления новых признаков правонарушения лицо уже было привлечено к ответственности с неверной квалификацией, то, прежде чем изменять указанную квалификацию и привлекать лицо к иной ответственности, должен быть в обязательном порядке отменен первоначальный итоговый акт. В противном случае лицо будет привлечено к ответственности дважды, где первое привлечение будет незаконно с точки зрения неверной квалификации, а второе – с точки зрения повторного привлечения по хронологии при наличии имеющего законную силу первого акта по делу.

Соответственно, ошибки в квалификации с точки зрения хронологии привлечения к ответственности могут опосредоваться, с одной стороны, субъективными ошибками правоприменителя, а с другой – объективными обстоятельствами, не позволяющими своевременно выявить необходимые признаки состава правонарушения. Последнее может быть связано с наступлением юридически значимых обстоятельств по делу уже после совершения деяния или совершением (выявлением) иных эпизодов, влияющих на итоговую квалификацию.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела.

Как уже отмечалось нами выше, подобного КоАП положения УПК РФ не предусматривает. Уголовно-процессуальный закон не содержит такого основания прекращения уголовного дела (преследования), как привлечение к административной ответственности за данное деяние или начатое производство по делу об административном правонарушении в связи с совершением деяния, по факту которого возбуждено уголовное дело. Уголовно-процессуальный кодекс признает основанием прекращения лишь наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению [Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001].

Таким образом, при привлечении лиц к публично-правовой ответственности должны учитываться реальные признаки, присущие тому или иному деянию, которые правоприменителю могут быть объективно неизвестны на момент привлечения к ответственности.

В то же время, если не будет ответственности, то нарушаются принципы законности, справедливости и (что самое важное) – принцип неотвратимости юридической ответственности, так как правонарушитель не понесет должной ответственности. Но, как верно отмечает С.С. Потапкин, необходимо соблюдение разумного баланса между принципом неотвратимости юридической ответственности и принципом целесообразности привлечения лица к

юридической ответственности, что является важным и необходимым фактором торжества законности в современном российском обществе [Потапкин 2009]. Как раз целесообразность привлечения к юридической ответственности страдает в случае повторного, двойного привлечения лица к ответственности за одно и то же деяние.

Тезисно пути решения рассматриваемой проблемы можно представить следующими вариантами:

1. Из приведенных норм следует, что если ошибка квалификации выявилась на стадии административного производства, то оно должно быть прекращено и дело должно быть рассмотрено в ином процессуальном порядке, установленном законом.

Так, например, в решении по делу № 7-145/2018 от 05.10.2018 Тульский областной суд, исследовав материалы дела, пришел к следующему.

Постановлением судьи Привокзального районного суда г. Тулы от 11 сентября 2018 года С. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ, и ему в качестве наказания был назначен административный штраф. Не согласившись с указанным постановлением, прокурор Привокзального района г. Тулы принес на него протест в Тульский областной суд, в котором просит отменить данный судебный акт, так как в действиях С. усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

В рамках дела установлено, что С. совершил административное правонарушение при следующих обстоятельствах: находясь в общественном месте в здании ОБ ДПС ГИБДД УМВД России по г. Туле, выражался нецензурной бранью в адрес сотрудников полиции, не реагируя на неоднократные замечания, чем нарушил общественный порядок и выразил явное неуважение к обществу. С. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ. При этом указанное нарушение попадает под признаки объективной стороны ст. 319 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

Исходя из общих принципов осуществления правосудия, устанавливающих невозможность привлечения к ответственности дважды за одно и то же противоправное деяние, учитывая приведенные обстоятельства дела, суд отменил постановление судьи Привокзального районного суда г. Тулы от 11 сентября 2018 года по делу об административном правонарушении в отношении С. и прекратил производство по данному делу [Решение Тульского областного суда 2018].

Приведенный пример является классическим в рассматриваемом вопросе, когда при выявлении ошибки квалификации деяния суд (либо другой правоприменитель) прекращает административное производство в связи с наличием изначально не усмотренных в деянии признаков преступления.

2. Исходя из практики рассмотрения дел Верховным судом РФ, была выработана позиция, согласно которой подлежит отмене постановление по делу об административном правонарушении в случае, если на момент вынесения такого постановления уже имелись признаки преступления, которые в дальнейшем привели к возбуждению уголовного дела. Такие признаки могут быть обнаружены впоследствии (быть скрытыми), но должны относиться к деянию и наличествовать на момент его совершения либо прямо вытекать из него.

В тех случаях, когда признаки, влияющие на квалификацию, были выявлены впоследствии, первый по хронологии акт о привлечении лица к ответственности должен быть отменен и только после этого возможно привлечение лица к ответственности при другой квалификации деяния.

В этой связи необходимо рассмотреть позицию Верховного Суда РФ по обозначенному вопросу. Согласно п. 12.1 Постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25, которое регулирует аналогичную ситуацию, если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном частями 2, 4 или 6 статьи 264 либо статьей 264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по части 1 или 3 статьи 12.8 либо по статье 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании статьи 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотмененное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2008].

3. В тех случаях, когда в отношении лица, привлекаемого дважды к ответственности, уже окончили производство и по административному, и по уголовному делу, видится грубое нарушение законности. Последнее обосновывается тем, что на момент привлечения к ответственности во второй раз сохраняется условие, не позволяющее совершить данное действие, – наличие привлечения к ответственности за деяние, сохраняющее законную силу. В данном случае думается, что вина органов, не учитывающих наличие факта привлечения, не должна возлагаться на лицо, привлекаемое к ответственности. В таком случае необходимо считать законным и обоснованным тот акт, который был составлен первым и на момент вынесения учитывал все признаки вменяемого состава. Данное положение нарушается правоприменительными органами, что влечет для лица неблагоприятные последствия, связанные с невозможностью эффективно восстановить нарушенное право в уголовном судопроизводстве (как более тяжком для него по последствиям) и реализовать право на реабилитацию (п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). В этой связи нарушаются принципы справедливости и правовой определенности.

Необходимо учитывать, что даже тот факт, что вторая квалификация деяния является правильной, не делает автоматически первое привлечение к ответственности незаконным, что требует соблюдения процессуального

порядка. В таком случае должен быть отменен именно второй материал как вынесенный с нарушением требований о недопустимости привлечения к двойной ответственности независимо от правил квалификации.

Так, 30.10.2020 Восьмым кассационным судом общей юрисдикции по делу № 16-6539/2020 было вынесено постановление, вынесенное по результатам рассмотрения протеста заместителя прокурора Алтайского края на вступившее в законную силу постановление мирового судьи судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края от 15 июля 2010 г., вынесенное в отношении Н. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.27 КоАП РФ. Указанным постановлением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 16-6539/2020 протест заместителя прокурора был удовлетворен, постановление мирового судьи судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края от 15 июля 2010 г. отменено, производство по данному делу об административном правонарушении было прекращено [Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции 2020].

Из обозначенного протеста заместителя прокурора следует, что органы прокуратуры обнаружили факт привлечения Н. к административной и уголовной ответственности дважды за одно деяние (кража из дачного домика). Первое привлечение состоялось в рамках дела об административном правонарушении. Второе – в рамках уголовного производства по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ (были раскрыты иные эпизоды совершения обвиняемым краж из дачных домиков в обозначенный период). На период рассмотрения указанного протеста прокурора в отношении Н. уже были исполнены и административное, и уголовное наказания.

Н. указывал, что постановление мирового судьи судебного участка № 1 Первомайского района Алтайского края от 15 июля 2010 г. не подлежит отмене в связи с его законностью, и в свою очередь незаконным должно быть признано уголовное привлечение в связи с нижеследующим.

Привлечение лица сначала к административной, а затем к уголовной ответственности (и наоборот) за одно деяние недопустимо. Исходя из смысла п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, административное производство подлежит прекращению в случае, если одновременно с ним ведется уголовное производство. В то же время на момент вынесения обжалуемого прокурором постановления по делу об административном правонарушении оно учитывало все признаки рассмотренного деяния и было законным и обоснованным, каким остается и должно остаться в дальнейшем.

Таким образом, незаконным и подлежащим отмене в связи с хронологией событий является именно приговор Новоалтайского городского суда от 08.02.2016 по делу № 1-63/2016 (1-604/2015) как являющийся незаконным в этой части. Именно ошибки, совершенные в рамках предварительного расследования, повлекли за собой недопустимое повторное привлечение Н. к ответственности за одно и то же деяние путем учета при уголовной квалификации также эпизода, за который Н. уже понес административное наказание.

Таким образом, процесс и хронология могут определять этот институт, помимо квалификации материального права.

Проблема видится и в отсутствии в административном праве института реабилитации. Вполне реальным решением проблемы привлечения дважды сначала к административной, затем – к уголовной ответственности могла бы являться реабилитация обвиняемого. Например, лицо было привлечено к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ и отбыло 10 суток административного ареста. В дальнейшем появляются детали преступления, что уже говорит о квалифицированном составе ст. 158 УК РФ. Одним из решений возникшей проблемы могла бы являться реабилитация по первому факту привлечения к административной ответственности. К слову, в Проекте административно-процессуального кодекса такой институт предусматривается. Ст. 1.17 Проекта закрепляет, что право на реабилитацию включает в себя право, например, на возмещение имущественного вреда, а также на устранение вреда, причиненного деловой репутации юрлица. Государство обязано полностью возместить вред независимо от вины суда, органа, прокурора, должностного лица. К слову, право на реабилитацию, согласно Проекту, наступает по определенным основаниям, одним из которых является следующее: наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, либо постановления о возбуждении уголовного дела (курсив наш – Авт.) [Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Проект) URL].

Пока закон не принят, решением проблемы видится стандартная гражданско-правовая процедура привлечения к ответственности за вред, причиненный госорганами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами.

Иным выходом из указанной проблемы является разработка института взаимозачета административных и уголовных наказаний в рамках различных видов публично-правовой ответственности с переводом и конвертацией таких наказаний. Например, на сегодняшний день весьма эффективно действует зачет срока содержания лица под стражей в период предварительного расследования в срок лишения свободы как назначенного судом наказания.

Данный пример можно проецировать на проблему двойной ответственности, когда отбытое лицом административное наказание зачитывается в срок (размер) наказания, назначенного в рамках уголовного судопроизводства по тому же факту в силу разных причин. Подобную схему можно проследить в одном из решений ЕСПЧ по делу «Оливейра против Швейцарии»: 5 декабря 1990 г. г-жа Оливейра ехала по ледяной снежной дороге в Цюрихе, когда ее автомобиль переместился на другую сторону дороги, а затем врезался в первый автомобиль, прежде чем столкнуться со вторым; лицу, находящемуся в первом автомобиле, был причинен тяжкий вред здоровью. Не зная

факта того, что лицу был причинен тяжкий вред здоровью, полицейский магистрат принял решение о привлечении ее к ответственности за нарушение ст. 31, 32 Закона о безопасности движения, а именно отсутствие контроля над транспортным средством из-за неадаптации скорости к условиям движения. Магистрат оштрафовал ее на 200 швейцарских франков. В последующем, при расследовании дела, было установлено, что лицу, с которым столкнулась г-жа Оливейра, был причинен тяжкий вред здоровью, и суд усмотрел в ее действиях идеальную совокупность и приговорил признать ее виновной в совершении преступления, а именно в нарушении правил дорожного движения, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью, и назначил наказание в виде 2 тыс. франков. В последующем Оливейра обратилась с возражением в Цюрихский районный суд, который принял решение *снизить штраф с 2 тыс. до 1,5 и еще уменьшить на 200 франков с зачетом уже уплаченных 200 за правонарушение* (курсив наш – Авт.) [Case of Oliveira v. Switzerland URL].

Однако, как можно полагать, такое решение проблемы нивелирует не столько вопрос двойной ответственности, сколько проблему несения лицом двойной меры государственного принуждения (наказания) за одно и то же деяние.

Исходя из изложенного, необходимо прийти к выводу, что правила недопустимости двойной ответственности имеют свое выражение и реализацию как в рамках материального, так и в рамках процессуального права. В данном случае учитываются как аспекты верной квалификации деяния, превалирующие при условиях соблюдения процесса привлечения к ответственности, так и аспекты хронологии привлечения к ответственности – темпоральный критерий. Данный критерий связан с верным соблюдением процессуального порядка привлечения к ответственности, что делает невозможным и незаконным любое повторное привлечение к публично-правовой ответственности при наличии факта привлечения лица за то же деяние ранее. Нарушение данного требования должно влечь безусловную отмену второго акта о привлечении лица к ответственности. Однако, несмотря на следствие данного положения из нормативных положений и практики ЕСПЧ, оно продолжает нарушаться в судебной-следственной деятельности, что требует соответствующих разъяснений на уровне нормативных положений и актов высших судебных инстанций. Иное решение проблемы с целью избавления привлекаемых к ответственности лиц от неблагоприятных последствий данных нарушений может быть предусмотрено в рамках введения в административном праве института реабилитации или зачета наказаний в рамках различных видов публично-правовой ответственности.

Литература

- Case of Oliveira v. Switzerland (84/1997/868/1080). URL: <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4549580>
- Буров В.М., Сморчкова А.Е. Проблемы толкования и применения принципа «не дважды за одно преступление» — «non bis in idem». URL: <http://novaum.ru/public/p764>
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.04.2021) / Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чуваева. Проспект 2021. 1349 с.
- Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. / Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 9. Ст. 851.
- Наказание по двум кодексам / Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-01-29/3_7780_kotov.html
- Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.07.2013). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149440/
- Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2020 № 16-6539/2020. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=N7gSoLTaCT9xX69o&cacheid=519C3E108BEAF67C4163ED1E96197926&mode=splus&rnd=U1dSoLTf8VGPxOaA&base=KSOJ008&n=21750#zaUToLT6rCn0DVgp>
- Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 N 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта "в" пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143807/
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/
- Потапкин С.С. Принцип неотвратимости юридической ответственности и проблемы его реализации в правоприменительной практике. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
- Протокол N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29158/
- Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Проект). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102945>
- Решение Тульского областного суда от 05.10.2018 по делу № 7-145/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=N7gSoLTaCT9xX69o&cacheid=FF3786C6EEA62400EA01FE4FEE0290D4&mode=splus&rnd=U1dSoLTf8VGPxOaA&base=SOKI&n=263974#EipSoLTwFeYPRwAo1>

Старостина П.В. Принцип non bis in idem в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) / Административное право и процесс. - 2013. - № 4. - С. 67-68.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) / Собрание законодательства Российской Федерации - 17 июня 1996 г. - № 25 - Ст. 2954.

References

Burov, V.M., Smorchkova, A.E. Problems of interpretation and application of the principle “not twice for one crime” – “non bis in idem”. Available from: <http://novaum.ru/public/p764> (in Russian)

Case of Oliveira v. Switzerland (84/1997/868/1080). Available from: <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4549580>

Code of the Russian Federation on administrative Violations: Federal Law dated 30.12.2001 No.195-FZ (as amended on 04.20.2021.) / Collected Table of Russian legislation. 2002. No. 1 (part 1). Art. One (in Russian).

Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical)/ ed. A.I. Chuvaeva. Prospect 2021.1349 p. (in Russian).

Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 / Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 9. Art. 851 (in Russian).

Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 04/05/2021, as amended on 04/08/2021) / Collected Legislation of the Russian Federation - June 17, 1996 - No. 25 - Art. 2954 (in Russian).

Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ / Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921 (in Russian).

Decision of the Tula Regional Court N 7-145/2018 dated 05.10.2018. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=N7gSoLTaCT9xX69o&cacheid=FF3786C6EEA62400EA01FE4FEE0290D4&mode=splus&rnd=U1dSoLTf8VGPxOaA&base=SOKI&n=263974#EipSoLTwFeYPRwAo1> (in Russian).

Potapkin, S.S. (2009). The principle of the inevitability of legal responsibility and the problem of its implementation in law enforcement practice. Dissertation.... Cand. jurid.sciences. Moscow (in Russian).

Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (Draft). Available from: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102945> (in Russian).

Protocol N 7 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (signed in Strasbourg, 22.11.1984.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29158-Zagli (in Russian).

Punishment under two codes. Nezavisimaya Gazeta. Available from: https://www.ng.ru/politics/2020-01-29/3_7780_kotov.html (in Russian).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 21, 2013 N 6-P “On the case of checking the constitutionality of sub paragraph” in paragraph 2 of Article 51 of the Federal Law “On Military Duty and Military Service” in connection with the complaints of citizens R.V. Boskachev, I.V. Ovsyannikov and D.A. Savelyev. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143807/ (in Russian).

Resolution of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction N 16-6539/2020 dated 30.10.2020. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=N7gSoLTaCT9xX69o&cacheid=519C3E108BEAF67C4163ED1E96197926&mode=splus&rnd=U1dSoLTf8VGPxOaA&base=KSOJ008&n=21750#zaUToLT6rCn0DVgp> (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.12.2008 No. 25 (as amended on 24.05.2016) “On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft”. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (in Russian).

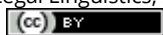
Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 03.07.2013). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149440/ (in Russian).

Starostina, P.V. (2013). The principle of non bis in idem in administrative and criminal law (international legal aspects). Administrative law and process, 4, 67-68 (in Russian).

Citation:

Губернаторова Э.В., Тимофеев Е.И., Пинчук А.П. Двойная ответственность как межотраслевая проблема // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 53-59.

Gubernatorova E.V., Timofeev E.I., Pinchuk A.P. (2022). Dual Responsibility as a Cross-sectoral Problem: Some Practical Application Issues. Legal Linguistics, 26, 53–59.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О ценности жизни и понятии права на жизнь

О.Л. Казанцева

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: verwaltung@mail.ru*

Научное исследование посвящено комплексному анализу конституционно-правовых норм, закрепляющих право на жизнь, формированию представления о его содержании, значении в современных условиях развития государства и общества, выявлению места права на жизнь в системе иных закрепленных конституционных прав, предоставляемых человеку и гарантированных государством. Актуальность темы обусловлена появлением различных подходов к пониманию права на жизнь, формируемых в государстве, в частности в условиях пандемии. Нормативное ограничение других прав человека зачастую обосновывается приоритетом права на жизнь и его защитой. В рамках данного исследования дается толкование и правовая оценка правовым положениям о праве на жизнь, с опорой в том числе на правовые позиции Конституционного Суда РФ, и аргументировано делается вывод о наличии у государства обязанности признавать, соблюдать и защищать все права и свободы человека и гражданина в равной мере.

Ключевые слова: право на жизнь, конституционные права, защита конституционных прав, законотворчество.

On the Value of Life and the Concept of the Right to Life

O.L. Kazantseva

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: verwaltung@mail.ru*

The scientific study is concentrated on a comprehensive analysis of constitutional and legal norms that enshrine the right to life, on the definition of the scope of its content, its significance in modern conditions of state and society development, and on identifying the place of the right to life in the system of other conferred constitutional rights granted to a person and guaranteed by the state. The relevance of the topic derives from the emergence of various approaches to understanding of the right to life, in particular, in a pandemic. Normative restriction of other human rights is often justified by the priority of the right to life and its protection. Within the framework of this study, an interpretation and legal assessment of the legal provisions on the right to life is given, including the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is argued that the state has an obligation to equally recognize, observe and protect all the rights and freedoms of person and citizen.

Key words: right to live, constitutional rights, protection of constitutional rights, lawmaking.

Право на жизнь и сопутствующие ему права привлекали интерес научного сообщества России и других государств в разное время (см., например, [Гарлицкий 2004, Duverger 1970, Матузов 1998, Романовский 2006, Сазин 2021]).

При этом в работах ученых затрагивались различные аспекты права на жизнь, его взаимосвязь с иными конституционными правами, вопросы смертной казни, эвтаназии, аборт и пр. (см., например, [Андреева 2007, Капитанова 2012, Тюменев 2007, Казановская 2004, Капинус 2008, Клигман 1989, Панченко, Шушпанов 2013, Борисов, Синельников, Архангельский 1997]).

В современных условиях борьбы с пандемией, формирования новой правовой базы, затрагивающей реализацию предусмотренных Конституцией РФ прав, и меняющихся духовно-нравственных ценностей право на жизнь получает новое наполнение, что придает новизну проводимому исследованию.

Право на жизнь, безусловно, важное право каждого человека. Однако подходы к содержанию данного права и его значимости наряду с другими правами различны.

Отсутствие четкого законодательного регулирования по этому вопросу порождает научные дискуссии и демонстрирует отсутствие единого подхода. А.В. Балашев, например, рассматривает право человека на жизнь в составе следующих элементов: право на неприкосновенность жизни человека со стороны государства и его представителей; право на обеспечение и защиту жизни человека государством; запрет на лишение жизни человека

самим государством или его органами [Балашев 2011]. А.А. Опалева понимает право на жизнь, как право личности на свободу от любых незаконных посягательств на ее жизнь со стороны государства и частных лиц; свободное распоряжение своей жизнью [Опалева 2015].

И.Х. Бабаджанов и С.П. Сальников анализируют право на жизнь в нескольких аспектах: как гарантированное право личности на защиту от любых незаконных посягательств на ее жизнь; на условия, обеспечивающие нормальную реализацию параметров жизнедеятельности личности; на реальное обеспечение неприкосновенности, жизнедеятельности каждого члена общества; на созданные обществом условия безопасности для продолжения жизни; на состояние, исключающее факторы, создающие опасность для продолжения жизни; на гарантированное место работы и нормальные условия труда для каждого; на создание оптимальной формы властных отношений для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности личности [Бабаджанов, Сальников 2010].

В.В. Невинский определял право человека на жизнь как вид и меру возможного пребывания человека в живой природе, которые обусловлены естественно-природными и социальными свойствами человека [Невинский 2018].

Во избежание проблем с толкованием и определением содержания права на жизнь, в том числе в случаях его реализации и защиты, О.И. Амельчаков предлагает закрепить законодательно такие понятия, как «жизнь» и «право на жизнь» [Амельчаков 2021]. Особенностью права на жизнь является то, что это право не только на телесное существование, но и духовное в их единстве. Оно тесно связано с запретом смертной казни, порядком проведения аборт и эвтаназии, правом на охрану здоровья, медицинскую помощь, достойный уровень жизни, благоприятную окружающую среду, реализацией государством мер по снижению уровня смертности, борьбе с эпидемиями и пандемиями и пр. А эти вопросы до сих пор не разрешены.

Право на жизнь неразрывно связано с другими правами. Например, с правом на рождение вообще. В этой связи актуализируется проблема абортов и создания еще не рожденному ребенку условий для реализации права на рождение и защиты его права на жизнь. Когда же возникает право на жизнь? Здесь тоже нет единства мнений. Согласно одному подходу, право на жизнь приобретается с момента рождения человека, другому – право на жизнь приобретается с момента зачатия, а следовательно, эмбрион уже имеет право на рождение и, как следствие, на жизнь. Данные позиции подтверждаются нормами права различных государств, которые регламентируют этот вопрос, исходя из собственного видения и толкования права на жизнь, ее ценности и момента начала. Следовательно, содержание права на жизнь, момент его возникновения могут отличаться в различных государствах в зависимости от правового закрепления. Например, Конституция Ирландии 1990 г. закрепила право на жизнь не рожденного ребенка, а Словацкой Республики 1992 г. – охрану человеческой жизни еще до рождения ребенка.

Отсутствие четкого законодательного регулирования по этому вопросу порождает много проблем и дискуссий.

В рамках данного исследования интерес представляет конституционно-правовое регулирование права на жизнь в Российской Федерации. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Способность иметь права и нести обязанности в силу ч. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ гражданин получает также в момент его рождения, который связывается с отделением плода от тела матери согласно действующему Приказу Минздрава РФ от 04.03.2003 № 73 «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий». Таким образом, при определении момента начала жизни используется медицинский критерий. Анализ данных норм позволяет сделать вывод о том, что до рождения ребенок является не защищенным, и допустимы посягательства на его жизнь в виде аборта. Вместе с тем ст. 2 Федерального закона от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» дала легальное определение эмбриона человека как зародыша человека на стадии развития до восьми недель, то есть эмбрион – это уже форма жизни. Как ему можно отказать в праве на жизнь?

Современное состояние конституционного и отраслевого законодательства в России также показывает их противоречие. Согласно ч. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса РФ гражданин, зачатый при жизни наследодателя и родившийся живым после открытия наследства, имеет право призываться к наследству, а ст. 63 Уголовного кодекса РФ защищает не родившегося ребенка, поскольку выделяет совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в качестве отягчающего вину обстоятельства.

В целях единообразного правового регулирования защиты права на жизнь, в том числе не родившихся детей, воспитания уважительного отношения к человеческой жизни, привития морально-духовных ценностей и понимания ценности самой жизни необходимо привести законодательство в соответствие и начать это лучше с высокого федерального уровня.

В связи с тем, что реализация права на жизнь, равно как и других прав, зависит от уровня развития государства и правовой регламентации момента возникновения права на жизнь, предложение Е.С. Поповой о включении в законодательство нормы, определяющей понятие права на жизнь с момента зачатия продолжает оставаться актуальным [Попова 2015]. Представляется, что это нужно сделать на конституционном уровне, дабы избежать в будущем дискуссий и проблем с реализацией данной нормы.

Право на жизнь в условиях пандемии также получило свое признание в качестве важнейшего права, при защите которого принимались правовые акты (как федерального, так и регионального уровня), направленные на ограничение иных прав, как правило, носящие подзаконный характер.

Некоторые авторы и в отдельных случаях законодатель отдают предпочтение праву на жизнь, обосновывая это тем, что без жизни отпадает необходимость в других правах. Другие же признают важность всех прав для человека и гражданина и их равную значимость. Следовательно, говорить о примате данного права над другими не

представляется возможным.

Анализируя положения российского законодательства о праве на жизнь, постараемся разрешить имеющуюся дискуссию по вопросу о том, имеет ли приоритет данное право над другими правами, содержащимися в Конституции РФ?

Во-первых, сама Конституция РФ не содержит подобного положения, устанавливающего примат права на жизнь над другими конституционными правами. Ст. 2 Основного закона российского государства закрепляет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», что ставит право на жизнь в один ряд с другими правами, содержащимися в главе 2. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать все права и свободы человека и гражданина.

Во-вторых, толкователь Основного закона российского государства Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений от 15.06.1998 № 18-П в абзаце 1 пункта 6 установил: «Из статьи 2 Конституции Российской Федерации следует, что обязанностью государства является признание, соблюдение и защита в равной мере всех прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим устанавливаемый законодательством порядок реализации гражданами права на получение трудовых пенсий не должен препятствовать им в осуществлении иных гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод, в частности права каждого на выбор места пребывания и жительства, права свободно выезжать за пределы Российской Федерации (статья 27, части 1 и 2). Реализация гражданином этих конституционных прав, относящихся к общепризнанным правам, не может служить основанием для ограничения его конституционного права на пенсионное обеспечение» [Постановление Конституционного Суда РФ 1998].

В абзаце 2 пункта 6 того же постановления Суд указывает на принцип неделимости прав человека, провозглашенный в Резолюции № 41/117 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 года, «согласно которому все права человека и основные свободы неделимы и взаимосвязаны; развитие и защита одной категории прав никогда не могут служить предлогом или оправданием для освобождения государства от развития и защиты других прав».

Акты Конституционного Суда РФ являются обязательными для исполнения и обжалованию не подлежат. В вышеуказанном постановлении Конституционный Суд РФ четко обозначил свою позицию, согласно которой реализация гражданином одних конституционных прав не является основанием для ограничения других конституционных прав.

Следовательно, все права человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ, одинаково важны и подлежат равной защите в случае их нарушения.

В этой связи принятие нормативных правовых актов, направленных на ограничение иных прав (например, права на охрану здоровья (в том числе ограничение или прекращение плановой медицинской помощи), свободу передвижения и пр.), будет не только противоречить Конституции РФ, но и препятствовать реализации права на жизнь. Праву человека на жизнь и охрану здоровья корреспондирует обязанность государства по обеспечению лечения граждан и оказанию им необходимой медицинской помощи независимо от заболевания, и эта обязанность должна выполняться на должном уровне.

Все вышеизложенное позволяет сделать общий вывод о необходимости совершенствования законодательства в сфере реализации и защиты права на жизнь. Сама жизнь и право на жизнь должны не формально признаваться высшей ценностью, а реально гарантироваться государством в виде создания необходимых условий для его реализации. При этом в основу правового регулирования должно быть положено гуманное, уважительное отношение к человеку и его жизни, устоявшееся в сознании любого человека.

Литература

Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. 11 ed. P., 1970.

Амельчаков О.И. Право на жизнь: к вопросу о сущности понятия / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. Т. 12. – № 2 (44). – С. 136-140. DOI: 10.37973/ KUI.2021.68.82.001

Андреева О.А. Право на жизнь в системе личных неимущественных прав / Современное право. – 2007. – № 8. – С. 17-19.

Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. «Жизнь» как юридическая категория и явление природы / Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 63-67.

Балашов А.В. Конституционное право на жизнь в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.

Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Аборты и планирование семьи в России: правовые и нравственные аспекты / Вопросы статистики. – 1997. – № 3. – С. 75-81.

Гарлицкий Л. Право на жизнь в практике Европейского Суда по правам человека / Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2004. – № 2. – С. 125-131.

Казановская Ю.А. Право на жизнь и смертная казнь: проблемы конституционно-правовой регламентации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

Капинус О.С. Мировые тенденции легализации эвтаназии / Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М., 2008. – С. 67-95.

Капитанова Ю.С. Право на жизнь в системе основных прав человека / Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов. М., 2012.

- Клигман А.В. Право на жизнь (О смертной казни) / Смертная казнь: за и против. М., 1989.
- Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов / Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198-212.
- Невинский В.В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) / Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 56-65.
- Опалева А.А. Право личности на свободное распоряжение своей жизнью как правомочие права на жизнь / Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 3. – С. 50-51.
- Панченко В.Ю., Шушпанов К.С. Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? / Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 66-74.
- Попова Е.С. Право на рождение как составляющая конституционного права на жизнь / Актуальные вопросы модернизации института прав человека в конституционном и международном праве. Рязань, 2015. С. 148-150.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.1998 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 2, 5 и 6 Закона Российской Федерации от 2 июля 1993 года «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» / СПС Консультант плюс.
- Романовский Г.Б. Право на жизнь в российском конституционном праве / Современное право. – 2006. – № 9. – С. 48-52.
- Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья / Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 39-45.
- Тюменев Н.В. Право на жизнь в системе естественных прав человека и гражданина / Гражданин и право. – 2007. – № 12. – С. 85-90.

References

- Amelchakov, O.I. (2021). The right to life: on the question of the essence of the concept. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12, 2 (44), 136-140 (in Russian).
- Andreeva, O.A. (2007). The right to life in the system of personal non-property rights. Modern law, 8, 17-19 (in Russian).
- Babadzhanov, I.H., Salnikov, M.V. (2010). "Life" as a legal category and a phenomenon of nature. Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 9, 63-67 (in Russian).
- Balashov, A.V. (2011). The constitutional right to life in modern Russia: dis. ... cand. jurid. sciences'. Kazan (in Russian).
- Borisov, V., Sinelnikov, A., Arkhangelsky, V. (1997). Abortions and family planning in Russia: legal and moral aspects. Questions of Statistics, 3, 75-81 (in Russian).
- Duverger, M. (1970). Institutions politiques et droit constitutionnel. 11 ed.
- Garlitsky, L. (2004). The right to life in the practice of the European Court of Human Rights. Constitutional Law: Eastern European Review, 2, 125-131 (in Russian).
- Kapinus, O.S. (2008). World trends in the legalization of euthanasia. Kapinus O.S. Modern criminal law in Russia and abroad: some problems of responsibility: Collection of articles. Moscow, 67-95 (in Russian).
- Kapitanova, Yu.S. (2012). The right to life in the system of basic human rights. Actual problems of modern law in the scientific research of young legal scientists. Moscow (in Russian).
- Kazanovskaya, Yu.A. (2004). The right to life and the death penalty: problems of constitutional and legal regulation in the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol (in Russian).
- Kligman, A.V. (1989). The right to life (On the death penalty). Capital punishment: pros and cons. Moscow (in Russian).
- Matuzov, N.I. (1998). The right to life in the light of Russian and international standards. Jurisprudence, 1, 198-212 (in Russian).
- Nevinsky, V. V. (2018). The human right to a decent life in the system of constitutional values of Russia (not taken the frontier of post-Soviet history). Constitutional and Municipal law, 12, 56-65 (in Russian).
- Opaleva, A. A. (2015). The right of the individual to the free disposal of his life as the entitlement of the right to life. Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 50-51 (in Russian).
- Panchenko, V.Yu., Shushpanov, K.S. (2013). Prohibition of euthanasia: an immanent limit or restriction of the right to life? Russian Law Journal, 1, 66-74 (in Russian).
- Popova, E.S. (2015). The right to birth as a component of the constitutional right to life. Actual issues of modernization of the institute of human rights in constitutional and international law. Ryazan, 148-150 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 15.06.1998 "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 2, 5 and 6 of the Law of the Russian Federation of July 2, 1993 "On the payment of pensions to citizens leaving for permanent residence outside the Russian Federation" in connection with the complaints of a number of citizens" / SPS Consultant plus.
- Romanovsky, G.B. (2006). The right to life in the Russian constitutional law. Modern law, 9, 48-52 (in Russian).
- Sazin, S.T. (2021). The concept, essence and interrelation of constitutional rights to life and health protection. Constitutional and municipal law, 4, 39-45 (in Russian).
- Tyumenev, N.V. (2007). The right to life in the system of natural human and citizen rights. Citizen and law, 12, 85-90 (in Russian).

Citation:

Казанцева О.Л. О ценности жизни и понятии права на жизнь // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 60-64.

Kazantseva O.L. (2022). On the value of life and the concept of the right to life. Legal Linguistics, 26, 60–64.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Толкование права в интерпретации постмодернизма¹

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

В статье анализируются причины пренебрежения истиной в процессе толкования права и предлагаются направления выхода из кризиса современной юриспруденции. Актуализация духа права позволит верно расставить приоритеты при коллизиях правовых ценностей. Иерархия ценностей в праве предполагает уважение к истине. Но постмодерн, по существу, отвергает стремление к истине. Автор статьи отмечает опасности, связанные с господством постмодернизма в юридическом процессе. Глобализм муссирует многозначность в юриспруденции, то есть разнообразие смыслов и содержания. Такая многозначность не оправдывается обстоятельствами объективного порядка. Многозначность права нужна глобализаторам мира для того, чтобы поддерживать и обострять проблему интерпретации (толкования) права, т. к. вследствие многозначности в любые нормы и принципы можно вкладывать различный смысл, до поры до времени не уточняя его. А затем действовать по ситуации, руководствуясь соображениями выгоды. Известное понятие лицемерия производно от многозначности. Юриспруденция обслуживает мир, основными характеристиками которого являются децентрализация, фрагментация, плюрализм, эклектика, множественность, неопределенность, прерывность, изменчивость и т. п. Для философии постмодернизма на первый план выходит не мировоззрение, а мироощущение, то есть рациональность и чувственность меняются местами: логически оформленная парадигма уступает место эмоциональным реакциям. Постмодернисты в качестве боевого отряда глобализма считают и невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни. Если они и допускают существование модели мира, то основанной лишь на энтропии, на равновероятности и равноценности добра и зла, всех конститутивных элементов. В статье проводится идея о необходимости ранжирования принципов права. В процессе практического использования принципов права между ними неизбежны коллизии. В этом случае компромиссного решения между законностью и справедливостью не должно быть – решение нужно принимать в пользу справедливости. А коллизию между справедливостью и милосердием надо снимать в пользу милосердия. Любые коллизии между принципами права носят иерархический характер. Таким образом, любые коллизии среди принципов права следует преодолевать в пользу принципа высшего порядка.

Ключевые слова: толкование права, постмодернизм, истина, глобализация, плюрализм, дух права, интерпретация.

Interpretation of the Law in the Light of Postmodernism

V.V. Sorokin

Altai State University

Lenin Ave., 61, 656049, Barnaul, Russia, 656049. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

The article analyzes the reasons for neglecting the truth in the process of interpretation of law and proposes ways for modern jurisprudence recovery. The updating of the spirit of the law makes it possible to correctly sort out priorities when legal values clash. The hierarchy of values in law presupposes respect for the truth. However, postmodernism rejects pursuance of the truth, it is interested in the multiplicity of approaches as such. The author of the article notes the dangers associated with the dominance of postmodernism in the legal process. Globalism exaggerates ambiguity in jurisprudence, that is, a variety of meanings and content. Such ambiguity is not justified by objective factors. The globalizers of the world need ambiguity of law in to maintain and aggravate the problem of interpreting (explication) the law, so that due to ambiguity

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 20-511-18002 Болг_а «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии»

one can bring a different meaning to any norms and principles without specifying it for the time being. Consequently, they act according to the situation, guided by considerations of benefit. The well-known concept of hypocrisy stems from ambiguity. Jurisprudence serves the world generally characterized with decentralization, fragmentation, pluralism, eclecticism, multiplicity, uncertainty, discontinuity, volatility, etc. It is not belief system that is foregrounded by the philosophy of postmodernism, but rather attitude, thus rationality swaps with sensuality: a logically formed paradigm gives way to emotional reactions. Postmodernists, as a fighting unit of globalism, consider it impossible and useless to try to establish any hierarchical order or any system of priorities in life. If they allow the existence of a model of the world, then it is based on entropy only, on the balance and equivalence of the good and the evil, of all constitutive elements.

Key words: interpretation of law, postmodernism, truth, globalization, pluralism, the spirit of the law, explication.

Субъекты толкования права, вкусившие плодов постмодернизма, объявляют поиски смысла правовых норм архаичным занятием и, уподобляясь античным софистам, демонстрируют способность отыскивать противоположные смыслы в любом юридическом тексте. Наблюдается атомизация права, то есть образование множества «гибких сетей языковых игр». О.А. Пучков не усматривает в этом ничего деструктивного: «В результате операции сопоставления знаков текста права и конкретной деятельности, а также благодаря применению логических операций умозаключения и выводов, привычные знаки, выражающие текст права, наделяются новыми объяснительными функциями, новыми значениями», – пишет он. – «Если говорить максимально упрощенно, правовые нормы получают новую антропологическую интерпретацию вследствие новых потребностей в новой деятельности, основанной на гуманистических принципах. Так рождается новое юридико-антропологическое знание, выражаемое в суждениях и знаках» [Пучков 1999: 355]. Выходит, что ради неопределенных гуманистических принципов можно бесконечно манипулировать смыслом права.

Другая примета глобализма – аномия права – это снятие любых нравственных вопросов и всеобщее отсутствие регулирующей функции нравственного сознания при толковании и применении права. Субъектам права на протяжении длительного времени внушается установка на толкование юридических положений с позиции эгоцентризма. Целые поколения людей уже удалось «перепрограммировать» соответствующим образом, вызвав общую деградацию. Это, в свою очередь, облегчает глобализаторам задачу манипулирования человечеством. При игнорировании духовно-нравственных оснований права юрист-интерпретатор способен легко манипулировать правосознанием участников юридического процесса. Интерпретация закона нередко парализует нравственность в пользу изощренных и за счет неискушенных. Если же в основании поведения индивида лежит нравственное чувство, никакие лукавые интерпретации его перед самим собой не оправдают.

Истина в праве стала восприниматься в качестве перманентно меняющейся стихии, а потому не существующей, а становящейся. Истину сейчас воспринимают средством, а не целью юридического процесса. Не признавая никакие абсолюты нравственности в правовой сфере, глобалисты породили сплошную относительность. Достаточно мошеннику заявить, что совершенное им деяние есть результат его оригинальной личной точки зрения, как это уже дает юридические основания для смягчения уголовной репрессии. Юристы вооружились методологией, которая по существу выступает как способ противостояния правопорядку.

Отправной точкой для глобалистской концепции толкования права послужило утверждение о том, что познание объективной правовой реальности осуществляется путем ее субъективного представления. Но поскольку каждый субъект толкования права обладает собственным субъективным представлением, отражающим его установки, мировоззрение, ценности, то и результатов толкования норм права может быть столько же, сколько людей. Более того, даже высказанная в процессе толкования права мысль получает, в свою очередь, такое количество смысловых наполнений и трактовок, сколько людей ознакомилось с ней: «знание не является лишь продуктом деятельности сообразно сложившимся идеалам истины, но включает в себя многообразие практического отношения к жизни» [Пружинин 1983: 172].

Глобализм муссирует многозначность в юриспруденции, то есть разнообразие смыслов и содержаний. Такая многозначность не оправдывается обстоятельствами объективного порядка. Многозначность права нужна глобализаторам мира для того, чтобы поддерживать и обострять проблему интерпретации (толкования) права, т. к. вследствие многозначности в любые нормы и принципы можно вкладывать различный смысл, до поры до времени не уточняя его. А затем действовать по ситуации, руководствуясь соображениями выгоды. Известное понятие лицемерия производно от многозначности.

С началом глобализации юриспруденция, базирующаяся на систематически формализованном понятийном аппарате логики с ее строгими законами взаимоотношений посылок и следствий, должна уступить глобальной юридической системе, воспринимающей мир как хаос, лишенный не только причинно-следственных связей, но и ценностных ориентиров. Юриспруденция обслуживает мир, основными характеристиками которого являются децентрализация, фрагментация, плюрализм, эклектика, множественность, неопределенность, прерывность, изменчивость и т. п. Для философии постмодернизма на первый план выходит не мировоззрение, а мироощущение, то есть рациональность и чувственность меняются местами: логически оформленная парадигма уступает место эмоциональным реакциям. Постмодернисты в качестве боевого отряда глобализма считают и невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни [Bauman 1995: 286; Вельш 1992: 113-182; Терещенко, Шатунова 2003: 144]. Если они и допускают существование модели мира, то основанной лишь на энтропии, на равновероятности и равноценности добра и зла, всех конститутивных элементов.

Получается, что в рамках постмодернистской методологии все попытки адекватного толкования норм права разбиваются о невозможность найти ракурс их рассмотрения. Современная юриспруденция не желает воспринимать абсолюты

нравственности, которые к тому же имеют духовную связь с религией и традициями народа. Эмансипируясь от духовно-нравственных абсолютов милосердия, добра, справедливости и т. п., субъекты толкования права выдают за право и истину компромисс корыстных интересов.

Здесь имеет смысл вспомнить высказывание Ф. Ницше о том, что «толкование чего-либо является симптомом определенных физиологических состояний». То есть не стремление к адекватности видения, а «наши потребности, вот что истолковывает мир; наши влечения и их "за" и "против"» [Ницше 2001: 224]. В результате подобного толкования права субъект находит идею свободы человека в виде иррациональной стихии первичных животных инстинктов.

Глобализация мира предполагает войны смыслов. В них при помощи специально спланированных операций трансформируется и перекодируется шкала ценностей атакуемой правовой культуры, меняется ее смысл. Глобализаторы выбирают самые опасные для своей идеологии правовые культуры мира, выявляют их основные духовно-культурные ценности, а затем – искажают и разрушают их. И, наконец, вживляют на их место ценности, неорганичные для противоборствующей стороны. По существу, толкование права активно используется глобализаторами мира для придания юридической силы собственной программе поведения. Отсюда неадекватное знание о праве влечет неадекватную интерпретацию правовых норм. Поскольку каждому субъекту толкования права ныне разрешается иметь собственную мораль, не стоит удивляться возрастанию несправедливых юридических решений.

Субъекты толкования права стали комментаторами предыдущих комментаторов. Каким образом теперь принято осуществлять толкование права? Читая текст юридического документа, юрист имеет в виду цели акта согласно преамбуле (телеологический способ толкования), обстановку его принятия и действия (исторический и функциональный способы толкования), правила русского языка (грамматический способ толкования) и приемы формальной логики (логический способ толкования). Даже если юрист использовал все указанные способы толкования права, до высоты духа права (уяснения смысла правового положения) он не поднимется, потому что все предлагаемые современной юриспруденцией способы толкования носят формальный характер. А при формально-поверхностном подходе и взгляд на предмет оказывается неглубоким. Торжество формализма в юриспруденции программируется уже самим инструментарием современного юриста.

В итоге получается, что смысл толкуемого нормативно-правового акта есть не что иное, как фикция, опирающаяся на манипуляцию смыслами отдельных его фрагментов. Цель толкования права – уяснение смысла правовых положений – оказывается недостигнутой и при нынешних подходах к толкованию права недостижимой. И как вообще возможно искать дух права, игнорируя духовно-нравственные абсолюты, не различая духовных оснований права?

Осуществляя в декларациях поиск смысла (то есть духа права), юристы одну букву трактуют при помощи другой буквы – отсюда торжество юридического формализма. Выходит, что правовой нигилизм начинается с юридического сообщества. Подменяя дух права буквой в процессе толкования норм, юристы дезориентируют общество относительно сути и содержания права.

Преподаватели юридических факультетов знают, что самым сложным и запутанным вопросом на выпускных экзаменах для студентов-юристов оказывается вопрос о правопонимании. Основная масса выпускников отвечает, что право представляет собой систему общеобязательных норм, обеспеченных государственным принуждением, а многие, разбираясь в отраслевых правовых институтах, просто затрудняются определить, что есть право. И с таким правосознанием юрист вступает в юридическую практику – знание буквы законов есть, понимания духа права нет. В этом случае нет и предмета для толкования права, ибо предметом толкования выступает не воля законодателя и уж тем более не юридический текст, а дух права, требующий установления применительно к конкретной ситуации правового спора.

Литература

Bauman Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford, 1995.

Вельш В. Постмодернизм: генеалогия и значение одного спорного понятия / Путь. 1992. № 1. С. 113-182.

Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 2001.

Пружинин Б.И. Историзация методологической рефлексии науки и методологии / Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.

Лучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999.

Тереценко Н.А., Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб, 2003.

References

Bauman, Z. (1995). Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford.

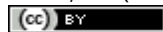
Nicshе, F. (2001). The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values. Moscow (in Russian).

-
- Pruzhinin, B.I. (1983). Historicization of methodological reflection of science and methodology / Gnoseology in the system of philosophical outlook. Moscow (in Russian).
- Puchkov, O.A. (1999). Anthropological comprehension of law. Ekaterinburg (in Russian).
- Tereshchenko, N.A., SHatunova, T.M. (2003). Postmodern as a situation of philosophizing. Saint Petersburg (in Russian).
- Vel'sh, V. (1992). Postmodernism: Genealogy and Meaning of a Controversial Concept. Put', 1, 113-182 (in Russian).
-

Citation:

Сорокин В.В. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 65-68.

Sorokin, V.V. (2022). Explanation of the law in the interpretation of postmodernism. Legal Linguistics, 26, 65–68.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К вопросу о параметризации понятия дискредитация в судебных психолого-лингвистических экспертизах

Е.А. Колтунова¹, С.В. Давыдов²

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
проспект Гагарина, 23, 603022, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ¹koltunova52@yandex.ru,
²sergej.davydov@googlemail.com*

Предметом исследования в статье послужили особенности применения понятия «речевая стратегия дискредитации» в процессе экспертной деятельности в рамках диспозиции статьи 20.3.3 КоАП РФ и статьи 280.3 УК РФ. Актуальность анализа обусловлена как достаточной неопределенностью психологических и лингвистических признаков понятия «дискредитация», так и нечеткой позицией законодателей и правоприменителей, вводящих это определение в нормы действующего законодательства и практику судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы. В ходе исследования выявляются значимые расхождения в общезыковой, научной и правоприменительной трактовках стратегии дискредитации. Подробно анализируются информационно-методические материалы ЭКЦ МВД РФ и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, связанные с экспертными подходами к анализу потенциально противоправных текстов (высказываний) в рамках диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, стратегия дискредитации, речевые средства, форма высказывания, заведомо ложная информация, коммуникативная направленность, целевая направленность, диагностический комплекс.

On Parametrization of the Concept of Defamation in Forensic Psychological and Linguistic Examinations

E.A. Koltunova¹, S.V. Davydov²

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., 603022, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ¹koltunova52@yandex.ru,
²sergej.davydov@googlemail.com*

The subject of the article is the peculiarities of the application of the concept of “speech strategy of defamation” in the process of expert examination as per Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the analysis is due to both the sufficient uncertainty of the psychological and linguistic features of the concept of “defamation”, and the fuzzy position of legislators and law enforcers, introducing this definition into the norms of the current legislation and the practice of forensic linguistic examination and complex psycholinguistic analyses. The study reveals significant differences in the general language, scientific and law enforcement interpretations of the strategy of defamation. In detail are analyzed the information resources and methodological materials of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Budgetary Institution of the Russian Federal Centre of Forensic Science under the Ministry of Justice of Russia, related to expert approaches to the analysis of potentially illegal texts (statements) as per articles 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: complex psychological and linguistic examination, defamation strategy, speech means, form of utterance, deliberately false information, communicative focus, goal, diagnostic complex.

Введение в правоприменительную практику новых «дискредитирующих» статей породило значительное количество экспертных подходов к анализу потенциально противоправных текстов. И даже публикация методических писем ЭКЦ МВД РФ [Информационное письмо 2022] и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ [Кузнецов, Секераж, Усов 2022] не сняла

проблему анализа речевой стратегии дискредитации в диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях».

В дискуссионном поле оказались несколько вопросов: а) определение объема понятия «дискредитация» (от фр. *discrediter* «подрывать доверие»); б) формулировка введенных 04.03.2022 года статей с «отсутствующим субъектом» использования вооруженных сил РФ; в) определение предмета речи конфликтного текста (высказывания); г) отношение к предмету речи; д) выявление речевой цели и др. Предлагаемая статья призвана проанализировать именно эти дискуссионные вопросы.

1. Объем понятия дискредитации, как отмечалось в ряде работ [см., например, Жарков, Константинова 2022], в лингвистике, психологии и праве не совпадает. В языкознании речевой акт (РА) дискредитации представляет собой стратегию планирующего типа, включающую в себя ряд специальных (коммуникативно-прагматических, содержательно-композиционных и речевых) признаков, то есть представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2009: 56, 93; Иссерс 2008: 181-182]. Коммуникативная направленность стратегии дискредитации – снижение «положительного образа» адресата или объекта дискредитации, подрыв доверия к кому-либо, умаление авторитета и значимости дискредитируемого лица, изменение мнения о нем, вызывание сомнения в его положительных качествах, создание образов врага или убийцы и т.д. Это речевое воздействие, в результате которого адресат или объект должен быть «обижен, причем несправедливо, оскорблен», должен «чувствовать себя объектом насмешки» [Иссерс 2009].

В отличие от лингвистики в психологии, как это часто случается в социальных науках, термин «дискредитация» не имеет устоявшейся собственно психологической специфики и наполнения этого понятия уникальным психологическим содержанием. Исключение составляет, пожалуй, лишь использование данного термина в рамках психопатологии, где дискредитация рассматривается как «вариант гиперкомпенсаторного поведения, при котором индивид упорно стремится обесценить значимость кого-либо в стремлении преодолеть собственный комплекс неполноценности» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике URL].

В рамках социальной психологии дискредитация рассматривается по-разному:

а) как одна из коммуникативных стратегий информационно-психологического воздействия, «характеризующая «чужих» в качестве одной из составляющих фантомного биполярного мира, целью которой является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение, а также ненависть и гнев к объекту речи» [Карапетян, Тагильцева 2017];

б) как результат такого воздействия, предполагающий «нарушение, насильственную, против воли человека, ломку психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я [Марченко, Маховская 2018];

в) как цель информационно-психологического воздействия, связанная с преднамеренным и целенаправленным вмешательством в процессы психического отражения действительности, направленная на формирование определенных эмоциональных состояний и типов поведения и в конечном счете заключающаяся в «подчинении объекта воздействия актору войны, а в предельном случае в его коммуникативном убийстве (полной дискредитации)» [Сковородников, Копнина 2016].

В целом же трактовка термина «дискредитация» в психологии вполне совпадает с общеязыковым значением: «подрыв доверия к кому-либо, умаление чьих-то авторитета, заслуг, способностей кого-либо, например, в силу политических мотивов» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике URL].

В правовой сфере термин «дискредитация» определен более узко. Так, в Законе о «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ сказано: «Не допускается недобросовестная конкуренция путем дискредитации, то есть распространения ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации...» (ст. 14.1). Следовательно, в понятие дискредитации включено распространение сведений, являющихся ложными, не соответствующими действительности.

Появление в марте 2022 года правовых новелл, связанных с проведением Специальной военной операции (СВО), дало новое понимание этого термина, так как заведомо ложная информация в диспозиции ст. 207.3 УК РФ была в значительной части отделена от понятия дискредитации (ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ), а информационные (инструктивно-методические) письма ЭКЦ МВД РФ и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте сформировали новые подходы к определению анализируемого понятия. Так, в письме ЭКЦ МВД к текстам дискредитирующего типа отнесены материалы, которые содержат «...информацию об осуществлении российскими военными (в том числе их командованием) на какой-либо территории действий, характеризующихся как преступные, захватнические, связанные с геноцидом, убийством мирных граждан и др. Это тексты, в которых содержатся речевые указания на совершение военными, например, таких действий, как: грабят, убивают, насилуют и др.; указывается на последствия данных действий. Кроме того, текст может содержать утверждения и (или) обоснование необходимости противодействовать использованию (функционированию) Вооруженных Сил Российской Федерации» [Информационное письмо 2022: 5]. Таким образом, в дефиницию дискредитации включены не только заведомо ложные сведения о действиях ВС РФ, но и оценочная, побудительная и обосновывающая информация.

В Методическом письме ФБУ РФЦСЭ при Минюсте [Кузнецов, Секераж, Усов 2022] рекомендовано по данным статьям проводить комплексные психолого-лингвистические экспертизы и основное внимание уделять предмету речи (ВС РФ и государственные органы), отношению к предмету речи (негативное), а также целевой составляющей

конфликтогенных речевых материалов.

Под дискредитацией в анализируемом документе понимаются «умышленные действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения в связи с использованием ВС РФ и исполнением государственными органами РФ своих полномочий в целях защиты интересов РФ и ее граждан в целях поддержания международного мира и безопасности» [Кузнецов, Секераж, Усов 2022: 6]. Немаловажным признаком дискредитации является также побуждение (призыв) к воспрепятствованию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан в целях поддержания международного мира и безопасности.

Таким образом, в компетенцию специалистов – лингвистов и психологов входит определение предмета речи: а) вооруженные силы РФ, б) государственные органы РФ. Кроме того, следует охарактеризовать отношение к предмету речи (негативное – подрыв доверия в добросовестности и правильности деяний ВС РФ и государственных органов РФ), а также выявить призывы и их содержание. Важнейшей частью анализа является характеристика речевой цели спорных высказываний.

Сравнительный анализ лингвистического, психологического и правового (специального с точки зрения экспертной теории и практики) понимания РА дискредитации указывает на определенные несовпадения: в общеязыковом и социально-психологическом значении стратегия дискредитации обладает значительно более широким набором признаков [Колтунова, Жарков 2021], нежели в правовой интерпретации. И если ранее в праве дискредитации соответствовали ложные сведения о предмете речи (ст. 14.1 ФЗ № 135), то в диспозиции новых статей к дискредитирующей информации относится: а) негативная информация (в том числе аргументативного типа), характеризующая цели СВО, а также действия ВС РФ и государственных органов; б) информация, содержащая негативные, заведомо ложные сведения о действиях ВС РФ и государственных органов; в) побудительная, убеждающая и обосновывающая информация, связанная с противодействием проведению СВО. Важнейшей общей дефиниционной особенностью понятия «дискредитация» являются речевые действия планирующего типа – то, что в праве характеризуется как «умышленные действия» – признак, квалификация которого находится исключительно в компетенции суда.

2. Как справедливо отмечается в ряде публикаций, формулировка первой части названия статей 20.3.3. КоАП РФ и 280.3 УК РФ («публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» не в полной мере соответствует нормам русского литературного языка как государственного (см., напр., [Жарков, Константинова, 2022]), что породило неоднозначность восприятия и допустило возможность различных интерпретаций диспозиции анализируемых статей вследствие несоблюдения основного требования к формулировкам правовых документов – однозначности. Точность и однозначность выражения мысли действительно являются важнейшими признаками юридического дискурса, однако определенность изложения в таких текстах зачастую требует различных уточнений, что влечет за собой употребление осложненных синтаксических структур – предложений с обособленными оборотами, а также конструкций с однородными членами, то есть сигнификативное значение номинативной единицы постоянно уточняется посредством введения дополнительных речевых средств. Рассматриваемые статьи (20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ) относятся к юридическому дискурсу, причем к его ядру, а не периферии, а законодательные тексты, как известно, отличаются клишированностью и интертекстуальностью, поэтому некая неопределенность значения спорного контекста снимается, если обратиться к прецедентному тексту – Постановлению Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22.02.2022 N 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации», в котором дается «согласие Президенту Российской Федерации на использование [выделено нами – Е.К., С.Д.] Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации на основе общепризнанных принципов и норм международного права», причем это согласие дано на основании обращения Президента Российской Федерации. В этой связи важно учитывать, что отвлеченное существительное «использование» может быть образовано не только от двувидового глагола «использовать», но и от возвратного, несовершенного вида «использоваться» – применяться где-либо кем-либо [Современный толковый словарь русского языка 2003: 251] и обозначать не только: «(а) собственно действие, названное мотивирующим глаголом; (б) единичный акт этого действия» [Жарков, Константинова 2022], но также «результат и продукт действия» [Русская грамматика, т.1 1980: 157-160]. Кроме того, страдательное залоговое значение реализуется и при отсутствии творительного производителя действия, если производителем действия мыслится коллектив, а не единичное лицо. Исходя из сказанного выше, представляется вполне логичным подход Т.Н. Секераж, которая полагает, что субъектом использования ВС РФ в диспозиции анализируемых правовых новелл является власть [Секераж 2022: 46].

Отмеченная неопределенность снимается также указанными выше информационно-методическими материалами, в которых однозначно устанавливается, что предметом дискредитации использования ВС являются не российские вооруженные силы и не государственные органы в целом, но их конкретная деятельность, связанная с осуществлением СВО: а) ВС РФ в период их использования в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; б) государственные органы Российской Федерации в период исполнения своих полномочий в указанных целях.

Таким образом, лозунговая информация, появившаяся в начальный период проведения СВО («Нет войне!», «Миру мир», «Мы против войны!» «Нет в***е»¹, «*** *****» и др.) не имеет предметом речи ни ВС РФ, ни государственные органы РФ. Тем более, вне связного контекста зачастую эксплицирует лишь эмоциональное восприятие происходящих событий, выражая таким образом страх, беспокойство, непонимание ситуации. Как справедливо отмечается в одной из публикаций, «к числу факторов, подлежащих обязательному учету в ходе психологического исследования спорных текстов, прямо или косвенно связанных с вопросами использования Вооруженных Сил Российской Федерации для проведения специальной военной операции, инициированной 24.02.2022, относятся возможные состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта, вызванные высокой степенью когнитивного диссонанса – несоответствия между двумя или более когнитивными элементами, взаимоисключающими друг друга. В основе функционирования когнитивного диссонанса лежит "стремление человеческого сознания к согласованности, непротиворечивости его когнитивных элементов"» [Жарков, Константинова 2022: 446]. В целом соглашаясь с позицией о необходимости учета состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта субъектов речи, мы бы не стали ограничиваться лишь когнитивным диссонансом в картине мира человека. Причины психоэмоционального напряжения могут быть весьма разнообразны: это и изначально плохие адаптивные навыки, и наличие определенных личностных черт – таких, как перфекционизм, авторитарность, амбициозность, и нарушение механизмов адаптации, связанное с изменением привычной картины мира, усложнением социальных условий жизни человека, с возникновением психотравмирующих ситуаций (потеря близких, тяжелая болезнь, финансовые проблемы, уголовное преследование и пр.), и субъективное восприятие уровня благополучия. Все это может способствовать накоплению негативных эмоций и формированию психоэмоционального напряжения и стресса, то есть требует учета при экспертном анализе.

3. Одним из значимых экспертных признаков в делах о дискредитации является оценка речевых средств, выражающих отношение к предмету речи. Важно обратить внимание на то, что оценка эта должна быть нормативной и социальной (указание на незаконность, преступность, направленность на насилие и причинение вреда; сравнение с действиями фашистов, агрессоров), а не реактивной, то есть эмоционально-экспрессивным средством самовыражения (Нет войне! Миру мир! Жесть какая!).

Информационно-методические материалы ЭКЦ МВД и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте акцентируют внимание на отрицательной оценке целей (с обоснованием их негативного характера) СВО. Указанная оценка должна реализовываться в речевом акте убеждения (ДК «Убеждение»). Убеждение как коммуникативная стратегия является существенным компонентом речевого воздействия. Убеждение способствует изменению, трансформации, модификации «картины мира» коммуниканта, которая является лишь частью объективной действительности и представляет собой знания, убеждения, веру, состояние коммуниканта. Убеждение неразрывно связано с понятием аргументации, которая является дополнительным доказательством, средством разъяснения реципиенту своих позиций. Коммуникативная стратегия убеждения реализуется в речи посредством ряда коммуникативных тактик, а именно: 1) тактики утверждения, введения каких-либо сведений; 2) тактики предложения и совета, когда говорящий не оказывает давление на слушающего; 3) тактики предупреждения и угрозы, сопровождающиеся максимумами действий из поля ментальных знаний адресанта о стандартных ситуациях, известных ему из общественной практики, и указанием на последствия, к которым приведет исполнение действий, планируемых для адресата; 4) тактика комплимента; 5) тактика просьбы и требования. Следует отметить, что тактика утверждения, включающая в себя элементы аргументации, является одной из наиболее распространенных. Необходимость использования «убеждающих» утверждений наступает тогда, когда существует разница в «картине мира» говорящего и «картине мира» слушающего. О.С. Иссерс считает, что в основе выделения указанных тактик лежат два признака: 1) количественный – т. е. продолжительность речевого действия и 2) качественный – т. е. средства воздействия [Иссерс 2008: 144]. Таким образом, речевой акт убеждения – это сложный, многокомпонентный («многоходовый») речевой акт, что следует учитывать при экспертной оценке потенциально противоправных текстов. Важно отметить еще один нюанс. Цель всегда тесно связана с результатом: цель – то, к чему стремятся, что намечено достигнуть, умысел, намерение, которое должно осуществить; результат – итог, следствие; то, что получилось по завершении какого-либо действия или процесса, вследствие этого действия или процесса [Кузнецов 2003: 697, 914]. К сожалению, цели не всегда совпадают с результатами (моделирование результата еще не является гарантией его получения), хотя связь целей и результатов очевидна. Является ли негативная оценка текущих результатов СВО столь же значимой, как оценка целей, поставленных Верховным главнокомандующим РФ? Полагаем, что в таких случаях крайне важно исследовать контекст для определения имплицитных оценок именно целей. Так, в известном проекте решения депутаты шестого созыва Муниципального Совета муниципального образования «Смольнинское» отсутствуют оценка целей СВО, но выражено отрицательное мнение (маркер – вводное словосочетание «По нашему мнению») относительно результатов специальной операции. В контексте «Одной из целей СВО была объявлена демилитаризация Украины. Однако достигнут обратный эффект. За время СВО Украина получила современную военную технику и средства в сумме на 38 миллиардов долларов. Это больше годового военного бюджета Канады или Польши» речевые средства, эксплицирующие негативную оценку этой цели СВО, отсутствуют, однако выявляется

¹ Тюменский областной суд оправдал девушку, которая во время митинга против частичной мобилизации написала мелками на асфальте «Нет в***е» на площади Единства и согласия в Тюмени. Девушке удалось убедить суд, что она имела в виду «Нет воле», так как терпеть не может эту рыбу.

отрицательная оценка результата, выраженная в том числе и связанным словосочетанием «обратный эффект», то есть «направленный в противоположную по сравнению с поставленной целью сторону».

4. Как отмечалось выше, важнейшим признаком стратегии дискредитации являются речевые действия планирующего типа; следовательно, одним из самых значимых для правовой квалификации продуктов речевой деятельности признаков является целевая направленность (цель) потенциально делинквентных высказываний. Исходя из диспозиции анализируемых («дискредитирующих») статей, основная цель, маркирующая противоправные суждения, — противодействие использованию ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, а также в целях поддержания международного мира и безопасности. В методических материалах ФБУ РФЦСЭ при Минюсте указанная цель формулируется в диагностическом комплексе (ДК) «Побуждение (в том числе в форме призыва)». Диагностический комплекс (ДК) «Убеждение» эксплицирует противоправную цель – «убеждение, то есть побуждение к изменению мнения о том, что цели использования ВС России не соответствуют обозначенным» [Кузнецов, Секераж, Усов 2022: 7, 9, 10]. Информационное письмо ЭКЦ МВД в качестве целевой направленности «дискредитирующего» речевого материала называет направленность «на выражение негативной оценки объекта, а также приведение доводов в качестве обоснования такой позиции» [Инструктивное письмо 2022: 5].

Действительно проблема целеполагания в психологии является одной из ключевых, особенно по отношению к процессам мышления, так как специфика мышления состоит во внутренней направленности субъекта на достижение цели, в поиске ответа на поставленный вопрос, в решении задачи [Петухов 1987]. В рамках когнитивной психологии целеполагание рассматривается в качестве ведущей когнитивной деятельности. Причем проводятся различия между: (а) глобальными целями (достижение которых сложно верифицировать) и специфическими (которые могут быть весьма точно описаны и оценены субъектом в отношении степени их реализации); (б) имплицитными (неосознаваемыми) и эксплицитными (осознаваемыми) целями [Дернер 1997].

В отечественной психологической традиции под термином «цель» понимается именно осознанный образ превосходящего будущего результата, на достижение которого направлено действие человека (см., напр., [Леонтьев 1975]). Цель, таким образом, тесно связана с действием, так как «действие является процессом, подчиненным представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчиненный сознательной цели» [Леонтьев 1975]. Причем развернутая деятельность предполагает достижение целого ряда конкретных целей, что позволяет говорить о выделении частных целей из общей: в этом случае «роль общей цели начинает играть осознанный мотив, который благодаря его осознанности превращается в мотив-цель» [Леонтьев 1975]. Кроме того, понятие цели также употребляется и в значении формального описания конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система. Существующее разнообразие определений понятия «цель» показывает, что его дефиниции довольно неоднозначны и связаны с разными теоретическими интерпретациями данного понятия в рамках психологии.

В психолингвистике, находящейся на стыке психологии и лингвистики, субъективное желание говорящего строить высказывания с определенной целью, его коммуникативное намерение, целевая установка обозначаются понятием «интенция». Интенция формируется под влиянием мотива и, проходя стадию осознанности, получает соответствующую речевую реализацию, превращаясь в коммуникативную цель, т. е. будучи реализованной в тексте по своей сути она является целевой установкой высказывания. Целевая направленность речевой деятельности означает, что любой акт речевой деятельности характеризуется конечной, а любое речевое действие – промежуточной целью, выраженной в коммуникативном влиянии, достижение которой, как правило, планируется субъектом заранее [Поминов 2015].

В анализируемых информационно-методических материалах ЭКЦ МВД и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте представлена точка зрения, связанная с таким взглядом на понятие цели, при котором (как указывает [Секераж, 2022: 46]) «в целевом компоненте высказывания должна быть выражена (в том числе имплицитно) речевая цель «убеждение», т. е. побуждение к изменению мнения в том, что цели использования ВС России не соответствуют обозначенным» – т. е. законодательно обозначенным целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, а направлены на формирование «негативного образа ВС России и негативного эмоционально-смыслового отношения к их действиям». При этом особое внимание рекомендовано обращать, прежде всего, на наличие аргументации и инициирование эмоциональных реакций: страха, тревоги, стыда, агрессии, чувства вины и т. д. Именно поэтому выявление целевой установки речевых высказываний в аспекте возможной направленности на дискредитацию ВС РФ предлагается определять нацеленностью текста на убеждение адресата (в негативном характере целей использования ВС России либо целей исполнения государственными органами РФ своих полномочий (т. е. дискредитации) и на «побуждение (в том числе в форме призыва)» к противодействию функционированию ВС России и (или) государственных органов России в связи с проведением СВО. В целом такой подход представляется вполне логичным, однако в то же время необходимо отметить, что используемые в качестве референтного признака «цели защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности» являются по сути глобальными целями, достижение которых, как было указано ранее, сложно верифицировать, что может создавать проблемы и в отношении верификации противоположных речевых целей, анализируемых в рамках новых «дискредитирующих статей».

Таким образом, следует заключить, что понятие «дискредитация» в диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ в современной экспертной практике не является устоявшимся и однозначным: оно не включает в себя всех признаков речевой стратегии дискредитации и не является идентичным даже в трактовке экспертных центров МВД и Минюста, что значительно затрудняет работу экспертов. Психолого-лингвистические параметры понятия

«дискредитация» в аспекте его применения в правовых коллизиях законодательных новелл нуждаются в существенном уточнении. Полагаем, что в его основу могут быть положены такие признаки, как: а) речевой акт планирующего типа, б) наличие заведомо ложной информации (информации, не соответствующей действительности, выраженной в форме утверждения); в) социальная (в т. ч. аргументативная) негативная оценка предмета речи и (или) его действий.

Важно обратить внимание на то, что дефиниционная точность относится к числу существенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения проблем, связанных с исследованием потенциально противоправных речевых материалов, так как в ст. 8 Федерального закона №73-ФЗ эксплицировано следующее требование: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Объективность исследования, а также проверяемость полученных в ходе экспертного анализа выводов являются важнейшими общими принципами научного познания, а ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим специалистом или учреждением.

Литература

- Аношина Е.Ю.* Речевая стратегия дискредитации в текстах русскоязычных интернет-блогов / Инновационная наука. – 2016. – №. 10-3. – С. 86-89.
- Дернер Д.* Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М., 1997.
- Жарков И.В., Константинова В.В.* Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения / Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 3.
- Информационное письмо «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан». ЭКЦ МВД России, 2022.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие: Учебное пособие. М., 2009.
- Карапетян А.А., Тагильцева Ю.Р.* Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации" врага" / Политическая лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 235-240.
- Колтунова Е.А., Жарков И.В.* О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации / Неофилология. – 2022. Т. 8. – № 2. – С.218-227.
- Кузнецов В.О., Секераж Т.Н., Усов А.И.* Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования ВС РФ» (Утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 2 от 17 июня 2022 года).
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Марченко Ф.О., Маховская О.И.* Соотношение агрессии и нарциссизма в сетевых молодежных группах: на примере кибербуллинга (cyberbullying) / Человек в условиях неопределенности. – 2018. – С. 50-55.
- Петухов В.В.* Психология мышления. М., 1987.
- Поминов А.В.* Содержание психолингвистического исследования при производстве экспертиз по уголовным делам экстремистской направленности / Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 152-159.
- Руженцева Н.Б.* Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Монография. Екатеринбург, 2004.
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. – Т. 1.
- Секераж Т.Н.* Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т.17. – № 2. – С. 41-48.
- Сивораक्षा М.А.* Дискредитация как разновидность конфликтного общения / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 18. – № 44.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А.* О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны / Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 238-258.
- Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.
- Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/5854
- Leech G.H.* Principles of Pragmatics. London, 1996. Pp. 104-105.

References

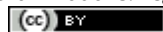
- Anoshina, E.Yu. (2016). Speech strategy of discrediting in the texts of Russian-language Internet blogs. Innovative science, 10-3, 86-89 (in Russian).

- Derner, D. (1997). The logic of failure. Strategic thinking in difficult situations. Moscow (in Russian).
- Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy. (2013). Available from: https://psychology_pedagogy.academic.ru/5854/%D0%94%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (in Russian)
- Information letter "On the peculiarities of the appointment and conduct of linguistic examinations (research) of materials related to the dissemination of deliberately false information regarding the Armed Forces of the Russian Federation and the discrediting of their actions, as well as calls for the introduction of restrictive measures against the Russian Federation and its citizens". ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022 (in Russian).
- Issers, O.S. (2012). Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow (in Russian).
- Karapetyan, A.A., Tagiltseva, Yu.R. (2017). The principle of intolerance as a psychological basis of extremist discourse: communicative tactics and methods of discrediting the "enemy". *Political Linguistics*, 6, 235-240 (in Russian).
- Koltunova, E.A., Zharkov, I.V. (2022). On the limits of application in linguoexpert practice of the concept of speech strategy of discrediting. *Neophilology*, 8, 2 (in Russian).
- Kuznetsov, V.O., Sekerazh, T.N., Usov, A.I. Methodological letter "On the features of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting of the use of the RF Armed Forces" (Approved by the Scientific and Methodological Council of the FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, protocol No. 2 dated June 17, 2022) (in Russian).
- Leech, G.H. (1996). *Principles of Pragmatics*. London, 104-105.
- Leontiev, A.N. (1975). *Activity, consciousness, personality*. Moscow (in Russian).
- Marchenko, F.O., Makhovskaya, O.I. (2018). Correlation of aggression and narcissism in online youth groups: on the example of cyberbullying. *Man in conditions of uncertainty*, 50-55 (in Russian).
- Modern explanatory dictionary of the Russian language / ed. prof. S. A. Kuznetsova. (2003). St. Petersburg (in Russian).
- Petukhov, V.V. (1987). *Psychology of thinking*. Moscow (in Russian).
- Pominov, A.V. (2015). The content of psycholinguistic research in the production of expertise in criminal cases of an extremist orientation. *Applied Legal Psychology*, 3, 152-159 (in Russian).
- Russian grammar / ed. prof. N. Yu. Shvedova. (1980). Moscow, 1 (in Russian).
- Ruzhentseva, N.B. (2004). *Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse*. Monograph. Yekaterinburg .
- Sekerazh, T.N. (2022). A methodical approach to the study of information materials related to the public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation. *Theory and practice of forensic examination*, 17, 2, 41-48 (in Russian).
- Sivoraksha, M.A. (2007). Discrediting as a kind of conflict communication. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen*, 18, 44 (in Russian).
- Skovorodnikov, A.P., Kopnina, G.A. (2016). On the psychological foundations of linguistics of information-psychological warfare. *Ecology of language and communicative practice*, 2, 238-258 (in Russian).
- Zharkov, I.V., Konstantinova, V.V. (2022). Typical expert tasks in court cases under articles 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and possible methods for their solution. *Neophilology*, 8, 3 (in Russian).

Citation:

Колтунова Е.А., Давыдов С.В. К вопросу о параметризации понятия дискредитация в судебных психолого-лингвистических экспертизах // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 69-75.

Koltunova E.A., Davydov S.V. (2022). On the issue of parametrization of the discrediting concept in forensic psychological and linguistic examinations. *Legal Linguistics*, 26, 69-75.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Конфликтотенный потенциал феномена доминирования в юрислингвистическом аспекте

И.А. Зюбина

Южный федеральный университет

Ул. Большая Садовая, 105/42, 344006, г. Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: iazyubina@sfedu.ru

Статья посвящена экспертной проверке адекватности восприятия конфликтотенного потенциала асоциального коммуникативного доминирования российских парламентариев. Материалом исследования явились тексты-монологи отчетных выступлений парламентариев, руководителей и представителей фракций политических партий (Единой России, КПРФ и ЛДПР), из стенограммы заключительного в 2021 году заседания Государственной Думы. В результате лингвистического анализа выявлено использование парламентариями инвективной стратегии, реализующейся посредством соответствующих тактик: подчеркивания своих заслуг, противопоставления другим, навязывания своей точки зрения, иронии. Данные тактики актуализируются в косвенной форме. Проведенный направленный эксперимент с участием представителей молодого поколения показал, что 80 % студентов и 75 % молодых людей без высшего образования отреагировали на предоставленные стимулы потенциального конфликтотена вхождением в конфликт и лишь 20 % представителей молодежи с высшим образованием и 25 % респондентов без высшего образования нивелировали конфликт, что выявляет конфликтотенный потенциал тактик инвективной коммуникативной стратегии, выраженных в косвенной форме. Кроме того, наблюдается тенденция к большей реакции на конфликтотенный потенциал у представителей молодого поколения, имеющих высшее или незаконченное высшее филологическое образование, нежели у респондентов без высшего образования.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативное доминирование, конфликтотен, инвективная коммуникативная стратегия и ее тактики.

Conflictogenic Potential of the Dominance Phenomenon in the Jurislinguistic Aspect

I.A. Zyubina

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: iazyubina@sfedu.ru

The aim of this study is an expert verification of the conflict potential perception of the Russian parliamentarians' asocial communicative dominance, expressed by an invective communicative strategy in direct and indirect forms. The relevance of the study is determined by the interest of modern scientists for the problems of political discourse; the issues of conflict and conflictogen from the standpoint of Legal Linguistics, Pragmalinguistics and Sociolinguistics; the study of the actualization of psychological personality traits in the speech behavior of the individual. The material of the study is the parliamentarians' reporting speeches in a form of a monologue from the transcript of the final session of the State Duma in 2021. These politicians are the leaders and representatives of the Russian political parties: Yedinaya Rossiya, KPRF, LDPR. As a result of the linguistic analysis, the use of an invective strategy by the parliamentarians was revealed, which is implemented through the corresponding tactics: emphasizing one's own merits, opposing others, imposing one's own point of view, irony. These tactics are implemented in an indirect form. A focussed experiment with the participation of the younger generation representatives showed that 80 % of the students and 75 % of the young people without higher education responded to the incentives provided by a potential conflict generator by entering into a conflict, and only 20 % of the young people with higher education and 25 % of the respondents without higher education leveled the conflict, which reveals the conflictogenic potential of the invective communicative strategy tactics, expressed in an indirect form. In addition, there is a tendency for a stronger reaction to conflict potential among the representatives of the younger generation who have higher or incomplete higher philological education than among respondents without higher education.

Key words: political discourse, communicative dominance, conflictogen, invective communicative strategy and its tactics.

Цель данной статьи – экспертная проверка адекватности восприятия конфликтогенного потенциала асоциального коммуникативного доминирования российских парламентариев, выраженного с помощью инвективной коммуникативной стратегии в косвенной форме.

С помощью инвективной коммуникативной стратегии говорящий, употребляя некоторые средства языка, преступает существующие этико-речевые нормы языка с целью реализации коммуникативной интенции угнетения адресата. Интенция говорящего в данных речевых актах объясняет одну из основных функций инвективы – прагматическую, заключающуюся в оказании определенного перлокутивного эффекта, воздействия на адресата, а именно унизить, обидеть, оскорбить, эмоционально подавить его.

Под термином «доминирование» понимается физическое доминирование, которое выражает превосходство [Hodges-Simeon 2010], социальное доминирование с позиции власти и статуса [Kuwabara 2015], эмоциональные реакции доминирования, проявляющиеся в естественных или социальных ситуациях [Li 2017: 755].

С позиции психологии «определение поведения доминирования в исследованиях у людей, как правило, шире, чем в этологии зоосоциального поведения. Выделяется две оси в этой системе: доминирование/подчинение и дружелюбность/враждебность. Доминирование в сочетании с враждебностью может приводить к асоциальным стратегиям для получения материальных и социальных ресурсов: угрозы подчиненным, манипулятивное поведение, запугивание, а также социальная или физическая агрессия. Доминирование в сочетании с дружелюбностью приводит к просоциальным формам взаимоотношений, таким как сотрудничество и создание союзов, реципрокный обмен ресурсами, вовлечение в социально значимое поведение, лидерство и соучастие в деятельности группы» [Муртазина 2018].

Лингвоконфликтологию интересует первое направление доминантного поведения у людей, проявляющееся в доминировании в сочетании с негативной оценочностью, так как именно в высказываниях таких адресантов, актуализирующих конфронтационные стратегии, может содержаться состав языковых правонарушений, поскольку «первичным показателем «неприличности» (инвективности) языковой единицы является наличие негативного эмоционально-оценочного компонента значения» [Меликян 2019: 7].

Доминирование в сочетании с враждебностью проявляется в конфронтации и не нацелено на кооперацию, что является реализацией конфликтогенного коммуникативного поведения. Прямая форма конфликтогенного доминирования является результатом коммуникативного акта, в котором в составе иллокуции содержится открытая, очевидная враждебность. По нашему мнению, конфликтогенный потенциал феномена доминирования проявляется и в косвенной форме доминирования в не прямой речевой агрессии. Речь идет о негативной иллокуции, которая не выводится из суммы всех значений компонентов высказывания [Матвеева 2019]. В косвенных речевых актах «на первое место выдвигается проблема их интерпретации адресатом и наблюдателем, основывающейся на ряде presupпозиций, постулатов и презумпций» [Дементьев 2006: 120].

Проблемами интерпретации конфликтогенности занимается ряд ученых [Балясникова 2015; Голев 2002, 2007; Ким 2017; Макаренко 2016; Махина 2016; Burton 1990 и др.]. В рамках данного исследования для иллюстрации конфликтогенного потенциала высказываний политиков был проведен эксперимент, целью которого стало выявление перлокутивного эффекта в реакциях на стимул у представителей молодого поколения, являющихся будущим нашей страны. Целевая аудитория данного эксперимента – это 48 респондентов в возрасте от 18 до 27 лет, 25 человек с высшим или незаконченным высшим образованием и 23 человека без высшего образования. Материалом послужили высказывания политиков на заключительном в 2021 году заседании Государственной Думы РФ [Стенограмма заседаний 22 декабря 2021 г.], каждый пример с позиции лингвиста характеризуется определенным конфликтогенным потенциалом, наличие которого и следовало подтвердить или опровергнуть. Респондентам предстояло отреагировать на вопрос: «Какова Ваша реакция на данные фразы парламентария?» В полученных ответах зафиксированы два вида реакций на порождение конфликта: молодые люди либо входили в конфликт, либо пытались его нивелировать.

В рамках данной статьи приведем по одному примеру реакций респондентов на тактики инвективной коммуникативной стратегии в результате проведенного эксперимента по выявлению конфликтогенного характера порождения текстов в политическом дискурсе.

Главный объект рефлексии первого конфликтогенного высказывания – это подчеркивание своих заслуг: Я вот одному человеку подарок решил сделать к Новому году, в 80 тысяч обошелся, – зарплата позволяет. Делайте это! Вот прозвучало – я и реагирую (В. А. Васильев).

84 % ответов молодых людей с высшим или незаконченным высшим образованием (21 человек) связаны с вхождением в конфликт. Вот некоторые ответные реакции: «Что за дешевый пиар?», «Впечатление, что политик превозносит себя над другими, еще и уточняет сумму», «Хвастаться подкупом избирателей – это нормально? Молодец!». Меньшая часть респондентов, 4 человека (16 %), проявила положительное отношение к сказанному: «Если позволяет, то ОК», «Я бы тоже так сделал».

Среди участников без высшего образования процент вхождения в конфликт меньше на 6 %: 18 человек (78,3 %). Например: «А что так мало с вашими миллионами?», «Хочешь, делай. Зачем хвастаться?». 21,7 % молодых людей данной группы (5 человек) спокойно отнеслись к подчеркиванию своих заслуг В. А. Васильевым: «Хороший поступок, всем бы депутатам так делать», «Повезло мужику» и др.

Подчеркивание своих заслуг В. А. Васильевым, сочетающееся с поучением-призывом делать также, приводит к раздражению среди большей части реципиентов обеих групп, несмотря на кажущиеся благие намерения адресанта. Можно предположить, что реакция коллег-парламентариев будет отличаться еще большим вхождением в конфликт,

поскольку с психологической точки зрения восторженное повествование о своих же достижениях и успехах воспринимается как хвастовство, особенно среди равных людей такое поведение воспринимается с раздражением, так как в среде равных по статусу (в нашем случае непосредственные адресаты – это представители думских фракций Парламента РФ) превосходство ведет к конфликту.

Второй пример косвенной формы конфликтогенного доминирования, проявляющейся в не прямой речевой агрессии – это тактика противопоставления другим. Например:

Просто это должны понимать наши избиратели – вы-то все это понимаете: нельзя сегодня семье сразу купить машину, построить дом, дать образование всем. Я не знаю, есть ли такие семьи, которые могут все и сразу, надо делать последовательно. Мы это делаем публично. ... На каждую школу выделили по 2 миллиона, а остальное собирали с народа – и сделали не 100 школ, а 300 школ. Народ нас удивил (В. А. Васильев).

Развитие конфликта среди людей с высшим образованием как реакция на слова В. А. Васильева реализовано у 19 респондентов (76 %), например: «А почему Вы не знаете? Вас выбирали эти люди», «Вы делите на "простых людей" и "депутатов". Ставьте себя выше только из-за статуса», «Легко рассуждать с вашей зарплатой». И только у шестерых (24 %) отсутствует отрицательный настрой, к примеру: «Да, везде должна быть последовательность».

Вступление в конфликт по разным поводам выбрали 16 респондентов без высшего образования в качестве участников эксперимента (69,6 %): «Фарисейство. Народ последние крохи отдает, чтобы выполнить функции государства», «Народу важнее страна, чем нашим "богам"», «Перекалывание ответственности (своих обязанностей) на народ», «Народ нас удивил. А вы уже не народ?». Меньшая часть, 7 человек (30,4 %), не отреагировала на конфликтогенное высказывание, например: «Да, народ у нас хороший».

Результаты эксперимента по выявлению реакции респондентов на примеры имплицитного противопоставления другим показывают, что политик актуализирует превосходство, дистанцируя себя и своих коллег от других людей. В. А. Васильев противопоставляет парламентариев российскому народу, что не свидетельствует о просоциальных взаимоотношениях, а говорит о проявлении политиком конфликтогенного доминантного речевого поведения.

Третья тактика инвективной коммуникативной стратегии, выражающейся в косвенной форме конфликтогенного доминирования, проявляется в не прямой речевой агрессии – это навязывание своей точки зрения. Приведем пример из выступления политика: Поэтому когда подбираете кадры, подбирайте так, чтобы ни детей, ни жены, ни мужа – никого; чтобы был такой холостяк заядлый, детдомовский какой-нибудь, чтобы он только работал день и ночь, и никаких семейных дел (В. В. Жириновский).

24 ответа респондентов с высшим образованием (96 %) связаны с несогласием с политиком. Молодые люди бурно отреагировали на навязывание В. В. Жириновским своей точки зрения: «Бред! Ни один политик не будет иметь представления о жизни населения, если он будет зациклен исключительно на работе», «Говорящий ставит себя выше определенной группы людей, утверждая, что эти "холостяки", "детдомовские" обязаны много работать, ведь им это по статусу, а такие, как он уже могут и работать, и заниматься семейными делами». Всего один представитель данной группы, что составляет 4 % от общего количества, избежал отрицательного оценивания слов парламентария: «Подбор кадров – это работа профессионалов».

Практически идентичная картина сложилась у молодых людей без высшего образования: 95,7 % (22 человека) актуализировали вхождение в конфликт («Это глупость, это невозможно, это дискриминация», «А с чего такие шаблоны? Что холостяк и детдомовский будет лучше работать?», «Что вы несете? Как семья может мешать?») и только один человек (4,3 %) нивелировал конфликт: «Хорошо, что мне это делать не нужно».

Асоциальное доминирование проявляется в навязывании В. В. Жириновским антисемейных ценностей. Практически стопроцентное вхождение в конфликт участниками эксперимента на почве несогласия с навязываемой позицией адресанта свидетельствует о конфликтогенном характере высказывания. Связано это, скорее всего, с излишней самоуверенностью адресанта, что, как правило, приводит к желанию у оппонента подвергнуть сомнению предоставленную информацию либо оспорить сказанное. Как нам представляется, в подобной ситуации с коллегами по Думе реакция на тактику навязывания своей позиции будет отличаться конфликтогенным характером.

Четвертым видом не прямой формы конфликтогенного доминирования является коммуникативная тактика иронии. Приведем пример из выступления Г. А. Зюганова: Прокурору обращение от 336 человек вручил наш великолепный прокурор Синельщиков ... (Г. А. Зюганов).

Наличие конфликтогена определили 16 испытуемых, имеющих высшее образование (64 %). Вот некоторые ответные реакции: «Злая ирония», «Прямо ваш?», «И в чем же его великолепие?». Остальные 9 респондентов (36 %) не уловили ироничного подтекста, например: «Не знаю такого прокурора», «Может, он хочет расположить прокурора к себе?».

Что касается реакций на потенциальный конфликтоген среди людей без высшего образования, то 13 человек (56,5 %) уловили иронию в словах Г. А. Зюганова, например: «Съезвить изволите?», «Если бы мне так сказали, я бы обиделась». 10 респондентов данной группы (43,5 %) отнеслись к сказанному нейтрально: «И что в этом такого?», «Я не в теме».

Конфликтогенность в данном случае порождается иронической структурой высказывания, выраженной с помощью инклюзивного притяжательного местоимения «наш» и оценочного эпитета «великолепный», передающих снисхождение в сочетании с имитацией доброжелательности. Ирония декодирует асоциальные отношения Г.А. Зюганова и данного прокурора, указывая на обратный смысл высказывания. Подобная ирония свидетельствует о проявлении доминирования и обладает конфликтогенным потенциалом.

Таким образом, в рассмотренных публичных выступлениях политиков наблюдается доминантный тип поведения, актуализирующий конфликтогенное поведение с помощью инвективной стратегии посредством соответствующих

тактик: подчеркивания своих заслуг, противопоставления другим, навязывания своей точки зрения, иронии, реализующихся в косвенной форме. Для иллюстрации асоциального доминирования парламентариев был проведен эксперимент, направленный на анализ конфликтогенного текстопорождения в политическом дискурсе. Данный эксперимент показал, что 80 % студентов и 75 % молодых людей без высшего образования отреагировали на предоставленные стимулы потенциального конфликтогена вхождением в конфликт, и лишь 20 % представителей молодежи с высшим образованием и 25 % респондентов без высшего образования нивелировали конфликт, что выявляет конфликтогенный потенциал тактик инвективной коммуникативной стратегии, выраженных в косвенной форме. Интересно отметить, что прослеживается определенная закономерность, связанная с вхождением в конфликт: у представителей молодого поколения, имеющих высшее или незаконченное высшее филологическое образование, реакция на конфликтогенный потенциал выше, чем у респондентов без высшего образования.

Литература

- Баясникова О.В.* Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтогенного текста / Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2015. № 13(4). - С. 22-27.
- Голев Н.Д.* Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. - С. 125-134.
- Голев Н.Д.* Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов). Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск, 2007. - С. 20-30.
- Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Ким Г.В.* Признаки отдельных видов конфликтогенного текста (на примере материалов региональной судебной практики) / Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. - 2017. № 27. - С. 100-103.
- Макаренко Г.С.* Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтогенности публицистического текста / Вестник Башкирского университета. - 2016. № 1(21). - С. 192-195.
- Матвеева Г.Г., Зюбина И.А.* Скрытое значение, скрытый смысл и нюансы смысла в коммуникации / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2019. - № 2(135). - С. 85-92.
- Махина Л.А.* Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтогенных текстов / Litera. - 2016. - № 4. - С. 1-10.
- Меликян В.Ю.* Методология и практика юридизации инвективной лексики / Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. - 2019. - № 9. - С. 5-26.
- Муртазина Е.П.* Взаимосвязи характеристик системы поведенческого доминирования и психопатологических состояний человека / Современные проблемы науки и образования. - 2018. - № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28328>
- Стенограмма заседаний 22 декабря 2021 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5765/>
- Burton J.W.* Conflict: Resolution and Prevention. New York, 1990.
- Hodges-Simeon C.R., Gaulin S.J.C., Puts D.A.* Different vocal parameters predict perceptions of dominance and attractiveness / Human Nature. - 2010. - № 21(4). - Pp. 406-427.
- Kuwabara K., Yu S., Lee A.J., Galinsky A.D.* Status decreases dominance in the west but increases dominance in the east / Psychological Science. - 2015. № 27. - Pp. 127-137.
- Li X., Ye Q., Yang G.* The lack of dominance and choice deferral: Choosing to defer to cope with the feeling of being out of control / The Journal of Social Psychology. - 2017. - № 6(157). - С. 754-765.

References

- Balyasnikova, O. V. (2015). The experience of psycholinguistic research of the meaning of one of the key words of the conflict text. Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: Linguistics and intercultural communication, 13(4), 22-27 (in Russian).
- Burton, J. W. (1990). Conflict: Resolution and Prevention. New York.
- Dementiev, V. V. (2006). Indirect communication. Moscow (in Russian).
- Golev, N. D. (2002). Legal regulation of speech conflicts and jurilinguistic expertise of conflict texts. Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects. Barnaul, 125-134 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Jurilinguistics and linguoconflictology (to the typology of language conflicts). Modern Philology: Actual Problems, Theory and Practice. Krasnoyarsk, 20-30 (in Russian).
- Hodges-Simeon, C. R., Gaulin, S. J. C., Puts, D. A. (2010). Different vocal parameters predict perceptions of dominance and attractiveness. Human Nature, 21(4), 406-427.
- Kim, G. V. (2017). Signs of certain types of conflict text (on the example of materials of regional judicial practice). Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at the university and school, 27, 100-103 (in Russian).

- Kuwabara, K., Yu, S., Lee, A. J., Galinsky, A. D. (2015). Status decreases dominance in the west but increases dominance in the east. *Psychological Science*, 27, 127-137.
- Li, X., Ye, Q., Yang, G. (2017). The lack of dominance and choice deferral: Choosing to defer to cope with the feeling of being out of control. *The Journal of Social Psychology*, 6 (157), 754-765.
- Makarenko, G. S. (2016). Explicit and implicit markers of the conflict potential of a journalistic text. *Bulletin of the Bashkir University*, 1(21), 192-195 (in Russian).
- Makhina, L. A. (2016). Statements with negative appraisal as elements of the structure and meaning of conflict texts. *Litera*, 4, 1-10 (in Russian).
- Matveeva, G. G., Zyubina, I. A. (2019). Hidden meaning and nuances of meaning in communication. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(135), 85-92 (in Russian).
- Melikyan, V. Yu. (2019). Methodology and practice of legalization of invective vocabulary. *Language and Law: Actual Problems of Interaction*, 9, 5-26 (in Russian).
- Murtazina, E. P. (2018). Interrelations between the characteristics of the system of behavioral dominance and psychopathological states of a person. *Modern problems of science and education*, 6. Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28328> (in Russian).
- Transcript of the meetings of December 22, 2021. Available from: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5765/> (in Russian).

Citation:

Зюбина И.А. Конфликтогенный потенциал феномена доминирования в юрислингвистическом аспекте // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 76-80.

Zyubina I.A. (2022). Conflictogenic potential of the dominance phenomenon in the jurislinguistic aspect. *Legal Linguistics*, 26, 76–80.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

«За гранью»: трэш-журналистика на грани коммуникативных норм

М.А. Деминова¹, А.А. Чугулова²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹m.deminova@mail.ru, ²chugulovaa@bk.ru

Диапазон функций современной журналистики расширился, теперь она не только информирует, но и воздействует, используя при этом весь арсенал средств выразительности. Эмоционально заряженный текст оказывает на нас гораздо большее воздействие. Трэш – это то, что бросается в глаза, привлекает внимание, шокирует, трансформирует привычные формы. Главное в таких материалах – оценка, и, что особенно интересно, эта оценка всегда носит демонстративно-личностный характер. В трэш-журналистике задача автора – изменить картину мира читателя, заставить его принять авторский, в данном случае всегда неординарный взгляд на мир. Трэш-журналистика представляет собой довольно многофункциональное явление, отвечающее требованиям экстремальности, сенсационности и извращенности. Ее отличает способность выполнять несколько задач одновременно. Например, телевизионная программа может информировать, вещать об острых социальных проблемах и даже предлагать альтернативное решение этих проблем и параллельно стараться развлечь зрителя. Пафос смеха всегда остается доминирующим. Трэш-журналистика дает зрителю возможность испытать острые ощущения, а зритель, часто сам того не замечая, поддается этому искушению. В статье рассмотрены основные черты трэш-журналистики на материале ток-шоу «За гранью» (телевизионный канал НТВ): связь содержания контента с культурой повседневности, обращение к телесному, к проблемам и потребностям «низа», культивирование эстетики безобразного, привлечение внимания к событиям, отвечающим принципам сенсационности и экстремальности, патологии и извращенности. Ток-шоу «За гранью» отличается свободой подачи информации, законы медиакommunikации и медиасодержания отрицаются, реальность симулируется.

Ключевые слова: медиапространство, коммуникация, трэш-журналистика, ток-шоу, манипуляция.

"Beyond": Trash Journalism on the Verge of Communicative Norms

M.A. Deminova¹, A.A. Chugulova²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹m.deminova@mail.ru, ²chugulovaa@bk.ru

The range of functions of modern journalism has expanded, now it not only informs, but also influences, using the entire arsenal of expressive means. Emotionally charged text has a much greater impact on us. Trash is something that catches the eye, attracts attention, shocks, transforms familiar forms. The main thing in such materials is the assessment, and, what is especially interesting, this assessment is always demonstrative and personal in nature. In trash journalism, the author's task is to change the reader's picture of the world, to force him to accept the author's, in this case, always an extraordinary view of the world. Trash journalism is a fairly multifunctional phenomenon that meets the requirements of extremeness, sensationalism and perversion. It is distinguished by the ability to perform several tasks at the same time. For example, a television program can inform, broadcast about acute social problems, and even offer an alternative solution to these problems, while at the same time trying to entertain the viewer. The pathos of laughter always remains dominant. Trash journalism gives the viewer the opportunity to experience the thrill, and the viewer, often without noticing it, succumbs to this temptation. The article discusses the main features of trash journalism based on the material of the talk show "Beyond the Border" (NTV television channel): the connection of content content with the culture of everyday life, appeal to the bodily, to the problems and needs of the "bottom", the cultivation of the aesthetics of the ugly, drawing attention to events, corresponding to the principles of sensationalism and extremeness, pathology and perversity. The talk show "Beyond" is

distinguished by the freedom of information presentation, the laws of media communication and media content are denied, the reality is simulated.

Key words: mediaspace, communication, trash journalism, talk show, manipulation.

Родиной телевизионной философии трэш-журналистики является Америка. Суть философии заключалась в том, чтобы делать события реальной жизни как можно более драматичными и занимательными. Примером могут послужить такие проекты, как «Я очевидец», «Самое смешное любительское видео Америки». Вскоре этот жанр перекочевал на отечественное телевидение. Появление обусловлено ситуацией информационных войн второй половины 90-х гг. XX в., когда изменились отношения между массовой аудиторией и журналистами – пропало прежнее доверие.

Законодателем стиля стало «новое» НТВ. Это самое масштабное на российском телевидении трэш-производство. «Спасатели», «Особо опасен», «Чрезвычайное происшествие. Расследование», «Суд присяжных», «Чистосердечное признание». В стиле трэш делаются отдельные программы цикла «Профессия – репортер» и «Русские сенсации». Самым знаковым явлением новой эстетики стала программа «Максимум», а примером того, как трэш может распространиться даже на историческое документальное кино, – такие циклы, как «Кремлевские жены» и сменившие их «Кремлевские похороны». Позже явление охватило и другие каналы. Например, Рен-ТВ изменил подход к документалистике – линейка под названием «Отражение» сменилась циклом «Частные истории».

Перечислим основные черты контента, относящиеся к трэш-журналистике.

Культура повседневности определяет содержание контента. Реальность исследуется не в рамках системы «человек – бытие», а в рамках системы «человек – быт». При этом не важно, кто является документальным героем – знаменитость, обыватель или историческая личность. Это делается для того, чтобы вызвать отклик у зрителя. Аудитория не приветствует сложный контент, ей нравится видеть собственное отражение на экранах. Трудности в семейных отношениях, психологические проблемы, недопонимание и ссоры – все это есть у каждого. Мы испытываем чувство негодования, нас терзает несправедливость, и приятным времяпровождением является наблюдение за подобным в жизни других, а особенно интересно следить за несчастьем известных личностей. Во многом это обусловлено страстью человека к сплетням, а трэш преподносит ярко поданные качественные сплетни.

Обращение к телесному, к проблемам и потребностям «низа». Здесь активно продолжается тенденция упрощать. Жанр произошел из дешевого массового фильма, главной задачей по-прежнему остается развлечение. Зрители смотрят на мелькающие картинки, которые не принуждают к мыслительной деятельности, а только шокируют.

Доминанта эстетики безобразного. Само понятие «эстетика безобразного» может трактоваться как оксюморон, так как почерк журналистики трэша проявляется в отсутствии всякого намека на эстетику. Трэш смело снимает пелену с повседневности, освещает реальность такой, какой видит ее обычный человек, и вся «магия», которая заставляет зрителя завороченно наблюдать за программой, шоу или выпуском, заключается в том, что происходящее транслируется на экране. Когда-то человека восхищал огонь, на смену ему пришло электричество, сейчас таким «чудом» стал телевизор. Телевидение – это маленькая реальность, заключенная в экран. Много лет люди причисляли телевидение к чему-то возвышенному, и факт того, что отвратительная изнанка жизни теперь тоже транслируется, не может не удивлять.

В семантическое поле документального телеэкрана попадает в основном материал, отвечающий принципам сенсационности и экстремальности, патологии и извращенности. Как упоминалось выше, трэш-журналистику можно считать своеобразной адаптацией сплетен. Этот жанр вывел «слухи» на новый уровень. Помимо того, что журналистика визуализировала сплетни, она заставила человека заглушить чувство вины за вторжение в личное пространство. Подглядывать за другими – можно, ведь телевидение само дает аудитории возможность забыть о правилах приличия и поддаться жгучему чувству любопытства [Манскова 2009 URL].

Итак, проявление трэш-журналистики заключается в том, что она нацелена показать реальность под особым углом. Эта область далека от классической журналистики, то есть представляет собой некий «развлекательный бонус», на котором можно заработать. Не секрет, что для понимания того, чего хочет зритель, нужно разбираться в психологии человека.

Очень уместно применение метафоры «обтртка» для обозначения главного пути трэш-журналистики, так как человек питает слабость к красивым обложкам, а это значит, что чем привлекательнее наружность – тем успешней коммерческая сделка. Вспоминается знаменитая цитата Маршала Маклюэна из книги «Понимание МЕДИА: расширения человека»: «The Medium is the Message». Фраза дословно не переводится на русский язык, но все трактовки сводятся к одному значению: форма передачи информации имеет гораздо большее значение, чем сама информация [Маклюэн 2003: 82].

Чем же руководствуются специалисты в области трэш-журналистики во время «упаковки» своего продукта? Для того, чтобы дать развернутый ответ на этот вопрос, обратимся к истокам – архетипам. Понятие «архетип» было введено Карлом Юнгом. Так он назвал первичный символ, структурный элемент бессознательного, общечеловеческий символ, культурный код, присущий любому человеческому обществу [Юнг 1991: 140]. Так, все мифы и сказки имеют общую базу, где первоначалом является хаос. Практически в каждой древней истории, сказке есть герой-воин, проходящий определенные испытания. Любовные линии также служат неотъемлемой частью мифологического повествования. Люди тяготели к мифам, создавали их, для того чтобы объяснить происходящее

вокруг, тем самым избавляясь от страха неизвестного. Со временем эти архетипы никуда не исчезли, они вжились в общественное сознание, изменилась только форма.

Идею об архетипах продолжает Хорхе Луис Борхес. В сочинении «Четыре цикла» он выделил 4 основных сюжета, которые повторяются из поколения в поколение, из истории в историю: взятие крепости, путешествие, возвращение домой, самоубийство Бога. Борхес говорит о непрерывности этого круга. Эти сюжеты бессмертны, поскольку продиктованы архетипами [Борхес 1992].

Чтобы произведение вызвало отклик у зрителя, нужно следовать этой системе. Зритель инстинктивно распознает код. Массовая культура понятна и интересна многим, потому что базируется на элементарных архетипах.

Архетипична и журналистика. Верстка новостей на телевидении подчиняется тем же правилам. Если произошло что-то пугающее и невероятное (пожар, наводнение), то эта новость всегда будет занимать первую позицию в выпуске. Таковы законы архетипа – на первом месте всегда был хаос. В конце истории приветствуется позитивное завершение, так называемый «бантик». Здесь также прослеживается принцип – хаос в начале и рождение чего-то хорошего в конце. Журналистика сегодня выполняет функцию мифа – рассеивает страхи, объясняя неизвестное.

Журналистика трэша манипулирует зрителями, активно обращаясь к архетипам. Трэш в серьезном телевидении – это как массовое искусство среди обычного цельного искусства (рассуждения об искусстве принадлежат Адорно и Хоркхаймеру в «Диалектике Просвещения»). Как было сказано ранее, все базируется на желании аудитории. Источник кроется в психологии человека, в его тяге к эстетике безобразного, желании наблюдать за чужими жизнями.

Если продолжать рассматривать успех трэша в рамках первостепенных психологических потребностей человека, то уместно будет вспомнить тезисы Зигмунда Фрейда из его труда «Психология сексуальности». Ученый выразил мысль о том, что миром правят голод, страх и секс [Фрейд 2007: 50]. Чтобы разобраться в теории, не стоит воспринимать эти три понятия буквально. Так Фрейд говорит не о физическом голоде, а о потребности человека удовлетворять свои потребности. Стремление стать богаче, покупка машины, элементарная жадность – все это голод. Страх стимулирует нас разделять жизнь на белые и черные полосы – чтобы почувствовать себя благополучным, стоит перейти грань, где этого благополучия нет. Секс в понимании Зигмунда Фрейда подразумевает не только интимные отношения, сюда входят взаимоотношения двух полов в целом, наличие конфликта между мужчиной и женщиной также принимается. Все затронутые аспекты живы в трэш-журналистике. Скандалы, семейные драмы, эффект «подглядывания за запретным» есть вариация архетипов, правящие элементы, о которых говорил Зигмунд Фрейд. Ключевой способ воздействия трэш-журналистики на аудиторию заключается в том, что она точно следует «первородным» потребностям общества.

Исследователи выделяют еще несколько приемов, при помощи которых трэш-журналистика добилась признания и любви у зрителей.

Так, Б. Б. Сибидапов говорит о том, что основной содержательный посыл трэш-дискурса – это отрицание. Это течение в медиапространстве борется против установленных канонов. Оно не стремится к логике, последовательности и смыслу. Резкое появление и незамедлительное исчезновение – вот принципы контента трэш-журналистики. Главный акцент делается на чувственной составляющей – после просмотра сюжета у зрителя должна остаться не только тяжесть в голове, но и осадок в душе.

Трэш-журналистика отрицает законы медиакommunikации. Так, при подаче материала редакторы используют «рваный» монтаж, когда сюжеты идут друг за другом без единой связи. Это сделано для того, чтобы зритель, переключая каналы в поисках желаемого, мог приступить к просмотру с любого момента. Видеоряд идет потоком, и каждый его элемент призван шокировать и зацепить. Примером может послужить программа «Смешно до боли» (канал «Перец»). По такому же принципу работает лента на популярной сегодня платформе TikTok.

Второе, что отрицает трэш – медиасодержание. Зачастую трэш-журналистика внимательна к проблемам, масштаб которых не дает им права быть освещенными на каналах федерального уровня. Зрителю нравится на это смотреть, потому что он интуитивно видит вариацию сплетен. Так работают упомянутые ток-шоу, они превращают частный случай в проблему. Зритель любит сплетни, ссоры и скандалы. У него вызывает жгучий интерес выпуск про многодетную мать, которая разводится со своим мужем, свадьбу, где жених на сорок лет старше своей избранницы. Подобные события нельзя отнести к сорту ценной, необходимой, и главное – качественной информации, но зрители продолжают засорять свои головы, потому что таковы их предпочтения. Порой эти предпочтения аудитории приобретают более изощренный характер. Здесь работает еще один механизм отрицания – показывают не то, что странно или неуместно, взору аудитории предоставляются вещи, которые показывать не стоит из этических соображений. Продолжает жить традиция в духе художественного «мусорного» кино с его эпатажем, абсурдом и неоднозначно откровенным стилем. Если это небольшая передача («Смешно до боли»), то на экране перед сном зрители наслаждаются подборкой кадров, где разбиваются машины, травмируются люди, бьются стекла, ветер сносит крыши домов и так далее. Часто так поступает и серьезная журналистика – включает в эфир сцены жесткости и насилия [Сибидапов 2019 URL].

Трэш-журналистика пропускает контент через призму смеха, информация равняется развлечению. «Мы развлекаем себя до смерти», – так отозвался об этом Нейл Постман [Jarvis 1994: 7]. Документальное кино – серьезный, требующий максимальной беспристрастности жанр, тогда почему выпуски документальных, на первый взгляд, программ вызывают у нас улыбку? Перед нами архивные записи с комментариями людей, повстречавшихся с инопланетянами, невероятные теории о происхождении человечества, все звучит убедительно, но нам смешно. Глуб

Пьяных, ведущий программы «Максимум», с явным энтузиазмом и отдачей повествует о невероятных вещах. Но часто он становится героем пародий, и оформление самой программы выглядит пафосно.

Автор шутит над зрителем? Еще один из механизмов трэша – карнавализация. О ней говорил М.М. Бахтин: смех упрощает восприятие. Трэш-журналистика с удалью и азартом, громко и ярко, как шут, говорит о событиях разного характера, будь то свадьба или встреча дипломатов. Важно отметить, что не всегда этот смех присутствует в материале явно. Он проявляется в находчивости редактора, например, в копилке телеканала «Рен-ТВ» есть выпуск о том, как Владимир Путин положил ручку на стол. Многим показалось, что президент это сделал небрежно, и в выпуске был освещен ряд предположений о жесте Путина, также рассматривался вариант о том, был ли в этом вообще какой-то жест. Программа не врет нам, все домыслы аргументированы. Само решение посвятить программу именно этой теме абсурдно. Специфичная аналитика уводит за собой, увлекает, завораживает. Смех есть и в подборе гостей и экспертов на ток-шоу. Участниками становятся жители деревень, которые приносят в студию свои истории, выставляют напоказ информацию сугубо личного и порой даже интимного характера. Гротеск, его должно быть как можно больше, больше образности, эпатажа. Смех в трэш-журналистике может быть негласным, зритель воспринимает его на подсознательном уровне.

Трэш-журналистика, как и журналистика в целом, способна симулировать реальность. Возникает эффект «размытого пятна», что опасно, поскольку он может привести к появлению «ложного сознания», отмечает Росс [Ross 1989: 106].

Важно отметить, что трэш-телевидение американские исследователи называют также «реальным телевидением». Чувство реальности, достоверности происходящего на экране вновь привлекло особое внимание зрителя. Исследуя семиотику кино, Ю. Лотман в свое время отмечал: «Достоверность», с одной стороны, делала кино чрезвычайно информативным искусством и обеспечивала ему массовую аудиторию. Но, с другой стороны, именно это же чувство подлинности зрелища активизировало у первых посетителей кинематографа эмоции низшего порядка... Эту низменную зрелищность, питаемую знанием зрителя, что кровь, которую он видит, – подлинная и катастрофы – настоящие, эксплуатирует в коммерческих целях западное телевидение» [Лотман 2000: 299]. Однако закон «непрерывности» эфирного потока ставит перед его создателями непростые задачи. Чтобы ежедневно получать рейтинг от эксплуатации тех самых эмоций низшего порядка, ежедневно необходим и новый продукт. Реальная кровь, реальные маньяки, реальные патологии, даже «грязное белье» знаменитостей в таком количестве, в каком этого требует эфир, зафиксировать невозможно. Наблюдение за действительностью, если оно отвечает требованиям достоверности, – труд достаточно затратный. Поэтому телевидение возвращается к первоисточкам не только функционально, делая из экрана массовую забаву низшего порядка (с чего и начинался кинематограф), но и методологически. Реконструкция, постановочность, актер вместо героя, спровоцированные ситуации – в итоге неигровое становится игровым.

Немаловажную роль играет сама аудитория. Она диктует СМИ то, что она хочет видеть. Если у трэш-журналистики есть механизмы воздействия, то у зрителя есть механизмы восприятия, которые определяют характер продукта. Стоит обратить внимание на ход мышления зрителя, поскольку он хорошо изучен специалистами в области трэш-журналистики, психология потребителя – база для производства. В книге «Манипуляция сознанием» Герберт Шиллер рассуждает: «Заправилы средств массовой информации легко оправдывают ежедневные телевизионные программы, в которых на каждый час приходится с полдюжины убийств, утверждая, что телевидение лишь дает людям то, чего они сами хотят. Очень плохо, пожимают они плечами, что человеческая природа ежедневно в течение 18 часов требует насилия и бойни <...> Но манипуляторы сознанием могут не заботиться придумыванием оправданий, которые притупляют сознание, ослабляют стремление к социальным изменениям. Индустрия культуры, действуя в соответствии с общепринятыми принципами конкурентной борьбы, состряпает бесконечное множество объяснительных теорий. Информационная машина позаботится строго из соображений выгоды, чтобы люди получили возможность прочесть, увидеть и услышать о новейшей теории, связывающей городскую преступность с брачным поведением насекомых» [Шиллер 1980: 326].

Некоторые обозреватели связывают популярность такого контента с растущим ощущением бессилия. Под чувством бессилия понимается невозможность зрителя быть везде и всюду, а трэш-журналистика более открыта к дискурсу с читателями. Можно отправить свои фото и видео, рассказать свою историю на ток-шоу, написать в редакцию с просьбой или вопросом. Эксперт Нил Гейблер полагает, что трэш-телевидение не столько смягчает, сколько усиливает растущее ощущение бессилия; с его точки зрения, это разумная реакция на то, что он называет «демократизацией перверсии» [Gabler 1993]. После десятилетий бедности, терроризма, войны и изменения сексуальных и социальных нравов новые нарративы таблоидных СМИ отражают и усиливают нехватку цели и контроля, которую американцы испытывают по отношению к миру – «миру, который сходит с ума, миру по ту сторону шока, миру, вращающемуся в духовном вакууме» [Гриндстафф URL].

Исследователь Кевин Глинн объясняет тягу аудитории к трэш-журналистике классовым неравенством. Он рассматривает таблоидную журналистику и серьезную журналистику в контексте элитарного и массового искусств. Деление между элитарной и массовой культурой всегда было связано с проблемами классов и вкуса, и с тем, что вкус – категория не только эстетическая, но также и сексуальная (отсюда чрезмерное внимание таблоидов к сексу и метафора «порнографии», используемая критиками в адрес трэш-телевидения). Глинн утверждает, что, еженощно предлагая аудитории набор отклонений от нормы, таблоиды культивируют своеобразную чувствительность, которая проблематизирует привычные способы подачи новостей и бросает вызов нормализующей функции «традиционной» журналистики [Glynn 1990: 22-44].

Интересно, что есть исследователи, которые связывают вопрос о популярности трэш-телевидения с вопросом гендерного неравенства. Они рассматривают ток-шоу как попытку оспорить традиционные (гендерные) границы, отделяющие публичное от частного, новости от развлечения, разум от чувств, объективное от субъективного и экспертное знание от общего мнения – ту самую бинарность, отличающую «высокую» культуру от культуры «низкой». Если говорить о не раз уже упомянутых ток-шоу, то их участниками часто становятся женщины и среди аудитории больший процент представительниц женского пола, там рассматриваются вопросы семейного характера [Петро 1986 URL].

Трэш-журналистика может быть интересна зрителю тем, что она предлагает альтернативные решения проблем. Например, в передаче «Мужское / Женское» присутствует целый ряд экспертов, которые комментируют происходящее и предлагают помощь.

Трэш-журналистику называют грязной не только из-за того, что она специализируется на скандалах, громких происшествиях. Во многом это определение зависит от тех, кто находится за экранами. Благодаря трэш-журналистике люди могут удовлетворять свои извращенные желания, склонность к вуайеризму и эксгибиционизму. У зрителя есть тяга к непристойному, запретному. Цепляет, когда в череде серьезных новостей всплывает картинка фриков, ведущих странный, отклоняющийся от этических норм образ жизни. Но если оставить за рамками психические заболевания и не утрировать, то людьми правит банальное любопытство. В народе всегда популярны непристойные шутки, пошлость смешит и развлекает.

Таким образом, трэш-журналистика представляет собой достаточно примитивное, но в то же время коварное явление. Чтобы добиться признания и доверия аудитории, трэш-журналистика обращается к первородным эстетическим потребностям человека. Не стоит делать из этого тезиса вывод о том, что журналисты, работающие в анализируемом нами направлении, целенаправленно прорабатывают секретные формулы успеха. Культурные коды, архетипы, о которых говорилось выше, могут вкладываться незаметно, неосознанно. И аудитория так же неосознанно эти коды считывает и дает вполне предсказуемую реакцию. Таково правило массовой культуры, к которой можно отнести журналистику трэша. Основная причина востребованности трэша кроется в «массовости» контента. Из этого положения вытекают основные черты направления: доминирование категории «быт», а не «бытие»; удовлетворение потребностей «низа»; эстетика безобразного, стремление вызвать шок. Трэш-журналистику отличает свобода подачи, многие законы медиакommunikации и медиасодержания отрицаются, реальность симулируется. Также трэш-журналистика расставляет верные акценты – играет на ощущении бессилия зрителя, дает альтернативное решение проблем, удовлетворяет потребности к вуайеризму и эксгибиционизму.

Трэш укоренился в современной системе медиа. Зритель может даже не замечать присутствия элементов этого направления в материале.

Ток-шоу «За гранью» является одним из самых ярких проявлений трэш-журналистики. Жанр полюбился зрителям за смелость, свободу в повествовании, неограниченность и открытость. Практически на каждом крупном канале есть свое ток-шоу, это своеобразная «вишенка на торте», «пестрое пятно» на сером полотне вещания. Очень важно уметь мастерски конструировать трэш-передачи, поскольку от этого зависит рейтинг целого канала. Одно маленькое шоу способно вести за собой целое «судно» – такова сила массовой развлекательной журналистики.

На протяжении многих лет одним из самых узнаваемых ток-шоу являлся проект «Мужское / Женское» на Первом канале, наряду с ним такими же громкими стали «Пусть говорят» (Первый канал) и «Прямой эфир» (Россия 1). За длительный период времени эти передачи успели «приесться» зрителю, поэтому для анализа мы решили взять новое шоу телеканала НТВ «За гранью». Его премьера состоялась 13 сентября 2021 года.

Проект новый, но концепт остается неизменным. Как и прогремевшее в свое время шоу «Мужское / Женское», проект «За гранью» подчиняется тому же правилу, рассказывает те же истории. Набор уже вышедших выпусков можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа, где поводом для обсуждения служат семейные драмы разного характера, начиная от разводов и заканчивая разделом жилплощади: «Война сестер за дочь», «Дети как маугли», «В рабстве у отца», «Делят детей умирающего отца», «Дети раздора», «Война за детдомовца», «Мать раздора», «Обвинила отца в изнасиловании», «Спасите от отца и детдома», «Семья для шести круглых сирот», «Пиццерия раздора», «Война сватов за дом», «Оставила дочь и рождает за деньги», «С бельмом и без алиментов», «Воспитывала молотком», «Заложница или беглянка?», «Отчим-насилщик», «Трагедия в бане», «Ромео и не Джульетта», «Малыш с протянутой рукой. Тест ДНК», «Внебрачная дочь Михаила Кокшенова».

Вторую группу составляют выпуски, посвященные расстройствам пищевого поведения: «Неподъемный сын», «Стокилограммовая пятиклассница», «Слишком стройная», «Живот до пола», «В 31 год весит 40 кг», «200 кг проклятия матери», «Сто килограммов смерти». Проект существует менее года, а в сетке выпусков насчитывается уже 7 сюжетов, где герои страдают от недостатка или переизбытка веса. Популярность этой темы можно объяснить тем, что в последнее время проблема расстройств пищевого поведения стала активно обсуждаться, все больше людей стали делиться своими историями, где призывают окружающих бороться с этой болезнью и разрушают мифы о диетах и похудении. Местом для активных дискуссий стал Интернет, и для того, чтобы привлечь внимание молодых людей к телеканалу, необходимо добавить эту тему в сетку вещания. Нет более подходящего места, чем вечернее ток-шоу.

Третья группа – выпуски об увечьях, деформациях тела и болезнях. Эта группа включает в себя следующие сюжеты: «В омут с головой», «Чужое лицо», «Напал с кислотой», «Сын без рук», «В животе растет нечто», «Постарел за два года», «Мужчина с лицом мальчика», «Пластика груди в 65 лет», «Роковая царапина», «Укус клеща на 20 миллионов», «Родила сына или дочь?», «С пулей в глазу», «Слепая жизнь в чешуе», «Сын губы надул», «Тайны мадам Мишель»,

«Убийственная ревность», «В два года горела заживо», «Роковые роды», «Жених без рук», «Отомстил кислотой», «Покрылись чешуей», «Перемолотая жизнь», «В пять лет – как в шестьдесят», «Рождает альбиносов», «Хрустальная жена и мама», «Два выстрела в голову», «Морщины с 11 лет», «Слоновья болезнь», «Без лица», «Любовник откусил нос», «Сожженная судьба», «Мать лишила сына мужских органов», «Грудь убийца», «Смертельные прятки», «С ракетой в штанах», «Мастер на все ноги», «Один на миллион», «Смерть из-за необъятных ног».

В четвертую группу отнесем выпуски, которые раскрывают проблему нестандартного поведения, то есть описывают «исключительные» случаи из жизни, которые способны удивить или шокировать общество: «Актриса для взрослых», «Пугачёва разорилась», «Дети как маугли», «Секс-маньяк из-за десерта», «Бурановская бабушка разорилась», «Свалился на голову», «Из экономиста в артиста», «Леший со стажем», «Живая мертвая», «Недетское видео», «Ребенок ждет ребенка», «Рабская жизнь», «Растерзанная девочка», «Не умеет читать и писать в тридцать лет», «Отдать почку и стать звездой», «Руслан стал Русланой», «Толпой избили сироту», «Живая кукла».

Пятая группа представляет собой довольно интересное явление. В нее входят истории, связанные с «квартирными» буднями. Транслируются сложности жизни с соседями по подъезду: «С волком жить – соседям выть», «Квартира-туалет», «Сосед с тараканами», «Подложили змей?», «Соседи против зомби», «Загорелся кошкин дом», «Соседи – свиньи», «Первоклассница на свалке», «Не парадное, а туалет», «С медведем по соседству», «Тараканы из всех щелей», «Кошки москвички», «Квартира-помойка», «Ферма для убийства?». Эта категория ближе всего зрителю, так как «картинка» на экране приближена к реальной жизни – многие сталкивались с проблемными соседями по подъезду, да и в целом эстетика многоквартирного дома близка каждому городскому жителю.

По списку перечисленных категорий можно сделать вывод о том, что такое современное ток-шоу. Общий анализ контента, который предлагает проект «За гранью», подтверждает тезисы, которые выдвигали исследователи трэш-журналистики. Зрителя привлекают картины жизни, которую он никогда не проживет, и картины, которые отзеркаливают его собственную жизнь.

Ток-шоу действительно симулирует реальность, создает иллюзию «слежки» за чужой жизнью, которая очень похожа на собственную, – эту задачу выполняют выпуски, посвященные семейным драмам и «квартирному» быту. Люди получают возможность смотреть на свою же жизнь в экране телевизора.

Еще более жгучий интерес вызывают выпуски о телесных отклонениях, болезнях и увечьях. Как правило, эти материалы должны вызвать сострадание, так часто и происходит. Но бывает и так, что с сочувствием приходит и любопытство, желание насладиться зрелищем. Тот же эффект происходит и с историями категории «Расстройства пищевого поведения».

Завершив обзор структуры проекта «За гранью» в целом, разберем один из выпусков более подробно для того, чтобы рассмотреть работу трэш-телевидения.

Для анализа был взят выпуск «Сосед с тараканами», посвященный тому, как неряшливый сосед портит жизнь остальным жителям дома. Это тот самый случай, когда жизнь рассматривается не в категории «бытие», а в категории «быт», выпуск относится к группе «квартирные будни».

Традиционно право первого голоса чаще всего отдается «потерпевшей» стороне. В анализируемом нами случае первым спикером является Наталья Мозганова. В титрах заявлено, что она «тратит половину пенсии на борьбу с соседскими клопами и тараканами». Героиня жалуется на «неудобного» соседа, который пренебрегает правилами чистоты. Андрей, так зовут соседа, настолько запустил свое жилое помещение, что в квартире появилось огромное количество вредных насекомых, которые распространились по всему пятиэтажному дому. Андрей не только не собирается как-либо разбираться с проблемой, более того, он усугубляет положение, захламляя квартиру подобранными на помойке вещами. «Плюшкин!» – так отзывается о нем один из экспертов выпуска. По ходу развития сюжета мы узнаём, что между жалующейся героиней и ее соседом имеется некоторое родство. Дело в том, что бабушка соседа, находясь в преклонном возрасте, попросила Наталью Мазганову о том, чтобы та не бросала ее внука. Героиня в какой-то мере заменила неопрятному соседу мать. Получается, что его поведение не только причиняет страдания жителям пятиэтажки, оно также является жестом неуважения к человеку, проявившему к нему добродушие.

Нельзя собрать всех героев в одной студии сразу. Обычно их запускают по одному. Спустя некоторое время зрителей знакомят с еще одним важным персонажем – совладельцем квартиры, в которой проживает сосед с тараканами. Это не только новое лицо для аудитории программы, но, как оказывается, потенциальный виновник инцидента с тараканами. По словам «трудного соседа», именно совладелец отвечает за беспорядок в квартире.

Далее идет долгое и очень тщательное обсуждение. Задача героев – спорить, а приглашенных экспертов – наблюдать и давать комментарии. Получается незаурядная и странная картина, которая затягивает зрителя, неспешное наблюдение за неспешным повествованием.

Кажется, что эти перипетии могут длиться вечно. Можно бесконечно выяснять причину неблагополучия жителей московской пятиэтажки. Зритель расслабляется, и у него не возникает вопросов, кроме одного – для чего нам это нужно знать? Какова ценность этой информации? Чем может быть полезна история Натальи Мазгановой, которой мешают спать соседские тараканы? Перед нами пример работы одного из методов трэш-журналистики.

Как отмечает Б. Б. Сибидапов, одним из приемов трэш-журналистики является **отрицание медиасодержания** – обозреваемые случаи и проблемы зачастую не стоят такой широкой огласки, какую дает шоу федерального канала [Сибидапов 2019 URL]. Факт о том, что где-то в Москве есть некий Андрей, который забыл про уборку и притащил вещи со свалки в свою квартиру, сложно представить поводом для часового выпуска с экспертами. Но ток-шоу убеждает нас в обратном – на основную проблему накладываются другие. Трэш многогранен, он рассматривает

ситуацию с разных сторон для того, чтобы выудить как можно больше контента и «заговорить» зрителя. Сосед-виновник появляется в кадре только на седьмой минуте. До этого времени страдающая от тараканов Наталья знакомит аудиторию с его биографией, вспоминает случаи вопиющей несправедливости. Параллельно героиня отвечает на вопросы от экспертов. В качестве экспертов представлены: терапевт, психолог, адвокат, специалист по клинингу и актеры / медийные личности, некоторые из которых жили в коммунальных квартирах. Каждый из приглашенных растягивает экранное время передачи, оценивая произошедшее согласно своим компетенциям. Интересно то, что кадры, демонстрирующие «ужасы» неопрятной квартиры, появляются только в середине выпуска, до этого тараканы есть только в рассказах недовольной соседки. Зрителя настраивают, гипнотизируют, все строится на дискуссии героев шоу.

Следующим пунктом отметим еще один метод журналистики трэша – **создание красивой «оболочки»**. Набор приглашенных экспертов необходим для того, чтобы создать портрет главного персонажа. Зритель видит в лице героя неряшливого соседа-грязнулю, но у облика есть еще несколько вариантов. Например, Наталья, подающая жалобы, обрисовывает героя, как неблагодарного человека – мало того, что он расплодил тараканов, так он еще и нахлебник, ел ее еду и в грубой форме требовал еще. Из комментария терапевта можно сделать вывод о том, что Андрей представляет серьезную угрозу для здоровья всех жителей пятиэтажного дома, так как тараканы способны переносить опасные заболевания. Адвокат оценил ситуацию с точки зрения закона – сосед Андрей является нарушителем правопорядка, своими выходками он нарушает покой и мирную жизнь окружающих. Психолог, в свою очередь, увидела в «неудобном» соседе человека с психологическими отклонениями, его тяга к накопительству вещей нездорова. Произошедшее очень детально анализируется, рассматривается с нескольких ракурсов для того, чтобы создать «иллюзию важности» для зрителя. Прилагается много усилий для того, чтобы создать портрет героя, но при этом дискуссии не позволяют выходить за четко очерченную грань, основная тема никогда не «размывается». Как отметил А. С. Вартанов: «Хитрость же современного российского ток-шоу заключена в том, что при внешней форме свободной дискуссии, на самом деле зрителям втолковывается какая-нибудь одна-единственная, строго ограниченная в своих параметрах позиция» [Вартанов 2003: 26]. Когда с разных сторон поступает так много грамотных мнений, аудитория начинает доверять и активно слушать. Ток-шоу подает обычное блюдо под хорошим соусом в виде дискуссий, размышлений и споров. Зритель неосознанно может проникнуться и начать «копаться» в проблеме вместе с участниками шоу.

Доверие может быть вызвано и тем, что выпуск предлагает **альтернативное решение проблемы** – еще один метод трэша. Пожалуй, это самый главный плюс ток-шоу. Последние шесть минут нам, хоть и бегло, но показывают, как в квартире Андрея проводятся серьезные клининговые работы.

Уместно ли сказать о **карнавализации**? Практически любое ток-шоу может быть охарактеризовано таким образом. Бывают исключения, когда передачи поднимают очень серьезные темы, но даже они пропускаются через призму смеха. «Карнавал» анализируемого нами выпуска начинается с заголовка – «Сосед с тараканами». Редакторы, обыгрывая фразеологизм «тараканы в голове», играют со смыслами. Герой программы действительно с тараканами, потому что в его доме царит полная антисанитария, также тараканы есть и в его голове – он ведет себя странно и пугающе, стаскивая ненужные вещи и обвиняя окружающих в созданных им самим проблемах.

Пафос смеха затрагивает и монтаж материала. На первый взгляд может показаться, что в монтаже выпуска нет ничего такого, что провоцировало бы зрителя на смех. И это действительно так. Выпуск длится пятьдесят минут, имеет целостную и логичную композицию, не наблюдается «рваного» монтажа. Но проблема заключается в том, что все идет излишне плавно и медленно. Основные акценты ставятся на разговоры: первые семь минут зритель слушает страдающую от тараканов Наталью, следующие восемь минут отводятся на оправдания «неудобного» соседа, на пятнадцатой минуте в студию заходит совладелец грязной квартиры. Только через двадцать минут после начала шоу зрителям наконец-то показывают долгожданных тараканов, но отрывок длится чуть больше двух минут. «Друзья, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», – говорит ведущий Сергей Соседов перед запуском кадров захлавленной квартиры, но реальность, к удивлению, убеждает нас в обратном. На тридцать пятой минуте мы вновь переносимся в квартиру, только теперь это жилплощадь Натальи – героиня показывает, в каких местах она замечала насекомых, перебежавших от соседа, в этот раз монтажер уложил этот видеоматериал в одну минуту. Почему же в выпуске про тараканов самим тараканам отведено так мало визуала? Причин может быть несколько. Возможно, у съемочной команды было недостаточно времени, чтобы отснять больше исходного материала, или же это сделано специально. Для того чтобы развлечь зрителя, не обязательно на протяжении часа забрасывать его видео с клопами и немывтыми чайниками. Трэш фокусируется не только на внешней грязи, но и на грязи внутренней, «грязи» в людских отношениях. Это и становится поводом для смеха, для развлечения.

Мы рассматриваем понятие «смех» в категории «развлечение». В выпуске «Сосед с тараканами» мало картинки и много слов по причине того, что смотреть на то, как масса «перемывает кости» неряшливому соседу, интереснее, чем на тараканов. По той же причине на решение проблемы отведено всего три минуты – кадры, где Андрей, решив стать на праведный путь, помогает клининговой службе отмывать квартиру, представлены в самом конце программы, потому что они не способны удерживать эмоции зрителя, они призваны успокоить. Срабатывает закон архетипов, считаются культурные коды: все начинается с хаоса и заканчивается рождением, в нашем случае «перерождением» непослушного соседа, обновлением его жилого пространства. Видеоряд из квартиры нужен лишь в качестве окаймления, которое «взбадривает» зрителя. Это доказательство того, что Андрей действительно запустил свой дом и должен быть наказан. Трэш-журналистика очень точно определяет, что именно развлекает зрителя, и в зависимости от слабых мест собирает развлекательный контент.

Как обозначалось выше, ток-шоу свойственно играть на чувстве бессилия. Программа либо устраняет это чувство, либо же наоборот – усиливает. Выпуск «Сосед с тараканами» гиперболизировано показывает зрителю обыкновенную жизнь. Вряд ли среди аудитории есть те, кого можно удивить подъездом старой квартиры. Из исключительного здесь только невероятно грязная квартира и насекомые. Чувство бессилия, о котором мы говорим, означает тоску от невозможности, недостижимости жизни, которая происходит на экране, – бессилие может выражаться в позитивном и негативном ключах. Анализируемый выпуск скорее устраняет бессилие, идет динамика в позитивном ключе, потому что вряд ли зритель начнет сожалеть о том, что его образ жизни отличается от образа жизни «соседа с тараканами». Но в то же время кто-то из зрителей может позавидовать герою программы, так как в его дом была направлена дорогостоящая клининговая служба. Возможно, среди аудитории есть те, кто так же, как и Наталья Мозганова, страдает из-за «неудобных» соседей, но в отличие от нее они бессильны, так как у них не хватает смелости написать письмо на телеканал НТВ.

На примере нового проекта телеканала НТВ «За гранью» мы рассмотрели работу ток-шоу как жанра трэш-журналистики. Анализ выпусков дал нам понимание того, что вне зависимости от канала все ток-шоу следуют одному концепту, освещают одни и те же темы: семейные драмы, расстройства пищевого поведения, нестандартное поведение, физические отклонения разного характера, скандалы и ссоры с соседями. На примере выпуска «Сосед с тараканами» мы проследили работу методов трэша более детально. Тема «отклоняющееся поведение соседа пятиэтажки» подталкивает рассматривать жизнь не в категории «бытие», а в категории «быт». Воздействие на зрителя осуществляется за счет обращения к архетипам, создания иллюзии важности поднятой проблемы, предложения альтернативного решения трудностей и борьбы с чувством бессилия. Важным аспектом является карнавализация, материал пропускается через призму смеха. Пафос смеха смежен пафосу развлечения и влияет на подачу материала – расстановку акцентов и монтаж.

Литература

- Борхес Х. Л.* Четыре цикла. 1992. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=4100&p=1&>.
- Вартанов А. С.* Актуальные проблемы телевизионного творчества на телевизионных подмостках. М., 2003.
- Гриндстафф Л.* Реальное телевидение и политика социального контроля. URL: <http://culturca.narod.ru/Grin.htm>
- Лотман Ю. М.* Об искусстве. М., 2000.
- Маклюэн М.* Понимание МЕДИА: расширения человека. Москва – Жуковский, 2003.
- Манскова Е. А.* Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики / Медиаскоп, № 1, 2009. URL: <http://www.mediascope.ru/роль-трэш-эстетики-в-формировании-современной-концепции-телевизионной-документалистики>.
- Сибиданов Б. Б.* Две формы отрицания в телевизионном трэш-дискурсе / Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. 2019. URL: <file:///C:/Users/днс/Downloads/dve-formy-otritsaniya-v-televizionnom-tresh-diskurse.pdf>
- Фрейд З.* Психология сексуальности. Харьков-Москва, 2007.
- Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.
- Юнг К.* Архетипы и коллективное бессознательное. М., 1991.
- Gabler N. A.* Sign of the Times: When Only Entertainment Has Value / Los Angeles Times. - October 17. - 1993. No. 3.
- Glynn K.* Tabloid Television's Transgressive Aesthetic / Wide Angle. - V.12. – N. 2. April 1990. - Pp. 22-44.
- Jarvis J.* Ricki Lake/ TV Guide. V42, n27, July 2, 1994. 40 p.
- Patrice P.* Mass Culture and the Feminine: The "Place" of Television in Film Studies / Cinema Journal. - Vol. 25. - No. 3 (Spring, 1986). - Pp. 5-21. URL: <https://www.jstor.org/stable/1225477?origin=crossref>.
- Ross A.* Candid Cameras / No Respect: Intellectuals and Popular Culture. New York, 1989.

References

- Borges, H. L. (1992). Four cycles. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=4100&p=1&> (in Russian).
- Freud, Z. (2007). Psychology of sexuality. Folio. (in Russian).
- Gabler, N. (1993). A Sign of the Times: When Only Entertainment Has Value. Los Angeles Times, October 17, M3.
- Glynn, K. (1990). Tabloid Television's Transgressive Aesthetic. Wide Angle, 12, 2, April 1990, 22-44.
- Grindstaff, L. Real TV and the policy of social control. Available from: <http://culturca.narod.ru/Grin.htm> (in Russian).
- Jarvis, J. (1994). Ricki Lake. TV Guide, 42, 27, July 2, 1994. 40 p.
- Jung, K. (1991). Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow (in Russian).
- Lotman, Yu. M. (2000). About art (in Russian).
- Manskova, E. A. (2009). The role of trash aesthetics in shaping the modern concept of television documentary. Mediascope, 1. Available from: <http://www.mediascope.ru/role-of-trash-aesthetics-in-shaping-modern-concept>
- McLuhan, M. (2003). Understanding the MEDIA: human extensions. Moscow - Zhukovsky (in Russian).
- Patrice, P. (1986) Mass Culture and the Feminine: The "Place" of Television in Film Studies. Cinema Journal, 25, 3 (Spring, 1986), 5-21. Available from: <https://www.jstor.org/stable/1225477?origin=crossref>.
- Ross, A. (1984). Candid Cameras. No Respect: Intellectuals and Popular Culture. New York.

Schiller, G. (1980). *Consciousness Manipulators* (in Russian).

Sibidanov, B. B. (2019). Two forms of negation in television trash discourse. Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Available from: file:///C:/Users/dns/Downloads/dve-formy-otritsaniya-v-televizionnom-tresh-diskurse.pdf (in Russian).

television documentaries (in Russian).

Vartanov, A.S. (2003). *Actual problems of television creativity on the television stage*. Moscow (in Russian).

Citation:

Деминова М.А., Чугулова А.А. «За гранью»: трэш-журналистика на грани коммуникативных норм // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 81-89.

Deminova M.A., Chugulova A.A. (2022). "Beyond": trash journalism on the verge of communicative norms. *Legal Linguistics*, 26, 81–89.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека»

Е.В. Масяйкина¹, С.Б. Владимирова²

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, 634050, Томск, Россия. E-mail: rector@tsu.ru

²Томский государственный архитектурно-строительный университет
пл. Соляная, 2, 634003, Томск, Россия. E-mail: pk@tsuab.ru

Статья посвящена исследованию лексико-языковых практик в повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» как одного из выдающихся произведений областнической литературы. Интерес Георгия Гребенщикова к областничеству связан с наследованием им идей Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, а также с конструированием автобиографического мифа: Гребенщикова называл областничество одним из ключевых элементов своей автобиографии. Повесть «Ханство Батырбека» воплощает интерес писателя к номадической культуре и объединяет этнографическую и художественную составляющие, рассказывая о проблеме интеграции кочевников в оседлое общество. В статье анализируются практики, к которым Гребенщикова прибегает для противопоставления культурной самобытности неевропейских народов Сибири и западной цивилизации, стремящейся к унификации. Уклад жизни героев и их национальная идентичность создаются в тексте повести такими лексико-языковыми средствами, как «говорящие имена», иноязычные вкрапления, в том числе данные в тексте без перевода. Таким образом, повесть Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» является продуктивным иллюстративным репрезентантом лексико-языковых практик сибирского областничества.

Ключевые слова: областничество, областническая литература, номадизм, иноязычные вкрапления.

Ideology of Oblastnichestvo as the Reflection of Russian Culture: Case Study of Lexico-Linguistic Practices in George Grebenshchikov's Story «The Khanate of Batyrbek»

E.V. Masyaikina¹, S.B. Vladimirova²

¹National Research Tomsk State University

34 Lenina Ave., 634055, Tomsk, Russia. E-mail: rector@tsu.ru

²Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering
2 Solyanaya Sq., 634003, Tomsk, Russia. E-mail: pk@tsuab.ru

The article researches lexical and linguistic practices in George Grebenshchikov's story "The Khanate of Batyrbek" as one of the outstanding works of regional literature. George Grebenshchikov's interest for regionalism is connected with the inheritance of the ideas of Nikolay Yadrinsev and Grigory Potanin, as well as with the construction of an autobiographical myth: Grebenshchikov called regionalism one of the key elements of his autobiography. "The Khanate of Batyrbek" embodies the writer's interest for nomadic culture and combines ethnographic and artistic components, processing the problem of nomads integrating into a settled society. The article analyzes the practices that Grebenshchikov uses to oppose the cultural identity of the non-European peoples of Siberia and Western civilization, which strives for unification. Characters' way of life and their national identity are created by such lexical and linguistic means as "speaking names", foreign inclusions, as well as those given in the text without translation. Thus, the story of George Grebenshchikov "The Khanate of Batyrbek" is an illustrative representation of the lexical and linguistic practices of the Siberian regionalism.

Key words: regional studies, regional literature, nomadism, foreign inclusions.

Г. Д. Гребенщиков – поэт и писатель алтайского происхождения, ориентировавшийся на ценности и идеи областничества, несмотря на эмиграцию (с 1920 по 1964 гг.), а также продуктивно внедрявший идеи областничества в автопереводы своих произведений.

Интерес Г. Д. Гребенщикова к идеям областничества продолжался, в том числе, в поздний период его творчества [Масяйкина 2021], что обусловлено рядом контекстов. В частности, деловыми и творческими контактами с Г. Н. Потаниным, который видел в Гребенщикове продолжателя областнической программы, активно поддерживал того в стремлении «подхватить знамя Ядринцева» (цит. по: [Казаркин 2004: 291]) и во многом повлиял на творческий путь молодого писателя.

Наследование Гребенщиковым идей Н. М. Ядринцева, в частности, проявилось в развитии идеи сопоставления путей развития Сибири и Америки. Ядринцев размышлял о данном вопросе в труде «Сибирь как колония» [Ядринцев 1892] и после поездки в мае-июле 1893 г. в США 13 ноября 1893 г. выступил на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Политехническом музее с докладом на тему «Переселенческое дело в Сибири и в Североамериканских штатах». Ядринцевым также задумывались труды «Сибирь и Америка» и «Путешествие в Америку. Очерки из жизни и истории европейских колоний». Взгляд на сопоставление данных регионов был перенят Гребенщиковым и воплощен им в реальность посредством творческого переосмысления в собственных произведениях, как художественных, так и публицистических. Так, в сборнике «Моя Сибирь» он рассуждает о перспективах сибирско-американского сотрудничества: «Будущие возможности установления этих путей <...> обещают настолько грандиозные и вместе с тем очевидные перспективы, что едва ли можно сомневаться в том, что именно на этой почве в близком будущем русские и американцы не замедлят войти в особую взаимную кооперацию» [Гребенщиков 2002: 186].

Другой аспект, обеспечивающий жизнеспособный интерес Гребенщикова к областничеству, напрямую связан с процессами конструирования автобиографического мифа [Горбенко 2016]. Так, Гребенщиков избрал областничество одним из ключевых элементов своей автобиографии. В частности, даже в поздний американский период жизни он активно упоминал Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и движение областничества в своих лекциях по истории Сибири [Масяйкина 2019], а также в труде «Моя Сибирь», подчеркивая их уникальную роль в культуртрегерских процессах, шедших в Сибири рубежа веков. Гребенщиков наделяет Сибирь, с одной стороны, ролью новой «русской идеи», центра культурного пространства русского мира. С другой стороны, он отмечает унификацию неевропейских народов Сибири из-за влияния западной культуры и цивилизации, потерю не только культурной самобытности, но и экологического синтеза с природой Сибири и Алтая. Сам Гребенщиков писал: «...всю свою жизнь старался словом и делом показать Сибирь как страну великого будущего с неограниченными красотами и богатствами» (цит. по: [Корниенко 1994: 136]).

Повесть «Ханство Батырбека» воплощает интерес писателя к номадической культуре, объединяя и этнографическую, и художественную составляющие [Масяйкина 2020]. В перечне изданий, созданных самим Г. Д. Гребенщиковым, повесть не зафиксирована как отдельное произведение, поскольку она была опубликована в составе двухтомного сборника «В просторах Сибири» (1913–1914 гг.) [Салимгерей URL]. Вячеслав Шишков в рецензии на первый том пишет: «Он [автор] любит и по-своему чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи с вольной жизнью ее обитателя – киргиза» [Гребенщиков 1925: 6]. Известны и иные прижизненные издания повести. В переписке с Т. Г. Гребенщиконой [Корниенко 1994: 40] упоминается издание повести во французском журнале «La Vie des Peuples» в 1924 г. По словам Т. Г. Гребенщиконой, «французская печать очень тепло отозвалась о произведениях Георгия Дмитриевича» (цит. по: [Корниенко 1994: 40]).

Сюжет повести сконцентрирован на жизни аула начала XIX века. Повествование охватывает относительно небольшой отрезок времени – около полутора лет. Главные герои повести – хан Батырбек, его 18-летний сын Исхак, невестка Бибинор, сродный брат Сарсеке, родственник жены Кунантай с женой и аульный мулла Карабай. В размеренную степную жизнь врываются драматические события. С каждым днем скудеет природа. Нет корма для скота, нет выпаса, казаки угоняют табун Батырбека в свою деревню, а следом – приходит джунт, приносящий множество смертей и скота, и людей, и в итоге угрожающий жителям аула голодной смертью.

«Ханство Батырбека» развивает тему разрушения традиционного уклада жизни кочевников – из-за голода младшие родственники Батырбека вынуждены идти работать на прииски, а сам он должен ездить по русским поселениям и торговать хворостом. Такая проблематика, безусловно, близка Гребенщикову как из-за следования инородческой программе областников, так и по автобиографическим причинам – дед Гребенщикова происходил из кочевников, что неоднократно подчеркивал писатель. Сам он владел казахским языком, и проблемы кочевого населения не являлись для него чем-то отдаленным и незнакомым. Т. Г. Черняева отмечает следующий факт: «В одной из лучших своих повестей, «Ханство Батырбека» (1913), Гребенщиков, по словам критика, создал «далеко не этнографическое описание жизни степных кочевников, а сильную, глубокую, значительную вещь, полную глубокого захватывающего драматизма» и показал «законченную картину гибели патриархальной, первобытно-библейской жизни под натиском культуры, но культуры нашей, “русской”» [Черняева URL].

Концентрация Гребенщикова на номадическом сюжете не случайна. Исходя из позиции Г. Н. Потанина, которой придерживался и Гребенщиков, Сибирь не была ограничена пределами Российского государства. Г. Н. Потанин воспринимал Сибирь в первую очередь как общность, границы которой простирались до Северной Монголии, включая в себя и северный Казахстан. Чрезвычайную актуальность в указанном контексте приобретает и инородческий вопрос. Как отмечает А. В. Малинов, «Вопросы метисации населения, сохранения самобытной культуры, перспективы ассимиляционного (но взаимовыгодного) поглощения инородных национальных элементов,

возвращение местной, в том числе и инородческой интеллигенции, – занимали не последнее место в учении областников. Поддержка и развитие коренных народов Сибири, по мнению областников, должны были стать "средством гуманизации сибирского общества" [Малинов 2012: 11]. Исторические, этнографические и статистические исследования сибирских инородцев, проведенные областниками, имели и большое научное значение, особенно это касается изучения кочевого быта и лесных культур [Масяйкина 2019].

Г. Д. Гребенщиков, находясь в поле областнической мысли, дает свой ответ на поставленную предшественниками проблему. Продолжая развивать идеи Г.Н. Потанина, воплотившего свои воззрения на инородческий вопрос в просветительском и научном ключе, он решает задачу средствами художественной литературы. Нельзя не отметить, что взгляд автора на интеграцию коренного населения далек от оптимистического – Гребенщиков с горечью описывает разрушение традиционного жизненного уклада племени и слияние героев с русскоязычным населением, жизнь которого также тяжела и безысходна.

Повесть не раз становилась объектом частных филологических исследований, в частности, в русле имагинальной проблематики. Л. И. Абдуллиной и П. В. Маркиной осмысливается имагологический код произведения: «...сам автор "Ханства Батырбека" оказался между двумя мирами. Принадлежащий русской цивилизации, пишущий на этом языке художник особенно внимателен к собственным корням: ханов-кочевников он видит в киргизах, перестающих быть для него "чужим" народом. Однако этнос помещается в хронотоп небытия, располагаясь по временной оси в прошлом, а по пространственной – в противопоставленном степи царстве подземного, загробного, смертельного» [Абдуллина 2017: 357]. Данную мысль закономерно продолжить наблюдением о действительном «троемирии» художественного пространства Гребенщикова.

Е. Г. Романова, находясь также в русле исследований транскulturности, изучает развитие Гребенщико-вым мотива аккультурации. Она отмечает, что автор, рефлексируя на тему взаимодействия оседлой и кочевой культур, раскрывает данный аспект средствами хронотопа: «Гребенщиков усиливает трагическое звучание повести через контраст зачина (великое прошлое) и финала (бесславное настоящее). <...> Пространство финала – уже не безбрежная степь, а душная шахта» [Романова 2019: 110].

Об особом статусе семейства, находящегося в центре повествования, говорят значения имен главных героев новеллы. Антропоним «Батырбек» подчеркивает принадлежность героя к княжескому роду, поскольку тюркский корень «бек» указывает на титул. То же значение имеет антропоним «Бек-Мурза», происходя из сочетания корней «бек» и «мурза», которые означают обладание титулом. Однако стоит помнить о популярности данных имен в тюркской культуре, и уже во времена Гребенщикова они давались не только представителям правящих родов. Тем не менее, при помещении сюжета в фольклорное пространство данные имена подчеркивают высокое положение героев, функционируя в своих прямых значениях. Так, «говорящими» являются женские имена – жены и невестки Батырбека. Имя «Бибинор», искаженное «Бибинур», означает «светлая девушка» («нур» – свет, «биби» – девушка, молодая госпожа), и Гребенщиков описывает ее до трагических событий новеллы как полную жизни, веселую, жизнерадостную молодую женщину: «Она была тоненькая, смуглая, с быстрыми, блестящими глазами и вечно смеющимся широким лицом». Имя «Айнеке» или «Айнек» в переводе с арабского означает «глаза», «глазастая», впрочем, в тексте реализован негативный аспект данного имени: Айнеке предстает перед читателем как старая, ворчливая женщина, всегда ищущая повод для недовольства невесткой и пристально следящая за ней.

Примечательно также имя сродного брата Батырбека – Сарсеке, восходящее к двум тюркским корням (сарь – желтый, созревший; секе – уважаемый, мудрый) и означающее человека, умудренного жизнью и опытом. Гребенщиков же в тексте дает Сарсеке определение «башковитый».

Областнические интенции в «Ханстве Батырбека» активно транслируются Гребенщико-вым через этнотопонимы и связанные с ними определения. Так, несколько раз в тексте «киргизское» противопоставляется «русскому» не в пользу последнего: «Кончал Карабай свои наставления всегда вспоминал о далекой старине, когда киргизская жизнь была еще полна приволья и когда степи киргизские не видели коварного "оруса" с его разрушительной сохой» (здесь и далее цит. по: [Гребенщиков 1913]) («орус» – от каз. «орыс» – русский); «Лишь немногие из киргизов видели, что года три-четыре назад здесь появился громадный серый обоз из телег и бричек, нагруженных домашним скарбом, засаленными мешками и грязными люльками... Людей было много, и они показались киргизам грязными и злыми, с тягучей русской бранью и крикливыми ребятишками».

Примечательно, что слово «черт» и его производные употреблены четырежды русскими рабочими, один раз – в адрес киргизов, и также в одной из сцен Батырбек обвиняет «орусов» в связи с «шайтаном»: «Тридцать три года орус богу не молился... Тридцать три года шайтана просит... Ты понимаешь? (...) Тридцать три года родную мать голодом держит... Тридцать три года орус обманывает и обижает бедных людей. Потом приходит шайтан... Потом орус отдает ему свою душу. Потом шайтан лезет, куда орусу надо». Однако Сарсеке, тот самый «мудрый и понимающий» человек, относится к русским беззлобно и с жалостью: «С русскими рабочими он [Сарсеке] не дружил, но и не ссорился, с любопытством присматриваясь к их еще более горькой, чем киргизская, жизни...»; «Плохо понимал Сарсеке русский язык, но все же понимал содержание разговора русских. Понимал, дивился и жалел их...». Таким образом, Гребенщиков, хоть и противопоставляет русскую культуру киргизской, хоть и связывает «вторжение» русской культуры с упадком культуры этнического меньшинства, все же делает это не как обвинитель, а как безмолвный наблюдатель межэтнического конфликта. Это также проявляется в стилистической окраске использованного автором заимствования «орус» (см. ниже).

Наряду с описанными выше способами реализации областнических интенций Гребенщиков активно прибегает к использованию иноязычных вкраплений и заимствований. Функционирование иноязычной лексики в

художественных текстах является предметом многолетней и продуктивной рефлексии ученых. Например, С. И. Манина рассматривает ИВ в аспекте прагматики, то есть как средство создания особых коммуникативных характеристик текста [Манина 2010: 95–98].

С. Влахов и С. Флорин дают иноязычным вкраплениям следующее определение: «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии» [Влахов, Флорин 1980: 263].

Традиционно в переводоведении иноязычные вкрапления относят к безэквивалентной лексике, которая, как принято считать, обозначает реалии. В связи с этим С. Влахова и С. Флорина интересует вопрос четкого определения понятия «реалия» и его разграничения с иноязычными вкраплениями, экзотизмами, варваризмами, лакунами, а также способа передачи реалий в переводном тексте. Е. А. Вишнякова подчеркивает рефлексию исследователей, обращая особое внимание на следующий вопрос: «...авторы задаются аналогичным вопросом и в отношении иноязычных вкраплений, утверждая, что немаловажным фактором при переводе является степень знакомства читателя с вкраплением. Пожалуй, единственным положением, не вызывающим сомнения авторов, является случай, когда перевод вкрапления представлен автором в тексте, либо в следующей фразе» [Вишнякова 2017: 26]. Важно в данном контексте обратить внимание на позицию И. Левого, утверждавшего, что наиболее приемлемое решение перевода иноязычных вкраплений «перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужезычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста (особенно если основная мысль повторена в соседней фразе)» [Левый 1974: 138].

Представляется логичным разделить иноязычную лексику повести «Ханство Батырбека» на две группы: иноязычные вкрапления и заимствования. К первой группе относятся обращения, риторические восклицания и устойчивые выражения. Ко второй же группе принадлежат реалии. Иноязычная лексика относится к тюркской языковой группе, она не оформлена графически: автор приводит ее в кириллическом написании, что было характерно для дискурса областнической этнографии рубежа XIX–XX вв. [Масяйкина 2019: 11]. Такое оформление делает текст однородным, ИВ и заимствования не выделяются и воспринимаются читателем как органический элемент прямой речи героев и описаний рассказчика.

Рассмотрим ряд реплик героев, содержащих в себе иноязычные вкрапления. При описании невестки Батырбека Бибинор приводится ее реплика: «А?.. Не айтасын? Айт, не керек! Что ты сказал? Скажи что надо!» Здесь Гребенщиков приводит перевод вкрапления в следующей за ним фразе, что можно считать осознанным писательским решением, поскольку данное вкрапление представляется достаточно сложным для читательского понимания. Противоположная стратегия используется автором при введении в прямую речь обращений: «Ой-бой, тахсыр... Большая беда!», «Эй, Батырбек абзи...», «Тише вы, шайтаны!». Здесь автор не использует пояснений, поскольку предполагается привлечение читателем контекста, из которого становится очевидно, что «ой-бой» является восклицанием, выражающим недоумение и возмущение, «шайтан» представляет собой продуктивное заимствование в русский язык, означающее «черт», а «тахсыр» и «абзи» означают почтительное обращение к собеседнику.

Однако в тексте присутствует и ряд иноязычных вкраплений, которым не дается авторских пояснений и которые представляется проблематичным понять за счет контекста. Иллюстративным примером является фраза, произнесенная Батырбеком во время драки с русскими: «Батырбек с небывалой силой и негодованием, с неиспытанными еще властью и энергией крикнул: – Не-ге?». Данное восклицание означает «зачем?», однако автор не оставляет читателю подсказок о его значении, что потенциально генерализирует восприятие читателем данной реплики. Схожим образом функционирует восклицание «Остапыр, аллах!..», которое дважды произносят герои, когда в степь приходит джуг. Данное высказывание является производным от казахского «астапыралла», что означает «О Боже», «Не дай Бог», однако автор не дает никаких пояснений данному выражению, кроме контекстуальных. Также контекстуальное восприятие прямой речи читателем актуализируется в реплике «Драстий, рабати... Каков поживаешь?.. Мала-мала джерай?», первые две фразы которой являются измененными русскоязычными высказываниями, а последняя обозначает «ходите помаленьку?», где «джерай» является видоизмененным казахским глаголом «жүру» – «ходить».

Пограничным между данными двумя группами является предложение «Десять ханов пешком к джандаралу послал». «Джандарал» (каз. «жандарал») дословно переводится как «генерал», но в ряде высказываний приобретает контекстуальное значение «черт», «леший», что дает возможность осмыслить фразу как «десять ханов пешком к черту послал».

Согласно художественному замыслу Гребенщикова, персонажи-казахи говорят по-казахски, что подтверждается авторскими ремарками как в «прямом» («И заговорил с ним на родном своем языке», «и на своем языке доказывал ему»), так и в «обратном» направлении («он на плохом русском языке стал просить их», «ругая его на русском языке»), однако большая часть их реплик приведена на русском языке. Таким образом, иноязычные вкрапления являются маркером иноязычия, давая понять читателю, что герои говорят на казахском.

Заимствования в повести представлены в основном своем объеме реалиями казахского быта рубежа XIX–XX вв. Автором используются как более адаптированные лексемы, такие как «юрта», «джигит», «хан», так и менее, например, «кыстау» (каз. «қыстау» – место для зимовки, зимнее пастбище), «баранта» (каз. «барымта» – захват скота), «джайлау» (каз. «жайлау» – летнее пастбище), «колдун-баксу» (каз. «бакшы»). Данная группа иноязычной лексики, согласно Д. Э. Розенталю, выполняет функцию передачи соответствующих понятий и создания местного колорита [Розенталь 1974: 80–81]. Важно отметить, что в тексте не содержится сносок, объясняющих читателю значение данных понятий,

что переводит их в поле контекстуального восприятия. Однако же в автопереводе данной повести Гребенщиков провел дополнительную работу с реалиями, создав сноски, объясняющие ряд потенциально незнакомых англоязычному читателю слов: к примеру, джигит («djiguit» в авторской транскрипции) был объяснен автором как «perfect rider» [Масяйкина 2020: 438].

Особенным по функционированию и стилистической окраске является заимствование «орус», от каз. «орыс» – «русский». В прямой речи оно приводится без кавычек, в речи рассказчика – с кавычками, что свидетельствует об осознанном использовании автором данного этнонима и его оценивающим характере. Помимо этого, использование кавычек является симптоматичным свидетельством отстранения рассказчика от позиции героев и постулирования себя как «нейтральной стороны», не вовлеченной в сложные межэтнические взаимодействия русского и казахского населения степи.

Гребенщиков в данной повести рефлексировал на тему унификации неевропейских народов Сибири из-за влияния западной культуры и цивилизации, а также обращает читательское внимание не только на потерю ими культурной самобытности, но и на утрату экологического синтеза с природой Сибири и Алтая. Культурная самобытность героев выражена не только средствами реалий и сюжетных ходов (сюжет гонки за невестой), но и лексическими средствами, в частности, говорящими именами, выражающими характер и личные качества героев («светлая девушка», «глазастая», «мудрый, башковитый»). Также средствами культурной выразительности могут быть признаны иноязычные вкрапления, дающие понять читателю, что герои говорят на казахском, причем автор в ряде случаев не дает в тексте значений иноязычий, предоставляя читателю право самостоятельно понять смысл реплик, опираясь на контекст. Иноязычные вкрапления как несут коммуникативную функцию, присутствуя в обращениях, так и описывают реалии, характерные для степного быта рубежа XIX–XX вв. Так повесть Г.Д. Гребенщикова «Ханство Батырбека», воплощая интерес автора к номадической культуре, становится иллюстративным репрезентантом лексико-языковых практик сибирского областничества.

Литература

- Абдуллина Л. И. «Ханство Батырбека» Г. Д. Гребенщикова : авторский вариант имагологического дискурса / Мир науки, культуры, образования. - 2017. - № 2 (63). - С. 355-358.
- Вишнякова Е. А. Иноязычные вкрапления в эгодокументах русских классиков: на материале писем и дневников В. А. Жуковского: магистерская диссертация по направлению подготовки: 45.04.01 – Филология, 2017.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Международные отношения. М., 1980.
- Горбенко А. Ю. Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова : генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул, 2002.
- Гребенщиков Г. Из моей жизни : странички автобиографии / Зарницы. - 1925. - № 1. - С. 5-15.
- Гребенщиков Г. Д. Ханство Батырбека. 1913. URL: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1913_khanstvo_batyrbeka.shtml.
- Казаркин А. П. Георгий Гребенщиков и областничество / Вестник Том. гос. ун-та. - 2004. - № 282. - С. 290-294.
- Корниенко В. К. Георгий Гребенщиков – последние годы жизни : часть 2 : из писем Т. Д. Гребенщиконой, Л. Ф. Магеровскому и Н. Н. Яновскому / Культурное наследие Сибири : сб. науч. ст. - Барнаул, 1994. - С. 127-143.
- Левый И. Искусство перевода. М., 1974.
- Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
- Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений. / Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. - 2010. - Вып. 1. - С. 95-98.
- Масяйкина Е. В. Имагинальное пространство степи в повести Г. Д. Гребенщикова "Ханство Батырбека" и ее англоязычных автопереводах / Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых (16-18 апреля 2020 г.). Томск, 2020. Вып. 21. С. 435-440.
- Масяйкина Е. В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г.Н. Потанина и Г.Д. Гребенщикова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021.
- Масяйкина Е. В. Культурно-просветительская деятельность Г. Д. Гребенщикова в США: по материалам архива писателя / Нравственные ценности и будущее человечества (1155-летию создания равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием славянской азбуки посвящается...) : материалы XXVIII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 15 апреля – 31 мая 2019 г. Томск, 2019. С. 77-80.
- Масяйкина Е. В. Совместные работы Н. И. Затопляева и Г. Н. Потанина: по материалам Научной библиотеки Томского государственного университета / Сибирский филологический журнал. - 2019. - № 3. - С. 9-19.
- Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского Изд. 3-е. М., 1974.
- Романова Е. Г. Аккультурация как объект художественного исследования в ранней прозе Г. Гребенщикова / Филология и человек. - 2019. - № 1. - С. 105-116.
- Салимгерей К. Х. Степные узоры в творчестве Г. Д. Гребенщикова / Русский писатель : Г. Д. Гребенщиков. URL: http://grebensh.narod.ru/stepp_patterns.htm
- Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы» / Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. URL: <http://akunb.altlib.ru/files/literaryMap/Texts/Grebenshikov/074.htm>

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1892.

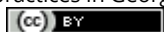
References

- Abdullina, L. I. (2017). "The Khanate of Batyrbek" by G. D. Grebenshchikov: the author's version of the imagological discourse. *World of science, culture, education*, 2 (63), 355-358 (in Russian).
- Chernyaeva, T. G. Georgy Grebenshchikov and his novel "Churaevs", Altai Regional Universal Scientific Library. Available from: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Grebenschikov/074.htm> (in Russian).
- Gorbenko, A. Yu. (2016). Life-building of G. D. Grebenshchikov: genesis, mechanisms, semantics, context: candidate of philological sciences dissertation, Tomsk (in Russian).
- Grebenshchikov, G. (1925). From my life: pages of autobiography. *Zarnitsy*, 1, 5-15 (in Russian).
- Grebenshchikov, G. D. (2002). My Siberia. Barnaul (in Russian).
- Grebenshchikov, G.D. (1913). The Khanate of Batyrbek. Available from: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1913_khanstvo_batyrbeka.shtml
- Kazarkin, A.P. (2004). Georgy Grebenshchikov and oblatnichestvo. *Journal of Tomsk State University*, 282, 290-294 (in Russian).
- Kornienko, V. K. (1994). Georgy Grebenshchikov - the last years of his life: part 2: from the letters of T. D.
- Grebenshchikova, L. F. Magerovsky and N. N. Yanovsky. *Cultural heritage of Siberia: collection of papers*, Barnaul, 127-143 (in Russian).
- Levy, I. (1974). *The art of translation*. Moscow (in Russian).
- Malinov, A. V. (2012). *Philosophy and ideology of regionalism*. Saint Petersburg (in Russian).
- Manina, S. I. (2010). Pragmatic functions of foreign inclusions. *Bulletin of the Adyge State University, Part 2: Philology and art history*, 1, 95-98 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2019). Collaboration of N. I. Zatoplyayev and G. N. Potanin: on the materials Scientific Library of Tomsk State University. *Siberian Journal of Philology*, 3, 9-19 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2019). Cultural and educational activities of G. D. Grebenshchikov in the USA: based on the materials of the writer's archive. *Moral values and the future of mankind (dedicated to the 1155th anniversary of the creation of the Slavic alphabet by the Equal-to-the-Apostles brothers Cyril and Methodius): materials of the XXVIII Spiritual and Historical readings in memory of Saints Cyril and Methodius Equal to the Apostles*, Tomsk, 77-80 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2020). Imagological space of the steppe in G. D. Grebenshchikov's "The Khanate of Batyrbek" and its English self-translations. *Actual problems of linguistics and literary criticism: collection of materials of the VII (XXI) International scientific and practical conference of young scientists (April 16-18 2020)*, Tomsk, 21, 435-440 (in Russian).
- Masyaikina, E. V. (2021). *Literary heritage of the Siberian regionalism: on the material of the archives of G.N. Potanin and G.D. Grebenshchikov: candidate of philological sciences dissertationю Tomsk* (in Russian).
- Romanova, E. G. (2019). Acculturation as an object of artistic research in the early prose of G. Grebenshchikov. *Philology and a man*, 1, 105-116 (in Russian).
- Rosenthal, D. E. (1974). *Practical style of Russian*, Ed. 3rd. Moscow (in Russian).
- Salimgerei, K. Kh. Steppe patterns in the work of G. D. Grebenshchikov, Russian writer: G. D. Grebenshchikov. Available from: http://grebensh.narod.ru/stepp_patterns.htm (in Russian).
- Vishnyakova E. A. (2017). Foreign inclusions in the egodocuments of Russian classics: based on the letters and diaries of V. A. Zhukovsky: master's thesis in the direction of preparation: 45.04.01, 136 (in Russian).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation, International relationships*. Moscow (in Russian).
- Yadrintsev, H. M. (1892). *Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms*, Ed. 2nd, corrected and supplemented. Saint Petersburg (in Russian).

Citation:

Масяйкина Е.В., Владимирова С.Б. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 90-95.

Masyaikina E.V., Vladimirova S.B. (2022). Oblasnichestvo ideology at the reflection of Russian culture: on the material of lexico-linguistic practices in George Grebenshchikov's story «The Khanate of Batyrbek». *Legal Linguistics*, 26, 90-95.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юрико-лингвистических знаний¹

реферативный обзор

Е.И. Галяшина¹, К.М. Богатырев², В.Д. Никишин³

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Садовая-Кудринская ул., 9, 125993, Москва, Россия

E-mail: ¹eigalyashina@gmail.com; ²kbog@rambler.ru; ³vdnikishin@msal.ru

Современное общество, на рубеже тысячелетий вступившее в постиндустриальную эпоху развития, характеризуется как общество информационное. В первую очередь такая характеристика обусловлена ролью информации как основного двигателя экономического и социального прогресса. Возможности по обмену информацией, обеспеченные современными электронными средствами массовой коммуникации, представляют широчайшие возможности для быстрого распространения любой информационной продукции, имеющей цифровую форму, на неограниченные расстояния. Однако, как и в любой другой сфере общественных отношений, грубое пренебрежение интересами окружающих и злоупотребления возможностями, предоставляемыми цифровыми средствами массовой коммуникации, создает угрозу нарушения прав и законных интересов личности, общества и государства.

Это обусловило социальный заказ на разработку концепции обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде на основе комплексного юрико-лингвистического подхода, позволяющего, с одной стороны, уважать и соблюдать свободу слова и плюрализм мнений, но, с другой стороны, защищать права человека (в первую очередь ребенка) от деструктивного воздействия вредоносной и криминогенной информации. Правоприменительная практика остро нуждается в объективной критериологии, позволяющей детерминировать вредоносный, криминогенный и деструктивный характер информационных материалов, свободно распространяемых в интернет-среде, на основе типовых диагностических комплексов признаков отдельных видов криминогенных речевых действий.

Концептуальной доминантой исследования современных информационных угроз коммуникации в интернет-среде и разработки эффективных мер противодействия им с использованием специальных юрико-лингвистических знаний является междисциплинарное изучение факторов, провоцирующих воздействие агрессивной медиасреды на трансформацию мировоззренческих и когнитивных характеристик личности.

В рамках исследования были выявлены основные пробелы в системе существующих правовых институтов, создающих риски возникновения и распространения криминогенной, фейковой и вредоносной информации в виртуальном пространстве. На основе обобщения судебной и судебно-экспертной практики (в том числе по делам, решениями по которым материалы включались в Федеральный список экстремистских материалов, а также по делам, решениями по которым сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, включались в Единый Реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено), практики Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора), анализа нормативных правовых актов, устанавливающих ответственность за криминогенные речевые действия, а также междисциплинарного анализа научных публикаций, посвященных проблемам деструктивного информационного воздействия в сети Интернет, был сформулирован новый классификатор и на его основе была произведена классификация форм репрезентации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юрико-лингвистических знаний».

девиантного и деликвентного речевого поведения в цифровой среде, а именно было осуществлено разграничение контентных и коммуникационных рисков [Галяшина, Никишин 2021].

Выдвинутая участниками проекта гипотеза о необходимости разработки системных мер по противодействию перечисленным рискам информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде подтвердилась в ходе интервьюирования практических работников, а также результатами проведенного анкетирования участников судопроизводства (судей, следователей (дознателей), руководителей следственных органов / органов дознания, сведущих лиц (судебных экспертов / специалистов), адвокатов). Проведенный аналитический обзор публикаций по проблемам использования специальных знаний в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде позволил определить перспективу комплексирования и интеграции различных отраслей научного юридического и речеведческого (лингвистического) знания для получения синергетического эффекта.

Пробелы правового и недостатки судебно-речеведческого обеспечения противодействия рискам возникновения и распространения криминогенной, фейковой и иной вредоносной информации в виртуальном пространстве должны рассматриваться системно с учетом выявленной взаимосвязи коммуникативных и контент-рисков, общности речевых тактик и стратегий агрессивной веб-коммуникации, возможности качественного перехода информационных атак из одного агрессивного дискурса в другой, а также установленных в ходе мониторинга социальных сетей фактов вовлеченности веб-пользователей одновременно в сообщества агрессивного (условно-«экстремистского»: насилие направлено вовне) и депрессивно-аутоагрессивного (условно-суицидального: насилие направлено на себя) характера. [Никишин, Галяшина 2020; Галяшина 2020; Galyashina 2020; Никишин 2020; Богатырев 2021 и т. д.].

В рамках исследовательского проекта было дано определение понятия информационно-мировоззренческой безопасности коммуникации в цифровой среде, под которой предложено понимать состояние защищенности пользователей цифровой среды, при котором отсутствуют контентные и коммуникационные риски, связанные с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию коммуникантов.

Мировоззренческая медиабезопасность рассматривается как деятельность, направленная на защиту пользователей от информации, негативно влияющей на их индивидуальное сознание, образные представления о мире и месте в нем человека, основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации, создающей угрозу традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Ее обеспечение важно не только для защиты права рядовых пользователей Интернета на комфортную и безопасную коммуникацию, но и для защиты профессиональных сообществ, для которых Интернет является рабочей средой [Галяшина 2021].

Проведены оригинальные исследования по изучению цифрового сегмента медиасреды на предмет разработки адекватного понятийно-категорийного аппарата. Под медиасредой предложено понимать часть информационного пространства, в которой информация вне зависимости от формы распространяется посредством средств массовой коммуникации (в т. ч. средств массовой информации). Цифровая среда же определена как совокупность информационных технологий и информационных систем, обрабатывающих информацию, имеющую цифровую форму представления, а также содержащих такую информацию информационных ресурсов. В таком ракурсе рассмотрения понятий медиабезопасность представляет собой состояние защищенности отдельной личности от любых существующих в медиасреде информационных угроз (находящих свое отражение в информационных продуктах, оборот которых ограничен или запрещен действующими нормативными правовыми актами), а также вытекающее из него состояние защищенности государства и общества [Богатырев 2021].

Системный анализ информационного продукта пропагандистской направленности с целью манипулятивного речевого воздействия позволил делимитировать его две основные функции: мелиоративную и пейоративную. Мелиоративная (возвеличительная) функция направлена на позитивную характеристику (героизация, прославление, оправдание, обоснование необходимости осуществления) какого-либо предмета речи (идеологии, доктрины, взглядов, позиций, действий, деяний и т. д.). Пейоративная (уничижительная) функция направлена на негативную характеристику предмета речи (оскорбление, унижение, дискредитацию и т. д.), а также их функционально-семантические разновидности [Галяшина 2020].

Одной из основных угроз информационно-мировоззренческой безопасности цифровой коммуникации является язык вражды (hate speech). В рамках исследования был проведен анализ концепта «язык вражды» в свете подходов Европейского суда по правам человека в контексте обеспечения прав и свобод человека, а также охраны национальной безопасности, конституционного строя, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Сделан вывод, что концепт языка вражды позволяет сместить фокус внимания правоведов (прежде всего криминологов) с крайней криминализованной части языка вражды – вербального экстремизма – на его «мягкие» формы – пропагандистский и дискриминационно-ксенофобский дискурс, профилактика которого должна обеспечить превенцию преступлений и правонарушений экстремистской и террористической направленности, что, безусловно, входит в задачи обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации.

Кроме того, специфика собирания в интернет-среде цифровых следов актуализирует вопросы привлечения лиц, сведущих в компьютерных и телекоммуникационных технологиях, а также приобретения экспертами-речеведами дополнительных компетенций в этой области. Изучено соотношение понятий «цифровой след» и «речевой след». Предложено ввести в понятийный аппарат судебной экспертологии понятия активного и пассивного цифровых следов, что позволяет разграничить криминалистические ситуации, в которых необходимо либо напротив излишне

привлечение эксперта в области компьютерных технологий при исследовании интернет-коммуникации. Полученные результаты, обладающие научной новизной, имеют значение не только для развития общей теории (в части понятийного аппарата) судебной экспертологии и теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, но и для практики назначения и производства судебных экспертиз криминальных информационных материалов из цифровой среды [Никишин 2020].

На основе анализа научной литературы были детерминированы понятия «криминогенность» и «вредоносность» информации и очерчено семантическое поле концепта «деструктивность информационного воздействия». Установлено, что девиантное речевое поведение (формы репрезентации речевой агрессии) в цифровой среде коррелирует с такими медиальными понятиями, как вредоносность, деструктивность, конфликтогенность, криминогенность, дискредитация (дискредитирующая информация) и др. На основе анализа научной литературы, нормативных правовых актов и экспертной практики в кругах Эйлера впервые было детерминировано соотношение следующих концептов агрессивного информационного воздействия: агрессия, деструктивность (вредоносность), дискредитация, конфликтогенность, криминогенность.

На основе проведенного мониторинга русскоязычного сегмента Интернета в качестве ключевых характеристик интернет-коммуникации выделены: опосредованность, дистантность, интерактивность, доступность, глобальный межкультурный характер, относительная анонимность, многомерность, картинность, размывание норм поведения и морали, девиантность, сжатость (компрессированность), фатичность и креативность, диалогичность, добровольность и желательность контактов, маргинализация и карнавализация коммуникационных процессов, мультимедийность, интерактивность, полимодальность и поликодовость, гипертекстуальность [Галяшина, Никишин 2021].

Следует отметить, что интернет-дискурс по своим свойствам отличается от сугубо устной либо письменной коммуникации. Широкие возможности по кодированию информации, предоставляемые электронными устройствами передачи данных, приводят к трансформации языка, изменению правил обращения с ним. Текст электронной коммуникации, выраженный в электронной форме и имеющий материальный носитель, имеет общие черты со стандартно организованным письменным текстом, однако он также обладает свойствами, характерными для устной коммуникации (особенно ярко это проявляется в текстах постов и переписки в социальных сетях). Основными подходами к совершенствованию методик установления авторства текстов электронной коммуникации являются работа над изучением свойств спонтанных письменных текстов, присущей текстам интернет-дискурса стилистики. Цифровая трансформация языка приводит к возникновению новых языковых норм, ввиду чего формальные методы, использовавшиеся для установления автора подготовленного письменного русскоязычного текста и разработанные в последней трети XX-го века, не подходят для исследования таких текстов [Galyashina, Nikishin, Bogatyrev 2021].

Понятие «мультимодальный текст» неравнозначно понятию «поликодовый (креолизованный) текст», т. к. в основе выделения данных языковых сущностей лежат разные критерии: сенсорная модальность и коммуникационный канал. Обосновано, что речевые действия, посягающие на информационно-мировоззренческую безопасность цифровой коммуникации, реализуются преимущественно не в гомогенной (сугубо вербальной) форме, а в форме гетерогенного речевого продукта, к которому «прирастает» в качестве неотъемлемой части информация, закодированная несегментными (невербальными) кодами: фотоизображения, видео, мелодии, схемы, анимация, гиперссылки и т. д. Доказано, что объективное исследование таких гетерогенных продуктов криминогенной интернет-коммуникации в целях установления фактов, имеющих значение для установления содержательно-смысловой направленности полисемиотичных речевых продуктов, должно основываться на учете феноменов поликодовости и мультимодальности криминогенной коммуникации в цифровой среде. Предложена новая классификация видов отношений между вербальным и иконическим компонентами поликодовых текстов исходя из характера межсемиотических связей [Никишин, Галяшина 2020].

Для классификации речевых (коммуникативных) стратегий и тактик информационного воздействия целесообразно деление информации на деструктивную, криминогенную, конфликтогенную, дискредитирующую, вредоносную на основе сопряжения концепта агрессивного информационного воздействия и классификации угроз (рисков) информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации [Galyashina, Nikishin 2021].

Криминалистический анализ факторов, детерминирующих негативное воздействие на мировоззрение реципиента (изменение его ценностных и эмоциональных оценок, волеизъявлений) посредством информационных материалов, распространяемых в интернет-среде, позволил определить признаки деструктивности (для реципиента) криминогенного и/или вредоносного информационного продукта (перлокутивный эффект), а также закономерности формирования методологии профилактики и противодействия его распространению. Информационные сообщения в интернет-среде, целенаправленно распространяемые для воздействия на мировоззрение пользователей, имеют мультимодальный (вербально-паравербальный) характер. Поэтому особенности поликодовых текстов с нелинейным характером в интернет-коммуникации требуют предоставления их на судебную лингвистическую экспертизу в виде электронных копий на цифровых носителях, чтобы эксперт мог исследовать объект мультимодальной перцепции в аутентичном виде [Галяшина 2020].

Особое внимание в рамках исследования было уделено организационно-правовым, теоретическим и методическим аспектам юридико-лингвистического обеспечения противодействия экстремизму и терроризму в уголовном, административном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях. На основе анализа заключений экспертов установлено, что основной причиной экспертных ошибок является неоднозначность трактовки понятия «экстремистские материалы», диспропорция последнего с экстремистскими речевыми действиями, образующими составы преступлений и административных правонарушений. Обоснован вывод о необходимости

изменения существующего экспертного подхода в сторону выработки единой для всех видов судопроизводства критериологии определения криминалистических диагностических комплексов признаков, необходимых и достаточных для обоснования экстремистской сущности информационных материалов.

На основе специальных речеведческих знаний разработаны типовые криминалистические диагностические комплексы (далее – КДК) криминогенных речевых действий, посягающих на мировоззренческую безопасность в интернет-среде. Разработанные типовые КДК криминогенных речевых действий представляют собой модели криминогенных речевых действий – образцы-эталон для сравнительной стадии диагностического исследования. Универсальные КДК являются основным средством для проведения диагностических исследований и разработаны для решения типовых задач по исследованию следов криминогенных речевых действий с целью установления в речевом продукте специальных признаков объективной стороны преступления (правонарушения) [Галяшина, Никишин, Богатырев 2021].

Сформулированы предложения по гармонизации антиэкстремистского законодательства на основе криминалистических диагностических комплексов экстремистских речевых действий и предложена концепция экстраполирования предложенной модели совершенствования законодательства на иные криминогенные речевые действия [Галяшина, Никишин 2021].

В рамках исследования были также рассмотрены проблемы юридико-лингвистического обеспечения нормального и эффективного функционирования глобальных исследовательских инфраструктур (проектов класса Mega Science) в условиях информационных атак в новых медиа. Предложена дефиниция медиабезопасности проектов класса «мегасайенс» как деятельности, направленной на защиту глобальных исследовательских инфраструктур, организаций, участвующих в проектах класса «мегасайенс», а также физических лиц (привлеченных к их реализации ученых и административных работников) от информационных атак диффамационного, фейкового и экстремистско-террористического дискурса. Благополучателями обеспечения медийной безопасности проектов класса «мегасайенс» являются не столько перечисленные в вышеуказанном определении физические и юридические лица, сколько гражданское общество в целом, защищенное таким образом от дезинформации о функционировании глобальных исследовательских инфраструктур и потенциальных насильственных действий, создающих угрозу функционированию объектов жизнеобеспечения. В этой связи обеспечение медиабезопасности проектов класса «мегасайенс» необходимо для защиты деловой репутации субъектов научно-технического сотрудничества, создания положительного имиджа мегапроекта и привлечения российских и зарубежных ученых, а также для популяризации результатов реализации данных проектов. Разработана концепция профессиональной подготовки юристов-экспертов в данной сфере, способных осуществлять юридико-лингвистическое исследование речевых следов диффамационного, фейкинг- и экстремистско-террористического дискурса в рамках правозащитной и профилактической деятельности для обеспечения медиабезопасности глобальных исследовательских инфраструктур. Кроме того, в процессе работы над проектом изучены вопросы защиты указанной инфраструктуры от угроз, связанных с дипфейк-технологиями [Galyashina, Nikishin 2022].

Современная цифровая среда (включая интернет-СМИ, блоги и социальные сети) является благодатной почвой для активного функционирования симулякров — псевдообразов явлений действительности, активно используемых в манипулятивных стратегиях и оказывающих психологическое воздействие на реципиентов, целенаправленно замещая реальность ложными установками и символами. Прием «симулякр» особенно распространен в таких формах деструктивного информационного воздействия в интернет-среде, как фейкинг и пропаганда экстремистско-террористической идеологии. Подобного рода инструменты могут использоваться не только для вовлечения жертв в экстремистско-террористический дискурс, но и в целом для продвижения «мортилатрии» (под которой понимается «культ смерти во имя какой-либо цели») в деструктивных целях.

Методология проведенного исследования, сочетая меж-/ трансдисциплинарность и интеграционный характер, охватывает такие области научного знания, как материальное и процессуальное право, криминалистика, информационное право, судебная экспертиология, криминология, с одной стороны, и судебное речеведение (судебная лингвистика), семасиология, прикладная и математическая лингвистика, теория языка, теория коммуникации, когнитивистика, девиантология, психология, психолингвистика, политология и другие науки социально-гуманитарного цикла, с другой стороны. Такой подход обеспечивает не просто комплексирование, а синтез знаний на базе синтетической юридико-лингвистической науки судебного речеведения, и позволяет реализовать неординарную критериологию: прежде чем переходить к рассмотрению вопросов устранения правовых лагун путем внесения изменений в составы правонарушений, образованных криминогенными речевыми действиями, были, во-первых, рассмотрены криминогенные речевые действия как концепты, изучаемые различными науками социально-гуманитарного цикла (как языковые и социальные сущности), а во-вторых, на основе данного анализа были сформулированы соответствующие криминогенным речевым действиям криминалистические диагностические комплексы, которые выполняют дуалистическую функцию: с одной стороны, они позволяют корректно сформулировать составы криминогенных речевых действий в законодательстве, с другой стороны, правоприменитель и судебный эксперт обращаются к ним при проведении криминалистической диагностики агрессивных (криминогенных) информационных материалов.

В результате работы над данным проектом сформулированы понятийные основы частной теории использования специальных речеведческих (лингвистических, автороведческих, фоноскопических) знаний в целях обеспечения медиабезопасности в цифровой среде. Разработан понятийно-категорийный аппарат теории медиабезопасности в цифровой среде, в т. ч. сформулированы понятия «средства массовой коммуникации», «средства массовой

информации», «медиабезопасность», «цифровая среда», «информационное пространство» и т. д. Изучены закономерности функционирования русского языка в условиях интернет-коммуникации и потенциал его деструктивного использования в криминальных целях. Проведен криминалистический анализ факторов, детерминирующих негативное воздействие на мировоззрение реципиента (изменение его ценностных и эмоциональных оценок, волеизъявлений) посредством информационных материалов, распространяемых через средства массовой коммуникации. Подробно изучена проблематика деструктивных субкультурных течений, активно рекрутирующих и в т. ч. вовлекающих в свою деятельность несовершеннолетних. С точки зрения теории информационно-мировоззренческой безопасности проанализированы актуальные информационные угрозы, связанные с распространением агрессивных и аутодеструктивных идей среди несовершеннолетних. В рамках разработки теории медиабезопасности в цифровой среде изучены основные механизмы донесения такой информации до реципиента.

Предложенная в исследовании концепция обеспечивает инструментарий для разработки правовых рамок для регламентации интернет-среды в целях соблюдения баланса права человека на свободу слова и плюрализм мнений и защиты от вредоносной и криминогенной информации (в первую очередь защиты прав ребенка на безопасную коммуникацию) в цифровой среде.

Полученные результаты в области разработки систем информационно-мировоззренческой и медиабезопасности и их обеспечения имеют значение не только для развития криминалистики, судебной экспертологии, судебного речеведения, но и для практики криминалистического обеспечения собирания цифровых следов при назначении судебных экспертиз криминогенных информационных материалов. По итогу работы над проектом планируется издание монографии, в которой найдет отражение целостная теория противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний.

Литература

- Galyashina E.I. The Extremist Internet Discourse: Legal, Scientific and Practical Aspects of Forensic Linguistic Analysis / Theory and Practice of Forensic Science. - 2020. - № 15 (2). - С. 81-90.
- Galyashina E.I., Nikishin V.D. The Concepts of Aggressive Information Impact through the Lens of Internet Users' Worldview Security / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. - 2021. - № 14 (11). - P. 1660-1673.
- Galyashina E.I., Nikishin V.D. The protection of megascience projects from deepfake technologies threats: information law aspects / Journal of Physics: Conference Series. - 2022.- Volume 2210.
- Galyashina E.I., Nikishin V.D., Bogatyrev K.M. Media security protection: new methodology for authorship examination of the Internet discourse / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: International Conference on Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm (LATIP 2021). - 2021. - Volume 118. - P. 601-610.
- Богатырев К.М. Медиабезопасность в цифровой среде: криминалистический аспект / Теория и практика расследования преступлений. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. - С. 292-296.
- Богатырев К.М. Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде / Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. - № 10 (131). - С. 124-134.
- Галашина Е.И. Использование специальных знаний для обеспечения мировоззренческой медиабезопасности / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2021. - С. 54-58.
- Галашина Е.И. Использование специальных знаний для противодействия угрозам информационной безопасности интернет-коммуникации / Вестник криминалистики. - 2020. - № 2 (74). - С. 24-29.
- Галашина Е.И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2020. - № 6 (70). - С. 33-43.
- Галашина Е.И. Криминогенные речевые действия, посягающие на мировоззренческую безопасность в интернет-среде, в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Судебная экспертиза. - 2020. - № 1 (61). - С. 34-44.
- Галашина Е.И., Никишин В.Д. Деструктивное речевое поведение в цифровой среде: факторы, детерминирующие негативное воздействие на мировоззрение пользователя / Lex russica. - 2021. - Т. 74. - № 6 (175). - С. 79-93.
- Галашина Е.И., Никишин В.Д. Криминалистические диагностические комплексы экстремистских речевых действий как отправная точка совершенствования антиэкстремистского законодательства / Законы России: опыт, анализ, практика. - 2021. - № 3. - С. 14-19.
- Галашина Е.И., Никишин В.Д., Богатырев К.М. Типовые криминалистические диагностические комплексы криминогенных речевых действий / Судебная экспертиза. - 2021. - № 1 (65). - С. 16-31.
- Никишин В.Д. Речеведческие компетенции как основа юридико-лингвистического обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации / Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ. - 2020. - С. 213-220.
- Никишин В.Д. Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде / Судебная экспертиза. - 2020. - №1 (61). - С. 131-139.

Никишин В.Д., Галяшина Е.И. Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности / Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15. - № 6. - С. 179-193.

References

- Bogatyrev, K.M. (2021). Developing a special theory of expert knowledge use with a view to ensuring information and worldview security in the digital environment. *Actual Problems of Russian Law*, 10 (131), 124-134 (in Russian).
- Bogatyrev, K.M. (2021). Media security in the digital environment: forensic aspect. *Theory and practice of crime investigation. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar, 292-296 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2020). Criminal speech acts that infringe on worldview security via internet environment in the aspect of forensic linguistic expertise. *Forensic Examination*, 1 (61), 34-44 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2020). The concept of information (worldview) security of internet-media communication in the aspect of forensic speech examination. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 6 (70), 33-43 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2020). The extremist internet discourse: legal, scientific and practical aspects of forensic linguistic analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*, 15 (2), 81-90.
- Galyashina, E.I. (2020). Use of special knowledge to counteract threats to information security of internet communication. *Bulletin of criminalistics*, 2 (74), 24-29 (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2021). The use of special knowledge to ensure worldview media security. *Theory and practice of forensic science in modern conditions: materials of the VIII International scientific and practical conference*. Moscow: RG-Press, 54-58 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). Destructive speech behavior in the digital environment: factors that determine the negative impact on the user's worldview. *Lex russica*, 74, 6 (175), 79-93 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). Forensic diagnostic complexes of extremist speech actions as a key point for improving anti-extremist legislation. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 3, 14-19 (in Russian).
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2021). The concepts of aggressive information impact through the lens of internet users' worldview security. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (11), 1660-1673.
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D. (2022). The protection of megascience projects from deepfake technologies threats: information law aspects. *Journal of Physics: Conference Series*, 2210.
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D., Bogatyrev, K.M. (2021). Media security protection: new methodology for authorship examination of the Internet discourse. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: International Conference on Language and Technology in the Interdisciplinary Paradigm (LATIP 2021)*, 118, 601-610.
- Galyashina, E.I., Nikishin, V.D., Bogatyrev, K.M. (2021). Typical forensic diagnostic complexes of criminogenic speech actions. *Forensic Examination*, 1 (65), 16-31 (in Russian).
- Nikishin, V.D. (2020). Digital and speech traces in terms of information (ideological) security in internet environment. *Forensic Examination*, 1 (65), 131-139 (in Russian).
- Nikishin, V.D. (2020). Speech competences as the basis for legal and linguistic support of information and ideological security of Internet communication. *International and national trends and prospects for the development of forensic science: collection of reports of the II International Scientific Conference*, Nizhny Novgorod, May 21-22, 2020 Nizhny Novgorod: UNN, 213-220 (in Russian).
- Nikishin, V.D., Galyashina, E.I. (2020). Legal linguistic approach to the study of criminogenic communication polycode texts in the digital environment in order to ensure information (worldview) security. *Actual Problems of Russian Law*, 6, 179-193 (in Russian).

Citation:

Галяшина Е.И., Богатырев К.М., Никишин В.Д. Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 96-101.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 01.12.2022 г.

Дата публикации издания 28.12.2022 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2022